

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СИСТЕМЫ И РЕЖИМЫ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

*Выпуск 2
Сборник научных статей*

Новосибирск
2013

УДК 332.27(571.1/.5)
ББК 63.3(25)61-33
П 504

*Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 11-01-00222а)

Научный редактор
д-р ист. наук *В.И. Шишкин*
Ответственный секретарь
канд. ист. наук *В.В. Журавлев*

Рецензенты:
д-р ист. наук *В.А. Исупов*
д-р ист. наук *А.А. Николаев*
канд. ист. наук *В.А. Прошин*

П 504

Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 216 с.
ISBN 978-5-98901-130-8

Во втором выпуске сборника анализируются малоизученные в отечественной и зарубежной историографии проблемы истории гражданской войны на востоке России. Предметом специального исследования стали политические системы и режимы, созданные так называемой «демократической контрреволюцией», феномен вождизма в идеологической практике контрреволюционного движения, Ставка Верховного главнокомандующего в системе органов государственной власти, «анненковщина» как политический фактор гражданской войны.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей высшей школы, работников архивов и музеев, краеведов, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-98901-130-8

© Институт истории СО РАН, 2013

Д.Л. Шереметьева

**САМАРСКИЙ КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ ВСЕРОССИЙСКОГО
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ:
ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Функционирование Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) продолжалось недолго — с 8 июня по 3 октября 1918 г. — даже по меркам исключительного по динамичности и насыщенности событиями периода гражданской войны. Однако именно в это время в Поволжье произошли события, оказавшие существенное влияние на все сферы жизни не только региона, но и России в целом. Важнейшими из них стали свержение советской власти и складывание одного из основных фронтов гражданской войны, создание Народной армии, становление антибольшевистских органов государственной власти, восстановление городского и земского самоуправления, захват золотого запаса Российской империи.

Значение произошедших событий предопределило интерес к изучению Комуча, но интерес преимущественно идеологически ангажированный. Советская историография доказывала контрреволюционную и буржуазную сущность проводимой Комучем политики¹. Постсоветская историография занялась прямо противоположным — доказательством того, что летом — осенью 1918 г. в Поволжье депутаты Всероссийского Учредительного собрания сформировали демократическую политическую систему, обозначив так называемый «третий путь» развития России². Отсюда схематичность и деклара-

---

¹ *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. Пг., 1923; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927; *Басин С.Г.* Комуч в Самаре в 1918 г. // Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та. Вып. XVIII. Куйбышев, 1957. С. 107–128; *Попов Ф.Г.* За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. Куйбышев, 1959; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; и др. Суждения о Комуче как «ширме для прикрытия белого дела» развивал В.Г. Медведев (*Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918 г.). Ульяновск, 1998).

² *Калягин А.В., Парамонов В.Н.* «Третий путь» в гражданской войне. Учеб. пособие. Самара, 1995; *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 — январь 1919 гг.).

тивность большинства суждений и выводов, основанных на разрозненных и во многом случайных эмпирических данных.

Публикация ключевых документальных источников по истории Комуча была начата сравнительно недавно. В 2006 г. В.А. Лапандин выпустил двухтомник, в котором содержится выборка из декларативных актов и распорядительных документов Комитета³. В 2011 г. сотрудники Центра изучения и публикации документов хранилища белоохранительских и белоэмигрантских фондов Государственного архива Российской Федерации подготовили и издали полные тексты всех сохранившихся журналов заседаний, приказов, постановлений, распоряжений, положений, деклараций, воззваний и обращений Комуча и Совета управляющих ведомствами Комуча за июнь — октябрь 1918 г.⁴ Опубликованные документы представляют собой фундаментальный задел для изучения деятельности Комитета в области государственного строительства и управления, социальной и экономической политики, здравоохранения, просвещения, внешней политики и др.

Задачи данной статьи ограничены выявлением состава, структуры и принципов работы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в июне — октябре 1918 г. Это позволит определить существенные характеристики Комуча как органа государственной власти.

Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания был образован в Самаре в начале июня 1918 г., незадолго до антибольшевистского переворота. По свидетельству П.Д. Климушкина, являвшегося председателем Самарского комитета партии эсеров и гласным Самарской городской думы, «небольшая группка членов Учредительного собрания» изначально задалась целью «возрождения целостности и независимости России», то есть претендовала на всероссийскую власть. Поэтому был поднят единственный, по их мнению, объединяющий всю страну символ, — флаг Всероссийского

Самара, 2003; *Морозов К.Н.* Самарский Комуч как «третий путь» в гражданской войне в зеркале показательного процесса социалистов-революционеров 1922 г. // Вестник Красноярского государственного аграрного ун-та. Красноярск, 2006. № 11. С. 349–355; и др.

³ Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь 1918 — январь 1919 гг.): исторические источники. В 2 тт. / Сост. и отв. ред. В.А. Лапандин. Самара, 2006.

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 года) / Отв. ред. Б.Ф. Додонов; отв. сост. К.Г. Ляшенко. М., 2011.

Учредительного собрания⁵.

Вопрос о том, кто входил в упомянутую «небольшую группку», прояснен не до конца. В докладе по итогам работы Комуча П.Д. Климушкин назвал в ее числе пять депутатов Всероссийского Учредительного собрания: себя самого, гласного Самарской городской думы И.М. Брушвита, гласного Минской городской думы И.П. Нестерова, старшего лейтенанта флота В.Н. Филипповского и бывшего товарища председателя Самарского совета депутатов Б.К. Фортунатов, которые все состояли членами партии эсеров. В отношении В.Н. Филипповского П.Д. Климушкин ошибся, поскольку официальное объявление о его вступлении в Комуч датировано 2 августа 1918 г.⁶, а до этого времени его роль в качестве члена Комитета документально не подтверждается. То есть решение об образовании Комуча и соответствующую ответственность приняли на себя четверо профессиональных революционеров из провинции, без широкой известности и признания в стране, даже не имевшие тесных связей с центральным руководством партии.

Неудивительно поэтому, что «дело считали авантюрой»⁷, «с первых дней Комитет был в полном одиночестве»⁸, с огромным трудом ему приходилось добиваться признания и содействия. Казавшиеся логичными расчеты на поддержку со стороны ЦК партии эсеров, «командировавшего для партийной работы» на восток России около десятка своих представителей во главе с одним из лидеров партии, председателем Всероссийского Учредительного собрания В.М. Черновым⁹, не вполне оправдались. Первыми, кто приехал по заданию ЦК партии эсеров в Самару «для помощи местным работникам» были член ЦК партии эсеров М.А. Веденяпин и депутат Всероссийского Учредительного собрания от Тверской губернии, член крестьянской комиссии при ЦК партии эсеров В.К. Вольский. В городе они появились накануне антибольшевистского переворота, поэтому разобраться в ситуации и принять активное участие в свержении советской власти не успели. При этом, несмотря на сомнения, они проявил солидар-

---

⁵ Публичный доклад П.Д. Климушкина об истории Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, 14 ноября 1918 г. // Журналы заседаний... С. 434.

⁶ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 4 августа.

⁷ Публичный доклад П.Д. Климушкина... С. 434.

⁸ Доклад И.П. Нестерова «О законодательной работе Комитета», 14 ноября 1918 г. // Журналы заседаний... С. 436.

⁹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М., 2000. С. 567, 575.

ность с комучевцами — В.К. Вольский вступил в Комитет, а М.А. Веденяпин, «не вошедший в него юридически как не член Учредительного собрания», фактически приступил к работе и «получил право решающего голоса»¹⁰.

Приказ № 1 о принятии власти Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания был подписан 8 июня 1918 г. И.М. Брушвитом, В.К. Вольским, И.П. Нестеровым и Б.К. Фортунатовым. Под ним нет подписи П.Д. Климушкина. Зато воззвание Комитета, датированное тем же числом, подписали все депутаты Всероссийского Учредительного собрания, находившиеся в то время в Самаре: И.М. Брушвит, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин, И.П. Нестеров и Б.К. Фортунатов. Эта «пятерка» закрепилась в историографии как «состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания»¹¹.

Форма власти Комуча была утверждена приказом № 1: «Гражданская и военная власть [...] впредь до образования учреждений Правительством общероссийским, переходит к Комитету, состоящему из членов Учредительного собрания [...]. Все органы, организации и лица обязаны подчиняться ему»¹². Тем самым он позиционировался как временный коллективный верховный орган государственной власти диктаторского типа. В.К. Вольский позднее утверждал, что «Комитет, несмотря на свой неясный приказ [...], с первого дня стал единственной властью своих территорий и без всяких трений с кем бы то ни было он выправил свою линию и стал неоспоримой верховной революционной властью, основательно стремившейся под скипетр революционной демократии и ее временной своеобразной диктатурой подогнать весь восток и всю Россию»¹³.

Наличие под воззваниями, постановлениями и приказами подписей членов Комуча позволяет конкретизировать и уточнить, кто принимал ключевые политические решения в новом органе государственной власти. Вся совокупность выявленных основных документов Комитета за июнь 1918 г. насчитывает 76 единиц: четыре воззвания, семь постановлений и 65 приказов¹⁴. В качестве членов Комуча,

---

¹⁰ *Веденяпин М.А.* Доклад члена ЦК партии эсеров Центральному комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года, 29 апреля 1919 г. // Журналы заседаний... С. 443; Доклад председателя Комуча В.К. Вольского [подготовленный к IX Совету партии социалистов-революционеров, июнь 1919 г.] // Исторический архив. 1993. № 3. С. 125.

¹¹ *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 19.

¹² Журналы заседаний... С. 140.

¹³ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 127.

¹⁴ Подсчитано по: Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов

подписывавших эти документы (только восемь приказов анонимны) фигурировали шесть человек. Среди них были упомянутые И.М. Брушвит, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин, И.П. Нестеров и Б.К. Фортунатов, а 18 июня 1918 г. в Комуч вошел прибывший накануне в Самару депутат Всероссийского Учредительного собрания от Самарской губернии член партии эсеров П.Г. Белозеров¹⁵.

Ключевыми фигурами в Комуче в то время были П.Д. Климушкин, подписавший около 50 документов, В.К. Вольский — около 30 и И.М. Брушвит — около 20. Всего членами этой «тройки» вместе или по отдельности подписаны около двух третей основных документов Комитета за июнь 1918 г. «Слабая включенность» в принятие политических решений еще троих членов Комуча имела разные причины. Б.К. Фортунатов постоянно находился на фронте, участвовал в военных действиях и не входил в вопросы организации власти. По оценке М.А. Веденяпина, этот «храбрый рубака [...] оказался совершенно непригодным к политической деятельности»¹⁶. П.Г. Белозеров был командирован в Бугуруслан для ликвидации большевизма и восстановления органов самоуправления. «Для упрочения власти Учредительного собрания и организации Народной армии» в командировке в Сызрани с 19 по 28 июня находился И.П. Нестеров¹⁷.

Такая «активность» членов Комуча являлась следствием естественного выдвижения лидеров и была обусловлена распределением обязанностей. По пять фамилий стоит только под принципиальными документами: воззванием Комуча о взятии власти от 8 июня, приказом № 5 о распределении отделов между членами Комитета от 9 июня, «Ответом членов Комитета Учредительного собрания торгово-промышленным организациям о возрождении экономической жизни» от 22 июня и приказом № 64 о мобилизации в ряды Народной армии.

«Тройками» решались такие вопросы, как учреждение и ликвидация ведомств, назначение высших должностных лиц и перевыборов в органы местного самоуправления, регулирование продовольственной и финансовой политики и некоторые другие.

Персональная ответственность широко практиковалась в так называемых «ведомственных» делах. Приказом № 5 от 9 июня 1918 г. были распределены сферы деятельности: на И.М. Брушвита возлагалось

Всероссийского Учредительного собрания. Июнь — октябрь 1918 г. М., 2011.

¹⁵ Самарские ведомости. 1918. 20 июня.

¹⁶ *Веденяпин М.А.* Доклад члена ЦК партии эсеров Центральному комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года, 29 апреля 1919 г. // Журналы заседаний... С. 453.

¹⁷ Журналы заседаний... С. 155.

«управление всеми банками и учреждениями, ведавшими финансовым делом», на П.Д. Климушкина — управление «административными делами, органами охраны и самоуправления», на В.К. Вольского — управление «органами продовольствия и промышленности», на И.П. Нестерова — управление «органами ведомства путей сообщения и ведомства народного просвещения»¹⁸. Соответственно, управлявший так называемыми «административными делами» П.Д. Климушкин, например, единолично подписал приказы Комуча о восстановлении органов местного самоуправления разного уровня, о назначении управляющих отделами в Комитете и др. «Управлявший всеми органами продовольствия и промышленности» В.К. Вольский, в свою очередь, подписал приказы Комуча о реквизированных советской властью предприятиях, о кожевенной монополии, о кассах безработных и т.п.

Сам В.К. Вольский рассказывал о сложившемся в Комуче распределении полномочий так: «Все дела вообще решались именем Комитета и многие ведомственные дела мало-мальски принципиального характера решались нашим „обширным“ пленумом, доходившим часто до трех человек. Впоследствии постепенно развивалось и более оформленное разделение труда, большее оборудование органами действия, наконец, большая уверенность друг в друге, что в сфере компетенции [каждый член Комитета] и сам не отойдет от общей линии»¹⁹.

При этом в организации власти активную роль играл член ЦК партии эсеров, не входивший формально в Комуч, но фактически обладавший правом решающего голоса при принятии важнейших политических решений — М.А. Веденяпин. Он до конца оставался «верным Комитету»²⁰. Важные координирующие и организационные функции выполнял профессиональный революционер, член партии эсеров Я.С. Дворжец, который являлся управляющим делами Комуча.

Предшествовавший жизненный опыт первых шести членов Комуча — П.Г. Белозерова, И.М. Брушвита, В.К. Вольского, П.Д. Климушкина, И.П. Нестерова и Б.К. Фортунатова — был приобретен преимущественно в подпольно-революционной среде. В юности, во время учебы в заведениях средней и / или высшей ступеней образования они стали членами партии эсеров. В 1905–1907 гг. их профессией стала революционная деятельность. Впоследствии П.Г. Белозеров и И.П. Нестеров были поднадзорными, В.К. Вольский подвергался арестам, Б.К. Фортунатова сослали в Клинский уезд Московской губер-

---

¹⁸ Там же. С. 143.

¹⁹ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 125.

²⁰ Там же. С. 132.

нии, а П.Д. Климушкин отбывал каторгу в Забайкалье. Они оставались в маргинальной среде и не адаптировались к политическому режиму Российской империи. Лишь новая революционная волна, поднятая в России весной 1917 г., вынесла их в эпицентры общественно-политической жизни. Они приняли участие в организации крестьянских съездов и советов крестьянских депутатов, в деятельности органов местного самоуправления. Широкая известность и популярность идейно-политической доктрины партии эсеров стала залогом их победы на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Насильственный захват власти большевиками в октябре 1917 г. и разгон всероссийской конституанты 5 января 1918 г. вынудили их вернуться к подпольной политической деятельности.

Первые шесть членов Комуча считали себя приверженцами демократической политической культуры. Они воспевали свободу слова и собраний, во главу угла ставили выборность представителей власти и коллегиальность принятия политических решений, подвергали критике государственное насилие и произвол²¹. При этом имели минимальный опыт применения этих принципов на практике. Более того, в партии эсеров, переживавшей идейный раскол, они занимали позиции на левом фланге, были склонны к политическому максимализму. Политическому диалогу и поискам компромиссов эти опытные революционеры предпочитали действовать в соответствии с лозунгом партии «В борьбе обрешь ты право свое!».

Однородный партийно-политический состав Комуча предопределил солидарность его членов и обеспечил относительную оперативность и согласованность действий нового органа власти. Однако из-за однопартийности Комитет испытывал огромные трудности в поиске союзников и сложности с легитимацией власти.

С июля 1918 г. и на протяжении всего времени функционирования Комуча его количественный и качественный состав не оставался неизменным. В июльском Положении о Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания было безоговорочно закреплено, что «в состав Комитета могут входить все члены Учредительного собрания»²². На совместном заседании Комуча и представителей Уральского правительства 27 июля 1918 г. В.К. Вольский уверенно говорил:

---

²¹ См., напр.: *Брушвит И.М.* Воспоминания и размышления. Самара, март 1918 // *Кабытов П.С., Курсков Н.А.* Вторая русская революция на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918). Самара, 2002. С. 187–197; *Климушкин П.Д.* Из Зерентуя до Самары (к амнистии 1917 года). Самара, апрель 1918 г. // Там же. С. 198–242.

²² Журнал заседаний... С. 330.

«Мы мыслим себе Комитет как эмбрион Учредительного собрания, а не как областной орган. В силу этого все члены Учредительного собрания могут быть здесь, в Комитете»²³. Для вступления в Комуч требовалось только предъявить депутатский мандат и подать соответствующее заявление.

С политической точки зрения это был разумный ход. Лидеры Комитета таким образом репрезентовали себя как последовательные приверженцы демократических принципов, а те, кто не вступал в Комуч, напротив, представлялись политиками, для которых верховная всероссийская конституанта являлась лишь объектом спекуляций. При этом большевиков, как «отвергших Учредительное собрание»,²⁴ в Комитете просто не ждали, а «левых» эсеров, избранных от партии, предполагалось считать выбывшими и заменить следующими по списку кандидатами²⁵.

На таких «юридических» условиях по мере расширения территории, подконтрольной антибольшевистским органам власти, число членов Комуча увеличивалось. Согласно официальным данным, публиковавшимся в виде поименных списков в официальной газете «Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания», на 8 августа 1918 г. в Комуч входили 29 депутатов Всероссийского Учредительного собрания²⁶, на 23 августа — 48 депутатов²⁷; на 3 сентября — 71 депутат²⁸; на 1 октября — 93 депутата²⁹. При этом в списках не значились, по меньшей мере, еще четверо депутатов, о вступлении которых в Комуч было официально объявлено³⁰. По всей вероятности, они были «пропущены» из-за недостаточно тщательной работы канцелярии Комитета и небрежности ведения официальной части газеты, встречавшей нарекания даже на высшем государствен-

---

²³ Протокол заседания Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания и представителей Уральского правительства, 27 июля 1918 г. // Журналы заседаний... С. 132.

²⁴ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 20.

²⁵ Согласно утвержденному 23 июля 1918 г. заключению юридического отдела Комуча // Журналы заседаний... С. 39.

²⁶ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 13 августа.

²⁷ Там же. 26 и 31 августа, 1 сентября.

²⁸ Там же. 5 сентября.

²⁹ Там же. 1 октября.

³⁰ См.: Объявления о вступлении в состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания // Журналы заседаний... С. 415–427.

ном уровне³¹. С учетом возможных погрешностей можно утверждать, что всего в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания в июне — октябре 1918 г. входило около ста человек³².

Динамика роста численности членов Комуча, казалось бы, была внушительной: ведь за четыре месяца количество членов в Комитете увеличилось с пяти до ста человек. Однако оценивать ее нужно с нескольких позиций. С одной стороны, изначально Комуч функционировал как орган верховной революционной власти, взяв на себя всю ответственность за политические решения и их воплощение в жизнь. Соответственно, почти двадцатикратное увеличение числа членов Комуча являлось само по себе колоссальным и приводило к повышению статуса и изменению характера функционирования Комитета. С другой стороны, претензии Комуча на всероссийскую власть даже при наибольшей его численности в октябре 1918 г. оставались формально не обоснованными. Кворум от избранных депутатов Всероссийского Учредительного собрания, количество которых достигало примерно 760 человек³³, даже за вычетом большевиков, не могло быть менее трехсот депутатов. При этом Комуч являлся представительством главным образом восточных территорий России. К октябрю 1918 г. в нем числились 30 депутатов из почти четырех десятков избранных в Поволжье, 18 депутатов из приблизительно 40 избранных в Сибири, 15 депутатов из почти 60 избранных на Урале. Остальные депутаты Всероссийского Учредительного собрания представляли другие регионы бывшей Российской империи и фронт.

Количественный рост Комуча сопровождался коррективами в его составе. По партийно-политической принадлежности подавляющее большинство постоянно оставалось за эсерами, что было связано с их победой на выборах в верховную конституанту в ноябре — декабре 1917 г. Лишь 18 членов Комуча представляли другие группы, партии и организации: башкирских федералистов, партию «Алаш», Самарский губернский мусульманский национальный совет, Мусуль-

---

³¹ Журнал № 50 заседаний Комитета, 24 сентября 1918 г. // Журналы заседаний... С. 84.

³² В историографии приводятся аналогичные оценки общей численности членов Комуча (*Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. С. 64; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. С. 21; и др.). Исключение составляет уклончивое утверждение, что «на каком-то этапе численность доходила до 120 человек» (*Додонов Б.Ф., Хрусталева В.М.* Предисловие // Журналы заседаний... С. 10).

³³ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 47.

манскую социалистическую партию, Киргизский исполнительный комитет и Чувашскую организацию социалистов, Оренбургское казачье войско и казачество Области Войска Донского.

«Социалистическая однородность» Комуча удовлетворяла его «основателей», так как они руководствовались идеалом «чистой революционной демократической власти» и «не мыслили о какой-то коалиции»³⁴. В этом свете вряд ли стоит полностью доверять утверждению депутата Всероссийского Учредительного собрания кадета Л.А. Кроля о том, что в июле 1918 г. П.Д. Климушкин зазывал его в Комуч, члены которого якобы «особенно ценили участие в Комуче хоть одного кадета»³⁵. В то время П.Д. Климушкина заботили, скорее, престиж и легитимность Комитета, о чем упомянул и сам Л.А. Кроль: «Появление в газетах известия о моем приезде в Самару и отсутствие приказа о моем зачислении в Комуч будет истолковано во вред ему»³⁶. Кроме «казуса Кроля», нет сведений о том, что члены Комитета «зазывали» кадетов в Комуч. Они, скорее, оставались пассивны в этом отношении. Так, М.А. Веденяпин, «отвечая» на вопрос кадетов об однопартийности Комуча, только «предложил принять все зависящие от них (кадетов. — Д.Ш.) меры понудить своих членов Учредительного собрания прибыть в Самару и войти в состав Комитета»³⁷.

При этом принадлежность к одной партии подавляющего большинства членов Комуча еще не означала единства мнений и согласованности действий эсеров внутри этого органа власти. Как известно, в партии эсеров существовали резкие идейно-политические противоречия, и более статусные ее члены по мере вступления в Комуч могли кардинально изменить политическую линию Комитета. Поскольку такая гипотеза не лишена оснований, попытаемся проследить, как изменялся состав Комуча на персональном уровне и что происходило с его «активом».

В течение июля 1918 г. в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания вступили 16 депутатов: В.С. Абрамов, В.И. Алмазов, Я.А. Богословов, К.С. Буревой, А.С. Былинкин, А.И. Дутов, Н.В. Здобнов, А.И. Кривошеков, Е.Е. Лазарев, П.Г. Маслов, В.А. Матушкин, С.Н. Николаев, В.В. Подвицкий, Г.Р. Терегулов, Ф.Н. Тухватуллин и Н.А. Шме-

---

³⁴ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 127.

³⁵ Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 60.

³⁶ Там же.

³⁷ Веденяпин М.А. Доклад члена ЦК партии эсеров Центральному комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года, 29 апреля 1919 г. // Журналы заседаний... С. 536.

лев. Временно к ним присоединился Н.С. Анисимов, который в результате проверки депутатского мандата 3 августа 1918 г. был исключен из Комуча³⁸. Из «пополнивших» ряды Комуча, судя по сохранившимся одиннадцати журналам заседаний Комитета за вторую половину июля 1918 г., активно в работу верховного органа власти включились такие члены партии эсеров: слесарь В.С. Абрамов и присяжный поверенный А.С. Былинкин, народник-семидесятник, профессиональный революционер Е.Е. Лазарев, председатель Ставропольской уездной земской управы агроном П.Г. Маслов и председатель армейского комитета 9-й армии землемер Н.А. Шмелев. В отдельных заседаниях Комуча приняли участие, а затем в качестве представителей Комитета были командированы в Уфу — депутат Миллимеджлиса, член Национального совета Уфимской губернии Г.Х. Терегулов, на Урал — профессиональный революционер В.В. Подвицкий, на фронт в качестве обоуполномоченного при Народной армии — профессиональный революционер, публицист, член ЦК партии эсеров К.С. Буревый. Совсем не приняв участия в заседаниях председатель Бузулукской уездной земской управы Я.А. Богословов, атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов и казак Оренбургского войска В.А. Матушкин. Остальные прибыли в Самару в самом конце июля и не успели проявить себя.

Все вместе в июле 1918 г. члены Комуча никогда не собирались. Но это не мешало его лидерам декларировать и на практике стремиться к соблюдению принципа коллегиальности в деятельности.

В то же время ключевые политические решения в Комитете принимали вполне определенные люди. Ответить на вопрос о том, кто отчасти позволяет наличие под воззваниями, постановлениями и приказами фамилий членов Комуча. Вся совокупность выявленных основных документов Комитета за июль 1918 г. насчитывает 121 единицу: четыре декларативных акта, 14 постановлений и положений, 103 приказа (причем из них всех только три постановления и одно положение анонимны)³⁹. В числе подписывавших эти документы фигурировали все члены Комуча, кроме В.А. Матушкина, С.Н. Николаева и В.В. Подвицкого. Однако частота появления подписей была различной. Приказы и постановления, как правило, визировали один или два члена Комитета. Под декларативными актами стояло несколько подписей, но нет ни одного, подписанного более чем десят-

---

³⁸ Журналы заседаний... С. 417–418.

³⁹ Подсчитано по: Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь – октябрь 1918 г. М., 2011.

ком членов Комуча.

Единственным документом, подписанным всеми наличными членами Комуча, был приказ от 17 июля 1918 г. В нем речь шла о назначении командира 4-го чехословацкого стрелкового полка, командующего Поволжской группой войск Чехословацкого корпуса полковника С. Чечека командующим Народной армией, в результате чего он возглавил все войска Поволжского фронта. Первостепенная значимость вопроса требовала максимального согласования мнений по этому поводу. Тем самым еще более явными становились те узлы, которые связывали антибольшевистское движение в Поволжье в единое целое: необходимость вооруженной борьбы с большевиками и признание чехов как фактора силы и согласия в лагере контрреволюции. По остальным вопросам не было подобного проявления солидарности. Даже Декларацию Комуча от 25 июля 1918 г. с изложением политической программы подписали всего семь «комучевцев»: «основатели» Комитета В.К. Вольский, П.Г. Белозеров, И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, И.П. Нестеров и присоединившиеся к ним В.С. Абрамов и Н.А. Шмелев.

В июле 1918 г. ключевыми фигурами в Комуче оставались В.К. Вольский, подписавший около 80 документов, и П.Д. Климушкин, подписавший около 60 документов. В команде с ними оставались П.Г. Белозеров, И.М. Брушвит и И.П. Нестеров, подписавшие около дюжины документов. При этом «июньская тройка» — П.Д. Климушкин, В.К. Вольский, И.М. Брушвит — временно рассредоточилась. И.М. Брушвит отправился во главе делегации Комуча в Сибирь, а в паре В.К. Вольский — П.Д. Климушкин окончательно определилось лидерство. В середине июля позиция В.К. Вольского как «первого среди равных» была закреплена: он стал председателем Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. По словам самого В.К. Вольского, в Комуче до этого времени «не было даже председателя из боязни нарушить его внутреннее равенство». В июле он был впервые избран на этот пост, не получив при этом особых властных полномочий⁴⁰.

По количеству подписей прослеживается также, что в июле 1918 г. ответственность за политику Комуча приняли на себя такие «новички», как В.С. Абрамов, А.С. Былинкин, Е.Е. Лазарев и П.Г. Маслов. За ними были закреплены обязанности управляющих в формировавшихся ведомствах. К заведыванию юстицией приступил А.С. Былинкин, земледелием — П.Г. Маслов, вопросами государственного контроля занимались В.С. Абрамов и Е.Е. Лазарев.

---

⁴⁰ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 134.

Складывавшееся распределение полномочий в Комуче документально было зафиксировано не позднее 23 июля 1918 г. в Положении о Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания. Основные полномочия председателя были закреплены в шестой статье Положения: «Председатель, а в его отсутствие — заместитель, является представителем Комитета в официальных сношениях, заведует личным составом служащих Комитета, следит за своевременным выполнением постановлений и распоряжений Комитета, созывает общие собрания Комитета и председательствует в них». Из невнятной формулировки статьи 16 того же Положения — «распоряжения общего или законодательного значения, издающие за подписью председателя или заместителя и управляющего ведомством», — следовало, что председатель Комуча утверждал все решения государственной важности⁴¹. Полномочия председателя Комитета были прописаны не подробно и не четко. Однако реально в его руках сосредоточивались все нити управления, и «единство во многих лицах» Комуча существовало не за счет демократических принципов организации власти, а благодаря тому, что председатель был окружен единомышленниками.

В Положении прописывалось выделение в системе управления Комуча десяти ведомств: военное, внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия, хозяйственно-экономическое (торговли, промышленности и продовольствия), сообщений, социального обеспечения (труда и государственного призрения), внешних сношений и народного просвещения. Подразумевалось, что управлять ведомствами будут главным образом члены Комуча. Управляющему ведомством вменялось в обязанность составление инструкции о порядке деятельности ведомства, объеме его прав и обязанностей (ст. 10), «непосредственное заведывание делами и председательствование в совещательных органах ведомства» (ст. 11), «руководство деятельностью ведомства» и «определение и увольнение высших должностных лиц по своему ведомству» (ст. 12), сообщение председателю Комитета обо «всех событиях государственной важности и вызванных ими мерах и распоряжениях» (ст. 13)⁴².

При этом «все мероприятия общего характера, инструкции, наказы, обязательные постановления и вообще все вопросы, имеющие характер законодательный, должны разрешаться в заседаниях Комитета». Вносить их на рассмотрение мог любой член Комитета. Порядок рассмотрения и вступления в действие решений не был зафиксиро-

---

⁴¹ Журналы заседаний... С. 330–331.

⁴² Там же.

ван. Однако в невнятно сформулированной статье 16 Положения закреплялась распространенная практика издания документов «общего или законодательного значения» за подписью одного председателя Комитета или председателя и управляющего ведомством.

В Положении был зафиксирован принцип выборности председателя Комитета, его заместителя, глав ведомств и «лиц, стоящих во главе губернских учреждений». Однако порядок и процедура выборов прописаны не были. Не выявлено и документов, фиксировавших проведение выборов в Комуче в июне — июле 1918 г., а формулировки решений Комуча об управляющих ведомствами звучали не иначе как «назначить». Поэтому соответствующие статьи Положения нужно признать в большей степени декларацией демократических принципов и ориентацией на их реализацию в будущем.

В целом Положение не вносило ясности в структуру и принципы деятельности Комитета, а отражало сложившуюся противоречивую ситуацию. В нем была зафиксирована и сущность Комуча как ничем не ограниченного чрезвычайного органа верховного управления, и прописаны элементы для развития Комитета как демократического органа государственной власти.

Таким образом, в июле 1918 г. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания пополнился свежими кадрами и зафиксировал структуру верховного управления. Однако из порядка двадцати членов Комитета активное участие в его непосредственной работе приняли не более половины. «Первоначальный костяк» поддержали личным участием прибывшие депутаты, равные им по статусу в партии эсеров. По меткому выражению члена ЦК партии эсеров, М.А. Веденяпина, принимавшего непосредственное участие в деятельности Комуча, «в Самаре всю работу выполнял [...] наш партийный „середняк“»⁴³. При этом «новички» оказались полезны не только солидарностью, но и тем, что имели опыт работы в разных профессиональных сферах. Представители местной национальной интеллигенции и казачества, объявившие о вступлении в Комуч, преимущественно воздержались от непосредственного участия в формировании политической линии Комитета.

В июле — начале августа 1918 г. «актив» Комуча столкнулся с проблемой игнорирования Комитета отдельными статусными поли-

---

⁴³ *Веденяпин М.А.* Доклад члена ЦК партии эсеров Центральному комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года, 29 апреля 1919 г. // Журналы заседаний... С. 456.

тиками, среди которых оказались члены бюро фракции эсеров Всероссийского Учредительного собрания и члены ЦК партии эсеров. Из Москвы в Самару приехали А.А. Аргунов и В.Е. Павлов. Они сообщили, что ЦК якобы вошел в Союз возрождения России — объединение на персональной основе правых эсеров, левых кадетов, народных социалистов, социал-демократов группы «Единство» и беспартийных, образованное с целью политической борьбы против советской власти. Союз, якобы имевший «огромное влияние как в России, так и за границей», наметил образование «настоящего» Всероссийского правительства в форме Директории и подобрал соответствующих кандидатов. Ориентированные на программу Союза возрождения России А.А. Аргунов и В.Е. Павлов заявили, что считают «ошибкой форму организации власти» в Самаре и «злоупотреблением именем Всероссийского Учредительного собрания»⁴⁴.

После частных переговоров с членами Комуча, возглавляемых резко негативно отнесшимся к «буржуазному бреду о Директории» председателем⁴⁵, А.А. Аргунов и В.Е. Павлов выехали из Поволжья в Сибирь для организации отделов Союза возрождения России. Невхождение в Комитет этих статусных политиков пошатнуло авторитет Комуча. Однако еще тревожнее было то, что такие видные члены бюро фракции эсеров, как Н.Д. Авксентьев и Б.Н. Моисеенко вообще проехали мимо Самары в Сибирь.

Официальное сообщение, раскрывавшее директивы бюро фракции эсеров Всероссийского Учредительного собрания, сделал 18 июля 1918 г. другой ее представитель, В.Я. Гуревич. Он заявил, что бюро фракции «командирует делегацию в Сибирь и на территорию, освобожденную от советской власти, предоставив ей: 1) право представительства от бюро фракции в сношениях с иностранными дипломатическими посольствами и образовавшимися правительствами; 2) право организации власти и участия в ней; 3) право созвать фракцию и междуфракционный совет Учредительного собрания; 4) право инициативы по созыву Учредительного собрания»⁴⁶. Комуч ревниво был проигнорирован, за ним не признавалось права действовать от имени Всероссийского Учредительного собрания. Поэтому местом сбора фракции был назначен Омск, а на вступление в Комитет, по всей вероятности, было наложено негласное вето⁴⁷.

---

⁴⁴ Там же. С. 454–455.

⁴⁵ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 133.

⁴⁶ Журналы заседаний... С. 33.

⁴⁷ См.: *Веденяпин М.А.* Доклад члена ЦК партии эсеров Центральному комитету партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года, 29 апреля 1919 г. //

Тем не менее, в течение августа 1918 г. в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания вступили еще 38 депутатов: В.А. Алексеевский, И.С. Алкин, Г.Ф. Алюнов, В.Г. Архангельский, М.Г. Ахмеров, А.Б. Байтурсунов, Г.Г. Богданов, А.А. Валидов, И.В. Васильев, К.Я. Воробьев, М.Я. Гендельман, В.Я. Гуревич, А.А. Девизоров, Д.Д. Досмухамедов, Х.Д. Досмухамедов, С.Д. Дошанов, Л.В. Затейщиков, В.М. Зензинов, Н.Н. Иванов, Н.И. Ипмагамбетов, М.Л. Коган-Бернштейн, Г.Н. Кондратенков, М.А. Кроль, А.Н. Кругликов, Н.В. Левченко, Б.Д. Марков, А.А. Минин, Д.П. Петров, К.Т. Почекуев, Д.Ф. Раков, В.Ф. Тана(ы)чев, М.Ф. Тухтаров, В.А. Фахретдинов, В.А. Филатов, В.Н. Филипповский, Ф.Д. Чернышев, А.И. Шапошников и Д.С. Шнырев.

Из них, судя по сохранившимся 17 журналам заседаний Комитета за август 1918 г., активно в работу верховного органа власти включились члены ЦК партии эсеров и представители бюро фракции эсеров Всероссийского Учредительного собрания М.Я. Гендельман, В.Я. Гуревич, В.М. Зензинов, Н.Н. Иванов, М.Л. Коган-Бернштейн, Д.Ф. Раков, профессиональные революционеры Г.Н. Кондратенков, Н.В. Левченко, Б.Д. Марков, А.А. Минин и некоторые рядовые члены партии: офицер, командир башкирских военных отрядов М.Г. Ахмеров, земский статистик К.Я. Воробьев, журналист Д.П. Петров, учитель К.Т. Почекуев, инженер, старший лейтенант флота В.Н. Филипповский и литератор Ф.Д. Чернышев. Необходимо учесть также и тех эсеров, кто в последние дни июля вошел в Комуч и приступил к полноценной работе в Комитете в августе — журналист и литератор В.И. Алмазов, военный Н.В. Здобнов, присяжный поверенный С.Н. Николаев, журналист, кооператор В.В. Подвицкий и эсер-боевик, бывший в 1917 г. Петроградским градоначальником Е.Ф. Роговский.

В августе «из новичков» совсем не приняли участие в заседаниях Комитета или присутствовали лишь на его отдельных заседаниях эсеры В.А. Алексеевский, В.Г. Архангельский, А.А. Девизоров, Л.В. Затейщиков, М.А. Кроль, А.Н. Кругликов, В.А. Филатов, А.И. Шапошников и Д.С. Шнырев; члены казахской национальной партии «Алаш» А.Б. Байтурсунов, Д.Д. и Х.Д. Досмухамедовы, С.Д. Дошанов и В.Ф. Тана(ы)чев; представители башкирских федералистов А.А. Валидов, И.В. Васильев и В.А. Фахретдинов, члены Самарского губернского мусульманского совета Н.И. Ипмагамбетов и М.Ф. Тухтаров, мусульманский социалист И.С. Алкин, член эсеровской чувашской организации Г.Ф. Алюнов, казак Оренбургского казачьего войска, эсер Г.Г. Богданов. Впоследствии В.К. Вольский говорил о том, что «иные из вступивших в Комитет воз-

держивались от работы» и сокрушался на счет В.А. Алексеевского, который «упорно отказывался от совершенно необходимой верховно-следственной работы над злодействами в Сызрани»⁴⁸.

Большинство представителей национальных партий и движений, а также казаки оставались своеобразным балластом в эсеровском Комуче. Сугубо утилитарное, пользовательское отношение к претендовавшему на верховную власть в России Комитету проявилось наиболее ярко в поведении атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова. Он формально признал Комуч и постоянно требовал у него значительные суммы денег на содержание войска. При этом атаман крайне уничижительно отзывался о Комитете в ходе переговоров с Временным Сибирским правительством и оказывал прямое неподчинение приказам Комитета.

Однако проблемы с представителями местных национальностей и казаками оставались скорее «внешними» по отношению к Комитету. По сравнению с ними более значимым был разброд среди самих эсеров, входивших в Комуч. Статусные эсеры почти одновременно прибыли в Самару и вошли в Комитет с целью контролировать ситуацию на востоке России в целом. По большому счету они пытались использовать поволжский «огрызок Учредительного собрания» как трамплин к всероссийской власти. Но повлияло ли их вхождение в Комуч на состав тех, кто принимал на себя ответственность за политику Комитета, на его актив? Этот вопрос позволяет прояснить опять же наличие под воззваниями, постановлениями и приказами подписей членов Комуча.

Вся совокупность выявленных основных документов Комитета за август 1918 г. насчитывает 111 единиц: семь декларативных актов, шесть постановлений и положений, 98 приказов, из которых только два воззвания и одно постановление анонимны⁴⁹. В качестве подписывавших эти документы фигурировали около двух десятков членов Комуча. То есть столько же, сколько в июле, или не более трети от всего августовского состава Комитета. По-прежнему документы, как правило, визировали один или два члена Комуча и крайне редки были подписанные более чем десятком членов Комитета.

Всего 12 человек поставили подписи под «Декларацией Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания о принятии власти Комитетом впредь до созыва Учредительного собрания и задачах

---

⁴⁸ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 133.

⁴⁹ Подсчитано по: Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания...

его деятельности» от 2 августа 1918 г. Этот текст, более обтекаемый и с акцентом на идее национального возрождения, признали и подписали не только члены, составлявшие «костяк» комитета, но и казаки Оренбургского казачьего войска А.И. Кривошеков и В.А. Матушкин, а также представитель Мусульманской социалистической партии Ф.Н. Тухватуллин. Тем не менее, количественный показатель все же свидетельствовал об отсутствии полноценной поддержки «актива» Комитета остальными членами Комуча.

Ключевыми фигурами в Комуче в августе 1918 г. оставались В.К. Вольский, подписавший около 60 документов, и П.Д. Климушкин, подписавший около 30 документов. Встроился в работу вернувшийся из командировки в Сибирь И.М. Брушвит, также подписавший в августе около 30 документов. При этом во время отъезда В.К. Вольского на переговоры по вопросу организации Государственного совещания в Челябинск с 21 по 27 августа И.М. Брушвит исполнял обязанности заместителя председателя Комуча. В команде оставались неизменные П.Г. Белозеров и И.П. Нестеров, присоединившиеся в июле В.С. Абрамов, А.С. Былинкин, Е.Е. Лазарев и П.Г. Маслов. По количеству подписей прослеживается, что в августе 1918 г. ответственность за политику Комуча приняли еще несколько «новичков»: В.И. Алмазов, Н.В. Здобнов, С.Н. Николаев, В.Н. Филипповский и Н.А. Шмелев. Постепенно приступили к работе Е.Ф. Роговский, избравший полем своей деятельности поприще охраны государственного порядка и безопасности, и А.А. Минин, на которого было возложено ведение информационной политики Комитета. То есть Комуч продолжал держаться на так называемом «партийном середняке».

Расширение территории, контролируемой Комучем, пополнение его состава и увеличение административного аппарата привели к необходимости реорганизации работы Комитета. Основные решения по этому вопросу были приняты на заседаниях 13 и 14 августа 1918 г.

Во-первых, был институционализован президиум Комитета в составе пяти лиц, включавший в себя председателя, двух товарищей председателя, секретаря и товарища секретаря⁵⁰, — и проведены выборы на эти посты. Выборы председателя прошли безальтернативно. Единственным кандидатом был действующий председатель Комуча В.К. Вольский. За него, согласно журналу заседаний, проголосовали 32 человека, тогда как зафиксировано было всего 25 присутствовавших⁵¹. Возможно, в документ вкралась ошибка, однако в любом случае

---

⁵⁰ Журналы заседаний... С. 61.

⁵¹ Там же. С. 62.

не вполне ясно, существовало ли единство мнений о его кандидатуре. На посты товарищей председателя Комуча баллотировали И.М. Брушвита, М.Я. Гендельмана, А.А. Минина, Д.Ф. Ракова и Е.Ф. Роговского, а оказались избранными И.М. Брушвит и М.Я. Гендельман, получившие по 19 голосов. В секретари были выдвинуты В.А. Алексеевский, И.П. Нестеров, С.Н. Николаев и Н.А. Шмелев. Последние двое и прошли, набрав соответственно 20 и 18 голосов⁵².

Итоги выборов в целом зафиксировали существовавшее положение дел. Единственным изменением, казалось бы, было введение в «ареопаг» Комуча члена ЦК партии эсеров М.Я. Гендельмана. Однако в заседаниях М.Я. Гендельман принимал участие редко. Председательствовал в Комуче он лишь трижды — 16, 28 августа и 4 сентября, — и только на время докладов В.К. Вольского. Из документов Комуча М.Я. Гендельман подписал только приказ № 269 от 5 сентября 1918 г. о внесении изменений в Положение о Главном комитете по топливу и два постановления президиума Комитета от 1 октября 1918 г. о порядке ликвидации дел Комуча. В Самаре М.Я. Гендельман действовал преимущественно как член ЦК партии эсеров и член фракции эсеров Всероссийского Учредительного собрания. Даже в комиссии Комуча по подготовке к Государственному совещанию он подчеркивал «вторичность» и «подчиненность» Комитета. Именно ему принадлежало заявление о том, что для депутатов «постановление Комитета (по вопросу о создании власти. — *Д.Ш.*) не будет иметь обязательного значения, так как члены Комитета явятся на совещание не как члены Комитета, а как члены Учредительного собрания»⁵³. То есть М.Я. Гендельман избегал ответственности за политику Комитета, принижал его значение и вел, по оценке В.К. Вольского, «курс демократического вижжеляния»⁵⁴.

Во-вторых, 14 августа 1918 г. было принято решение об учреждении правительства Комуча — Совета управляющих ведомствами, — зафиксированное приказом № 244 от 22 августа 1918 г.⁵⁵ По мнению В.А. Лапандина, таким образом произошло разделение власти на зако-

---

⁵² По утверждению В.А. Лапандина, ссылавшегося на книгу И.М. Майского «Демократическая контрреволюция» (М., 1923. С. 60), секретари президиума Комуча не являлись его членами и были лишь техническими работниками (*Лапандин В.А. Комитет членов...* С. 77). Однако секретарей избирали на самом высоком уровне из числа членов Комуча.

⁵³ Журналы заседаний... С. 73.

⁵⁴ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 133.

⁵⁵ Журналы заседаний... С. 62, 272.

нодательную и исполнительную⁵⁶. В документах Комуча, конечно, встречаются дефиниции «исполнительная» и «законодательная» по отношению к институтам государственной власти и их полномочиям. Однако в делопроизводстве не появилось признаков того, что Комитет стал «органом законодательной власти», а учреждение Совета управляющих ведомствами обернулось реализацией базового принципа демократического разделения властей. По существу, это был «технический», закономерный ответ на расширение аппарата управления, закрепление уровней работы и распределение ответственности.

Отделение верховного органа государственной власти от исполнительного аппарата осталось достаточно условным. Президиум Комуча входил в Совет управляющих ведомствами с правом решающего голоса и контролировал все действия последнего. «Вопросы принципиальные и общеполитического характера по рассмотрении в Совете» должны были поступать на решение Комитета⁵⁷. К тому же большинство управляющих ведомствами являлись членами Комуча. Это были председатель и управляющий ведомством государственного порядка и безопасности Е.Ф. Роговский, управляющий ведомством внутренних дел П.Д. Климушкин, управляющий ведомством юстиции А.С. Былинкин, управляющий ведомством финансов Д.Ф. Раков, управляющий ведомством земледелия П.Г. Маслов, управляющий ведомством торговли и промышленности В.Н. Филипповский, управляющий ведомством продовольствия В.И. Алмазов, управляющий ведомством путей сообщения И.П. Нестеров, управляющий ведомством просвещения Е.Е. Лазарев, управляющий ведомством почт и телеграфов П.Г. Белозеров, управляющий контрольным ведомством и председатель Высшей контрольной комиссии В.С. Абрамов. Исключение составили только управлявший военным ведомством полковник Н.А. Галкин, управлявший ведомством иностранных дел М.А. Веденяпин и управлявший ведомством труда меньшевик И.М. Майский.

Учреждение президиума и Совета управляющих ведомствами не привело к изменению принципов и приемов работы Комуча. В.К. Вольский называл это «коллективным самодержавием»: «Комитет сохранял свое самодержавство», «Комитет действовал диктаторски»⁵⁸. Поэтому, например, предложенное 26 августа 1918 г. кандидатом в члены ЦК партии эсеров, членом Комуча М.Л. Коган-Бернштейном «введение гласности и публичности заседаний Комитета как не-

---

⁵⁶ Лапандин В.А. Комитет членов... С. 77, 99.

⁵⁷ Журналы заседаний... С. 62, 272.

⁵⁸ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 134.

обходимом средстве борьбы за демократию»⁵⁹ было признано «при настоящих условиях невозможным»⁶⁰. Представления руководителей Комуча о масштабах и границах власти проявились в небольшой фразе на одном из последних заседаний: «Указать управляющему военным ведомством о правах Комитета издавать инструкции независимо от существующих законоположений и не стесняясь рамками ведомств»⁶¹. То есть представления о верховенстве закона, принципе разделения властей и гласности у «актива» Комуча если и существовали в качестве ценности и / или цели, то летом — осенью 1918 г. их заслоняла необходимость политического выживания в чрезвычайных условиях гражданской войны.

Однако, как докладывал впоследствии В.К. Вольский, «мы, революционное меньшинство в Комитете, когда он разбух от „возрожденцев“ и чекистов-гендельмановцев, хотя и держали фактически и беспрекословно власть в своих руках, но не имели достаточно своих сил для самостоятельного действия и вынуждены были считаться с „тоже“ членами Учредительного собрания»⁶².

С одной стороны, пополнение Комуча членами ЦК партии эсеров казалось большим приобретением для его морального авторитета, способствовало укреплению легитимности власти. С другой стороны, в Комитете возник властно-статусный дисбаланс, грозивший конфликтами вплоть до утраты дееспособности власти. Эсеры-максималисты, «партийные середняки», учредившие Комуч, столкнулись с «патентованными членами партии» — более авторитетными и опытными политиками, представлявшими умеренные, центристские позиции. «Совместное пребывание» в Комитете радикально настроенных эсеров левого крыла партии и «сторонников больших компромиссов» справа⁶³, по большому счету, было искусственным и создавало ситуацию противодействия.

В августе 1918 г. ярко проявилась тенденция игнорирования Комитета со стороны видных эсеров, депутатов Всероссийского Учредительного собрания. На востоке России вели политическую деятельность Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, Е.Е. Колосов и др. Позднее В.К. Вольский

---

⁵⁹ Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 28 августа.

⁶⁰ Журналы заседаний... С. 71.

⁶¹ Там же. С. 84.

⁶² Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 131.

⁶³ Кроль М.А. Страницы моей жизни. М., Иерусалим, 2008. С. 513.

вспоминал о 10–12 несогласных, «упорно не вступавших в Комитет»⁶⁴. Это были центристы и правые эсеры, склонные к политике соглашений и коалиций, не признававшие эсеров-максималистов.

При этом в сентябре 1918 г. в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания вступили еще 33 депутата: Г.А. Алибеков, Т.В. Баранцев, А.К. Беремжанов, Ю.Ю. Бибиков, В.Т. Владыкин, А.М. Власов, С.А. Володин, И.Е. Вольный, К.А. Евдокимов, Д.П. Котельников, М.Я. Линдберг, А.П. Лисиенко (Ф.С. Семенов), В.А. Ломшаков, С.М. Лотошников, Н.М. Любимов, В.С. Мамонов, О.С. Минор, А.Ф. Мухин, И.Д. Набатов, М.Ф. Омельков, Ф.К. Павлов, С.М. Поташников, Н.И. Ракитников, Д.С. Розенблюм, Н.В. Святицкий, М.Л. Слоним, Б.Ф. Соколов, П.С. Суханов, Г.Т. Титов, В.Л. Утгоф, Ф.Ф. Федоров (Федорович), Н.В. Фомин и Б.Н. Черненков.

Государственное совещание в Уфе и нависшая над Самарой угроза ее захвата Красной армией нарушили налаживавшуюся работу Комуча. В начале сентября, судя по сохранившимся журналам, прошло всего три «полноценных» заседания Комитета. Из очередной группы вступивших депутатов на заседаниях верховного органа государственной власти присутствовали член ЦК партии эсеров О.С. Минор, бывший секретарь комиссии ЦК партии эсеров по выборам во Всероссийское Учредительное собрание Н.В. Святицкий, профессиональные революционеры эсеры-максималисты Т.В. Баранцев, М.Я. Линдберг, Д.П. Котельников и Б.Н. Черненков, рядовые члены партии — агроном А.М. Власов, учителя С.А. Володин и К.А. Евдокимов, кооператоры А.П. Лисиенко (Ф.С. Семенов) и С.М. Лотошников, журналист Н.М. Любимов, А.Ф. Мухин и П.С. Суханов. Не приняли участие в заседаниях Комитета представитель Киргизского исполнительного комитета Г.А. Алибеков, член партии «Алаш» А.К. Беремжанов, башкирский федералист Ю.Ю. Бибиков и казак от Области Войска Донского В.С. Мамонов. Остальные вступили в Комуч позднее трех упомянутых заседаний.

Восьмого сентября 1918 г. по представлению Совета управляющих ведомствами Комуч издал приказ № 272 о назначении на время проведения Государственного совещания полномочными представителями Комитета в Самаре А.С. Былинкина, П.Д. Климушкина и И.П. Нестерова. Им предоставлялось «право именем Комитета давать все необходимые приказы и распоряжения», а в случае чрезвычайных обстоятельств предписывалось воспользоваться «всею полнотою власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания»⁶⁵. Со следующего дня и до начала октября Комуч в Самаре работал в соста-

⁶⁴ Доклад председателя Комуча В.К. Вольского... С. 133.

⁶⁵ Журнал заседаний... С. 290.

ве «тройки». Причем двое ее членов — П.Д. Климушкин и И.П. Нестеров — были в числе основателей Комитета, а А.С. Былинкин вошел в него в июле.

Ответственность за принятие политических решений в Комуче, которая летом 1918 г. так или иначе постепенно распределялась на лиц, привлекаемых к управлению ведомствами, в сентябре 1918 г. снова замкнулась на нескольких членах Комитета. Это подтверждают и подписи под воззваниями, постановлениями и приказами Комуча.

Совокупность выявленных ключевых документов Комитета за сентябрь — начало октября 1918 г. насчитывает всего 43 единицы: шесть декларативных актов, четыре постановления и 33 приказа, из которых только два воззвания и один приказ анонимны⁶⁶. В качестве подписывавших фигурировали только 11 членов Комуча, что было вдвое меньше, чем в июле — августе. При этом прекратилась практика «коллективных подписаний». Документы в основном визировали двое или трое членов Комуча. В крайнем случае подписывали пять членов президиума Комитета: председатель, товарищи председателя, секретарь и товарищ секретаря. Основной массив документов завизировали А.С. Былинкин, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин и И.П. Нестеров, подписавшие в сентябре 1918 г. в среднем по 20 документов. На правах секретаря Комитета 18 документов подписал С.Н. Николаев. Еще под несколькими опубликованными документами стоят фамилии В.Г. Архангельского, М.Я. Гендельмана, Н.В. Здобнова, Е.Е. Лазарева, В.Н. Филипповского и Н.А. Шмелева.

Таким образом, Комуч пришел к тому, с чего начинал. В сентябре он, как и в июне, функционировал в качестве чрезвычайного органа верховной государственной власти, в составе нескольких эсеров-максималистов, несших основную ответственность за политику Комуча. Упорство и бескомпромиссность лидеров Комитета ограничивали пространство для политических маневров и предопределили особый путь его развития. Несмотря на стремительно увеличивавшийся номинальный состав Комуча, всю полноту власти удерживала небольшая группа депутатов Всероссийского Учредительного собрания, профессиональных революционеров, «партийных середняков» во главе с В.К. Вольским. В силу объективных условий — необходимость выступать военным авангардом восточной ветви контрреволюции и удерживать линию фронта — и субъективных обстоятельств — политической культуры революционного подполья и предшествовавшего

---

⁶⁶ Подсчитано по: Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания...

жизненного опыта — они сохраняли чрезвычайный, диктаторский характер властвования.

В связи с образованием на Государственном совещании в Уфе Временного Всероссийского правительства, а также в надежде на трансформацию в законодательную власть в виде Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания, терпевший сокрушительные поражения на фронте Комуч принял решение о самоликвидации. 3 октября 1918 г. Комуч прекратил функционирование как верховный орган государственной власти, постановив «признать Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания распутившим себя в 12 часов ночи текущего» дня⁶⁷.

---

⁶⁷ Журнал заседаний... С. 85.

В.М. Рышков

**ВРЕМЕННОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО УРАЛА:
ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(август — ноябрь 1918 г.)**

Попытка учредить на Урале автономию в 1918 г. — небольшой и на первый взгляд малозаметный эпизод истории гражданской войны. Временное областное правительство Урала (ВОПУ) существовало меньше трех месяцев. Но его деятельность фокусирует в себе все противоречия краткой и, тем не менее, очень содержательной эпохи. Некогда единая государственная власть рассыпалась на фрагменты, а в отдельных частях страны более или менее успешно начали образовываться региональные центры политического притяжения. Уральский опыт тем более важен, что здесь элементы автономии зародились не по этническому принципу, не были частью нацистроительства, сыгравшего огромную роль в развале российского государства, а, напротив, являлись попыткой создать субъект будущей федерации, выстроенной на основании экономического районирования.

Историография органа региональной власти представлена многочисленными публикациями, но вместе с тем, она довольно бедна по набору изученных проблем. Их в значительной мере определил заместитель председателя Совета Временного областного правительства Урала главноуправляющий финансов Лев Афанасьевич Кроль, оставивший яркие, но нуждающиеся в критическом осмыслении мемуары¹. Собственно, историография первого послереволюционного десятилетия и являлась своеобразным осмыслением этого мемуарного источника через призму классового подхода. Активный участник революции и гражданской войны на Урале Р. Силлинг одним из первых очерк специальный об уральском правительстве². Он выдвинул и обосновал тезис о полной зависимости политиков уральского региона

---

¹ *Кроль Л.А.* За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921.

² *Силлинг Р.* Временное областное правительство Урала: краткий очерк // Уральский коммунист. 1929. № 9. С. 23–31.

от Временного Сибирского правительства (ВСП) и призрачности власти ВОПУ. А. Таняев опубликовал в 1929 г. большую подборку документальных материалов, вскоре издал отдельной брошюрой вводную статью к нему³. Яркий публицист А. Таняев писал, что ВОПУ создавалось «по указке» представителей Антанты. При видимом доминировании чехов, по его мнению, на протяжении всего существования уральского регионального органа власти решающее значение на него оказывали французы. Он также полагал, что при количественном преобладании представителей социалистических партий в совещаниях по образованию правительства, действительно лидирующую роль играли малочисленные кадеты. Для буржуазии, совершенно не разделявшей программу правительства, оно оказалось «удобной ширмой». Автор подает события в карикатурном виде, а сам факт образования безвластного, с его точки зрения, правительства квалифицирует, как «политический и экономический маразм». Но при этом автор рассмотрел подробно лишь вопрос об образовании правительства и обзорно — проблему взаимоотношений с ВСП и Самарским комитетом членов учредительного собрания (Комучем). Кроме мемуаров Л.В. Кроля, оба советских историка опирались на коллекцию документов, собранную уральским Истпартом. Опубликованные А. Таняевым материалы стали на долгие десятилетия основной источниковой базой для советских историков.

В 1960–1970-е годы акцент сместился в сторону определения социально-классовой сущности ВОПУ. При этом доминировали характеристики его как кадетского и буржуазного⁴. Только в середине 1980-х годов Н.И. Дмитриев привлек новые источники. В его диссертации нашла отражение структура управления промышленностью Урала, деятельность Главного управления горных дел ВОПУ и Уральского промышленного комитета. Автор показал попытки возобновления производства, предпринятые ВОПУ, которые сводились к обследова-

---

³ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Таняева. Свердловск, 1929; *Таняев А.* Колчаковщина на Урале. Свердловск, 1930.

⁴ *Васьковский О.А. и др.* Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 199–210; *Запольская В.М.* Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая — середина ноября 1918 гг.) // Из истории уральской и сибирской партийных организаций // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 164–169; Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 103–113.

нию и финансированию предприятий⁵.

С начала 1990-х годов наметился несомненный прогресс в изучении опыта строительства уральской государственности. Во-первых, появились две документальные публикации. Одна из них представляет собой подборку научно-справочных документов, подготовленных по заданию и при непосредственном участии Временного областного правительства Урала с целью определить естественные экономико-географические границы Уральского региона⁶. Вторая публикация — сборник документов по истории ВОПУ, извлеченных преимущественно из архивохранилищ Екатеринбурга⁷. Во-вторых, повышенный интерес к региональной истории гражданской войны нашел отражение в большом количестве обзорных публикаций, как правило, не содержащей никакой принципиально новой информации⁸, нескольких справочно-энциклопедических статей о ВОПУ⁹ и ряде историографи-

---

⁵ *Дмитриев Н.И.* Промышленность Урала в период интервенции и гражданской войны (май 1918–1920 г.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1985. С. 57–58, 61–62.

⁶ Документы Временного областного правительства Урала // Уральский областник (историко-литературный журнал). Екатеринбург, 1991. № 1. С. 71–87; № 2. С. 55–75.

⁷ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения на Урале): Учебное пособие, Тверь, 1999.

⁸ *Васильченко С.П.* Временное областное правительство Урала: структура и политика // История России: новые идеи и суждения: Тез. докл. и сообщ. респ. науч. конф. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 62–64; *Кобзов В.С., Сичинский Е.П.* Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997. С. 76–96; *Салазникова С.С.* Временное областное правительство Урала (история создания) // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 194–196; Она же. К вопросу о создании Временного областного правительства Урала // Урал в военной истории России: традиции и современность. III военно-историческое чтения: Мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 252–257; Она же. Антибольшевистские правительства Урала и Сибири в годы гражданской войны: система регионального управления // Россия в поисках национальной стратегии развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург; Каменец-Уральский, 2003. С. 314–319; Она же. Спорная территория (к вопросу о Временном областном правительстве Урала) // Диалог культур и цивилизаций: Тезисы V Всерос. науч. конф. Тобольск, 2004. С. 110–112; Она же. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции». Автореф. дис. ... канд ист. наук. Оренбург, 2005.

⁹ *Дмитриев Н.И.* Временное областное правительство Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 134; *Камынин В.Д.* Временное областное правительство Урала // Энциклопедия Екатеринбурга, Екате-

ческих обобщений накопленных о нем знаний¹⁰.

Структура органов власти уральского правительства и общая характеристика политического режима, установившегося на Урале во время существования ВОПУ, отражены в диссертации и ряде публикаций Е.А. Плешкевича¹¹. В частности, он предложил рассматривать Урал как субъект федерации, находившийся на стадии образования, когда связи еще не устоялись. В качестве федеративного центра до образования полномочного общероссийского правительства выступало Временное Сибирское правительство. Вновь внимание истори-

---

ринбург, 2010. С. 100–101; *Рынков В.М.* Временное областное правительство Урала // *Сибирская историческая энциклопедия*. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 343.

¹⁰ *Сичинский Е.П.* Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // *Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография*. Свердловск, 1990; *Васильченко С.П., Васьковский О.А., Сичинский Е.П.* Поиск третьего пути // *Антибольшевистское правительство (из истории белого движения)*. Тверь, 1999. С. 3–31; *Коробкин А.А.* К вопросу о возникновении Временного правительства Урала (Историография вопроса) // *V Всероссийские Платоновские чтения*. Самара, 1999. 120–123.; Он же. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето — осень 1918 гг.) в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Камынин В.Д.* Советские историки о социальной политике эсеров и меньшевиков на Урале в период гражданской войны // *Из истории общественных и политических организаций на Урале*. Екатеринбург, 1992. Ч. 1. С. 92–97; Он же. Использование метода исторических параллелей для изучения значения и места Февральской революции в истории России // *Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Материалы регион. науч. семинара*. Екатеринбург, 2002. С. 15–24; *Ильченко В.Н.* Литература 1920-х гг. об экономической политике советских и несоветских правительств // *Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетия. Четвертые Всерос. историко-педагогические чтения*. Екатеринбург, 2000; *Алексеев С.Е.* Современные историки о деятельности органов управления промышленностью на территории «белого» Урала // *Проблемы человека в историческом процессе*. Екатеринбург, 2000. С. 214–217.

¹¹ *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002; Он же. Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала (август — ноябрь 1818 г.). // *Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки: Материалы науч. конф. М., 2003. С. 63–67; Он же. Смена режимов на Урале в годы гражданской войны // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002; С. 420–433; Он же. Временное областное правительство Урала: дискуссии о причинах образования // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 30–34.*

ков привлекло тесное взаимодействие уральских политиков и чехословаков¹². Новаторским стал выдвинутый Е.П. Сичинским и поддержанный О.Ю. Никоновой тезис о политике ВОПУ как о «третьем пути» в гражданской войне. Заняв позицию «над схваткой», оно приступило к выработке механизмов социального компромисса между предпринимателями и рабочими. Е.П. Сичинский основное внимание уделил наиболее изученным аспектам истории ВОПУ: анализу принятых деклараций и подготовленных проектов, противостоянию с ВСП и Кому-чем. Он оценил результаты деятельности ВОПУ в деле стабилизации экономики Урала как незначительные, объясняя это противодействием со стороны предпринимателей и недовольством рабочих и крестьян¹³. Но положение об отсутствии социальной базы плохо стыкуется с утверждением об активном поиске ВОПУ классового компромисса. Однако Н.И. Дмитриев, а еще детальнее О.Ю. Никонова показали сложность взаимоотношений региональных и местных органов власти, администрации и рабочих в летние и осенние месяцы 1918 г.¹⁴ Уральские рабочие практически не выходили на региональный уро-

---

¹² Никонова О.Ю. Уральский промышленный комитет и Чехословацкий корпус // И.И. Неплюев и Южно-Уральский край. Челябинск, 1993. С. 45–47; Коробкин А.А. К вопросу о роли Чехословацкого корпуса в образовании Временного областного правительства Урала // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000, С. 144–146.

¹³ Сичинский Е.П. Опыт поиска «третьего пути»: из истории Временного областного правительства Урала // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докл. Свердловск, 1990. С. 111–114; Он же. Из истории Временного областного правительства Урала. К вопросу о «третьем пути» русской революции // История СССР. 1992. № 1. С. 164–171; Он же. К биографии председателя Временного областного правительства Урала В.П. Иванова // Екатеринбург в настоящем и прошлом: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1993. С. 64–66.

¹⁴ Дмитриев Н.И. К вопросу о социальной защите рабочих при Временном областном правительстве Урала // Из истории общественных и политических организация на Урале. Екатеринбург, 1992. Ч. 1. С. 84–86; Никонова О.Ю. Рабочая политика эсеро-меньшевистских правительств в годы гражданской войны на Урале // Политические партии: история и современность. Орел, 1994. С. 21–24; Она же. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918–1919 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. Челябинск, 1995. С. 57–60; Она же. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996; Она же. Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции»: июнь — ноябрь 1918 г. // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 146–159.

вень, поэтому на местах отношение рабочих к власти в значительной степени определяла не общая политика ВОПУ, а курс, проводимый горной и горнозаводской администрацией.

* * *

В истории образования правительства, многократно описанной в историографии, остается много неясного. Сохранились журналы его заседаний, начиная с 19 августа, когда была принята декларация «От Временного областного правительства Урала» и утвержден состав правительства. Оба этих документа значатся первыми в официальном издании законодательства¹⁵. Между тем, произошедшее в этот день заседание обозначено № 5. Никаких следов более ранних заседаний ВОПУ не выявлено. Появление уральского регионального органа власти связано с работой межпартийной комиссии по выработке платформы и организации ВОПУ, сформированной в Екатеринбурге 1 августа 1918 г. из представителей эсеров, энесов, меньшевиков и кадетов. Л.А. Кроль писал о том, что программа правительства вырабатывалась на шести заседаниях междупартийной комиссии. Первые шесть ее заседаний имели особую нумерацию и прошли с 1 по 9 августа 1918 г.¹⁶ Но известно еще о как минимум пяти заседаниях этой комиссии: от 10, 11, 12, 13 и 19 августа. Причем опубликованные уральскими историками экземпляры из коллекции Истпарта не имеют нумерации, а сохранившиеся в фонде Временного областного правительства Урала рукописные экземпляры значатся под номерами с шестого по восьмой¹⁷. В них отдельно перечислялись члены межпартийной комиссии и члены Уральского правительства, в те дни еще только намеченные, но официально не назначенные. Последний, не пронумерованный протокол по содержанию совпадает с первым заседанием ВОПУ¹⁸. Есть вероятность, что эти встречи считались одновременно первыми заседаниями правительства. На них обсуждались вопросы, относившиеся к полномочиям будущего Совета и получивших свое нормативное закрепление в последующих его заседаниях.

Утвержденные 19 августа 1918 г. структура и состав ВОПУ вклю-

---

¹⁵ СУР ВОПУ. № 1. Ст. 1, 2.

¹⁶ Опубликованы в: Колчаковщина на Урале. С. 3–10.

¹⁷ Протокол от 9 и 13 августа 1918 г. опубликован А. Таняевым с № 6 и 10, (Колчаковщина на Урале. С. 10–13). Остальные протоколы см.: Антибольшевистское правительство... С. 56–58, 64–65, 69–71, 73–74. Знакомство с рукописными экземплярами протоколов (ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 26–28) позволяет предполагать, что нумерация была подписана позже.

¹⁸ Антибольшевистское правительство... С. 73–74.

чали восемь главных управлений: внутренних дел (Н.В. Асейкин), торговли и промышленности (П.В. Иванов), горных дел (А.е. Гутт), финансов (Л.А. Кроль), юстиции (Н.Н. Глассон), земледелия и государственных имуществ (А.В. Прибылев), труда (А.В. Мурашев), народного просвещения (В.М. Афанасьев), а также Совета правительства: председатель П.В. Иванов, заместитель председателя Л.А. Кроль, в состав которого входили главноуправляющие, их товарищи (заместители) или исполняющие обязанности, а также Государственный контролер Н.Н. Ипатьев и управляющий делами П.А. Кронеберг. В сентябре в составе Совета появился продовольственный отдел во главе с уполномоченным ВОПУ по продовольствию П.Е. Патрушевым.

Понимание статуса ВОПУ позволит правильно проинтерпретировать и его взаимоотношения с ВСП и Комушем. Основная канва событий, связанных с созданием на Урале правительства, хорошо известна. Уральское правительство получало полномочия от ВСП. Премьер-министр ВСП П.В. Вологодский 10 августа 1918 г. сообщил Л.А. Кролю, что «обладая фактической властью над освобожденной территорией Урала, передает ее Временному областному Уральскому правительству по всем делам, кроме затрагивающих ведомства военное, путей сообщения, почты, телеграфа и иностранных дел»¹⁹. Л.А. Кроль в телеграфных переговорах упрекал премьер-министра ВСП за то, что он затянул утверждение акта о передаче региональной власти на Урале местному правительству. Но он не ставил под сомнение право Омска на такое утверждение. Уполномоченным ВСП на Урале в статусе товарища министра торговли и промышленности назначили С.С. Постникова, предоставив ему право приостанавливать решения ВОПУ. Выдвинутые на заседаниях межпартийной комиссии кандидаты в члены правительства прошли 13 августа 1918 г. утверждение на заседании Совета министров ВСП²⁰. Таким образом, суверенитет над Уралом сибирский орган сохранял за собою, учреждая автономию с весьма ограниченными полномочиями.

С самого начала в определении статуса правительства возникла двусмысленность, преодолеть которую участники событий сразу не решились, в течение недели завязав сложный узел противоречий. Совет министров ВСП выразил готовность признать распространение юрисдикции ВОПУ над Пермской губернией и теми частями Уфим-

---

¹⁹ Колчаковщина на Урале. С. 16; Антибольшевистское правительство...С. 62.

²⁰ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 292; Телеграмма П.В. Вологодского Л.А. Кролю // Антибольшевистское правительство... С. 71.

ской, Вятской и Оренбургской губерний, которые входили в состав горнозаводского Урала. Но официального объявления об этом не последовало. На Златоустовский, Челябинский и Троицкий уезды Уфимской губернии действие законодательства ВСП было распространено еще 18 июля 1918 г. Следовательно, уже во время заключения предварительного соглашения с уральцами о территории будущего правительства невозможно было в точности выполнить обещания о передаче в его ведение всего горнозаводского Урала²¹. Уральские же участники создания правительства весьма ревностно отнеслись к своему автономному статусу. На протяжении 7–13 августа они послушно делали вид, что ждут санкции из Омска, чтобы приступить к деятельности, потом еще неделю воспринимали позицию Совета министров ВСП как провокацию, но официально на них никак не реагировали. Наконец, 18 августа от имени межпартийной комиссии по организации ВОПУ они уведомили министра финансов ВСП И.А. Михайлова, что считают все предыдущие договоренности утратившими силу²².

Буквально в считанные дни обе стороны вступили на путь двойной игры. 19 августа 1918 г. И.А. Михайлов приветствовал ВОПУ как «автономное и полноправное»²³. Однако территориальный вопрос остался не выясненным. Более того, последовавшее затем включение в сферу прямого управления Временного Сибирского правительства Ирбитского, Шадринского, Камышловского и Верхнеуральского уездов Пермской губернии являлось нарушением достигнутых договоренностей²⁴. Екатеринбургские политики восприняли все это как новые посягательства на их законные полномочия, признание которых было им обещано. 20 сентября 1918 г. уполномоченный ВСП С.С. Постников уведомил председателя Совета ВОПУ П.В. Иванова о том, что все соглашения, состоявшиеся между их правительствами до 15 сентября, предусматривают зависимость Урала от Сибири. Тот факт, что 20 августа 1918 г.²⁵ ВОПУ конституировало себя как независимое от Сибири государственное образование, освобождал его правительство от всяких обязательств «и поэтому за Правительством Урала может считаться

---

²¹ Постановления ВСП от 18 июля (см.: Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 августа, 29 сентября, 6 октября 1918 г.; Временное Сибирское правительство... С. 169.

²² Антибольшевистское правительство... С. 72

²³ Там же. С. 72–73.

²⁴ Постановления ВСП от 10 и 13 сентября (См.: Сибирский вестник. 1918. 29 сентября, 6 октября. 1918, Временное Сибирское правительство... С. 396–397, 403–404).

²⁵ Именно такая дата основания ВОПУ проставлена в документе.

только территория ее фактического обладания».

ВОПУ попыталось назначить на места уполномоченных, уездных и даже в отдельных случаях волостных. В частности, сохранились данные об уполномоченных в Красноуфимском, Камышловском, Кунгурском и Ирбитском уездах, Невьянском районе, Кыштымской и Каслинской волостях. Но не география назначений, а отчетные материалы с мест позволяют представить, какое пространство находилось в реальном подчинении Екатеринбургa. Урал был в то время прифронтовой территорией. Гражданская администрация часто назначалась военным командованием или целиком зависела от того, признают ли они военные права уполномоченных ВОПУ. В Ирбите и Камышлове в сентябре 1918 г. находились уездные уполномоченные ВОПУ, докладывавшие, что уезды административно подчиняются не им, а ВСП, но запрашивали инструкций. В Красноуфимском уезде уполномоченный, действовавший одновременно по назначению ВОПУ и полковника С.Н. Войцеховского, около трех недель занимался преимущественно восстановлением работы правительственных учреждений. Потом его власть стала номинальной, а основная работа свелась к осведомлению правительства о состоянии дел в уезде. В Кыштымском горном округе с 12 августа 1918 г. приступил к исполнению обязанностей уполномоченный ВСП, который с сентября действовал параллельно с назначенным позже ВОПУ управляющим Кыштымской волости. ВСП соглашалась передать Кыштымский округ в полное управление ВОПУ при условии возмещения выделенного предприятиям округа кредита в 4,5 млн руб. В Кунгур и Кунгурский уезд, в Богословский и Лысвенский горные округа уполномоченные были назначены задолго до ликвидации там советской власти²⁶. Уполномоченные с мест докладывали, что даже в уездах, примыкавших к Екатеринбургскому, власть правительства была весьма призрачна. Не случайно С.С. Постников напоминал председателю Совета ВОПУ, что ВСП несло расходы по финансированию большинства государственных учреждений на значительной части уральских территорий, и ВОПУ даже не пыталось принять их на свой баланс²⁷.

Однако и в дальнейшем уральские политики склонны были обострять территориальный вопрос. Для них ключевое значение играло обещание сибирской стороны передать в управление уральскому пра-

---

²⁶ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 1. Л. 44–44об, Оп. 2. Д. 3. Л. 83–84; Оп. 3. Д. 31. Л. 43–46; Д. 33. Л. 12об.; Антибольшевистское правительство... С. 109, 119, 125–126, 133, 136–138, 154–157.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 33. Л. 4–6.

вительству все горнозаводские территории. В ответ на демарши уральских главноуправляющих против вмешательства министров ВСП в дела Урала, начальник гарнизона Екатеринбургa генерал В.В. Голицын 24 сентября 1918 г. парировал, что уральская сторона тоже постоянно пытается подчинить себе местные учреждения Шадринского и Камышловского уездов, давно управлявшиеся и финансировавшиеся из Омска, что тоже может расцениваться как грубое вмешательство в управление сопредельными территориями²⁸. В рамках подготовки законопроекта о выборах в Уральскую областную думу специальная комиссия с октября 1918 г. разрабатывала вопрос о будущей территории Уральской области. Она руководствовалась не сложившимися историко-географическими представлениями и экономическими границами, а соображениями о том, что позволит горнозаводскому Уралу в будущем обеспечивать себя всем необходимым, подразумевая присоединение к уральской автономии достаточные для продовольствия заводского населения степные территории и выход к морю для удобства внешнеэкономических связей. Один из принятых комиссией в октябре 1918 г. проектов предполагал включение в состав Уральской области частей Архангельской и Тобольской губерний²⁹.

8 сентября состоялись переговоры уполномоченных ВОПУ (Л.А. Кроля, И.И. Войтова, А.А. Кашеева) и Комуча (И.М. Майского и В.Я. Гуревича) об установлении принципов взаимоотношений. Ожидания уральских участников встречи на получение более широкой автономии не оправдались. Самарские делегаты предложили условия, почти полностью повторявшие соглашение с сибирским Советом министров. Единственным оригинальным было согласие на то, что ВОПУ сможет самостоятельностью распоряжаться денежными средствами, полученными на Урале, но подконтрольно Самаре при расходовании получаемых от нее кредитов. Уральцы тянули время, не отвергая и не принимая предложения Комуча до тех пор, пока не почувствовали, что обещания средств из Самары — чистейший блеф³⁰.

21 сентября 1918 г. Совет ВОПУ одобрил проект соглашения с ВСП по вопросам о железных дорогах Урала, почтовом и телеграфном тарифах, экономических взаимоотношениях и согласовании деятельности обоих правительств³¹. Утверждения этого договора сибирской

---

²⁸ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 34. 43об–44.

²⁹ Уральский областник. 1991. № 1. С. 81, 83.

³⁰ Антибольшевистское правительство.... С. 93–97.

³¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 32. Л. 49об; Ф. 1951. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–15об.

стороной не последовало, но многие его пункты вошли в практику взаимодействия соответствующих уральского и сибирского ведомств. Взаимоотношения ВОПУ и ВСП в военной сфере — неурегулированными и являлись источником постоянных конфликтов.

Активный участник событий Л.А. Кроль объяснял лавирование ВОПУ между Комучем и ВСП стремлением сохранить самостоятельность. В действительности члены Совета ВОПУ скорее пробовали «выторговывать» кредиты в обмен на политический капитал, имевший значение в преддверии Государственного совещания в Уфе. Величайшие амбиции главного инициатора и самого активного деятеля ВОПУ стали одним из важнейших стимулов к поиску все новых условий для партнерства с правительствами сопредельных территорий. После посещения резиденции ВСП и общения с государственными и общественными деятелями, Л.А. Кроль подытожил: «Омск произвел на меня впечатления политического недоноска»³². В переговорах с представителями Комуча Л.А. Кроль пригрозил: «Я уйду, правительство рассыплется и Комитет увидит тогда Урал в руках Сибири»³³. Мемуарист постоянно напоминает, что именно он организовал ВОПУ, чтобы посредничать между Омском и Самарой и, в конце концов, подобный бонапартизм делал его в переговорном процессе о создании общероссийского правительства одной из ключевых фигур. Эта концепция, воспринятая большинством исследователей, рисовала уральскую автономию чем-то созданным для большой политической игры, но не для решения задач регионального управления. Следует учесть некоторые обстоятельства, ценные для характеристики роли главы уральского финансового ведомства в истории восточной контрреволюции. Представляя себя инициатором создания правительства на Урале, Л.А. Кроль в конце июля 1918 г., когда, по его словам, вопрос об организации регионального органа был уже решен, отправился в Омск в качестве представителя Союза возрождения России. По версии автора, сама инициатива создания самостоятельного правительства была продиктована его пониманием задач Союза возрождения России. Интересы Урала стояли на втором плане. Между тем, именно отстаивание этих последних являлось важнейшей задачей ВОПУ. Лидер уральских кадетов ставил себя неизмеримо выше остальных политиков, участвовавших в создании общероссийского правительства, и для усиления впечатления о своем превосходстве часто иронизировал по поводу оппонентов, принижая их интеллектуальные способности. Об-

---

³² Кроль Л.А. За три года. С. 68.

³³ Антибольшевистское правительство ... 94.

ращаясь к мемуарам Л.А. Кроля, нельзя не учитывать эту особенность личности автора.

Если об истории создания ВОПУ и его борьбе с ВСП и Комучем за жизненное пространство исследователи судят, базируясь на мемуарах Л.А. Кроля, то основная дискуссия вокруг характеристики проводимой правительством внутренней политики в историографии не выходит за рамки интерпретации «Декларации Временного областного правительства Урала» от 19 августа 1918 г. На долю этого небольшого документа выпала нелегкая судьба стать визитной карточкой уральского государственного образования³⁴. Хотя он был всего лишь декларацией. В быстро менявшихся условиях осени 1918 г. реальная политика редко определялась провозглашенной программой. Куда важнее проследить проводившуюся правительством политику.

Как уже упоминалось, приступив к работе, Совет ВОПУ за время своей деятельности успел провести 61 заседания и утвердить 77 постановлений. Они были опубликованы в официальном издании. Всего вышло девять выпусков «Собрания узаконений Временного областного правительства Урала», первый из которых датирован 27 августа, а последний — 15 ноября 1918 г. Кроме постановлений, в них содержатся циркуляры, распоряжения и приказы, в том числе по отдельным управлениям³⁵. Значительная часть нормативных актов утверждает штаты и оклады служащих уральских ведомств. Постановления по этим вопросам особенно активно принимались в последние недели функционирования совета.

Противостояние натиску сибиряков стало своеобразной *idea fixe* Совета ВОПУ. Этот вопрос неоднократно поднимался на заседаниях Совета, по нему членами правительства было составлено несколько записок с перечнем фактов посягательств министров и уполномоченных ВСП на самостоятельность уральского правительства. Но нельзя не увидеть за всем этим более важного обстоятельства, говорившего, скорее, в пользу проявления лояльности в отношении Совета министров ВСП как «центра власти» и одновременно свидетельствовавшего об определенном реализме членов Совета ВОПУ. Важнейшие нормативные акты ВОПУ дублировали сибирское законодательство или являлись его адаптацией к специфике Урала, прежде всего, к реалиям регионального уровня власти, не совпадавшего с существовавшим

---

³⁴ Коробкин А.А. Декларация Временного областного правительства Урала как исторический источник // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение: Тезисы науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 72–74.

³⁵ СУР ВОПУ. 1918. № 1 — № 9.

губернским и областным делением. Так, подтвердив вслед за Сибирью сохранение государственной монополии на кожу, ВОПУ 19 сентября 1918 г. преобразовало Екатеринбургский уездный кожевенный комитет в уральский кожевенный совет³⁶, возложило на Главное управление горной промышленности полномочия министерства торговли и промышленности в пределах подчиненной ВОПУ территории. От имени ВОПУ был воспроизведен указ ВСП о призыве в армию от 31 августа 1918 г. Примеры можно продолжать, но важнее определить то, в чем прослеживается региональное своеобразие.

Одним из ключевых направлений внутренней политики ВОПУ стала деятельность по регулированию промышленности. За это отвечало Главное управление горных дел во главе с А.Е. Гуттом. Его детищем стал Уральский промышленный комитет — коллегиальный межправительственный орган управления горными предприятиями. Он был учрежден постановлением ВОПУ от 9 сентября 1918 г., хотя по взаимной договоренности ВОПУ и ВСП к его созданию приступили с 25 августа³⁷. По представлению А.Е. Гутта с созданием Уральского промышленного комитета упразднялось Уральское заводское совещание как орган, ставший совершенно не нужным. Действительно, комитет вобрал в себя функции заводского совещания, и его главной целью являлись мероприятия по мобилизации уральской промышленности. Хотя Уральский промышленный комитет в историографии представляется как орган, проводивший в жизнь буржуазную программу, в действительности принципиальным представляется преимущественно бюрократический состав данного коллегиального органа. Из 20 его членов лишь двоих выдвигали предпринимательские организации Урала, по двое — профсоюзы рабочих и союзы инженерно-технического персонала. Остальные являлись представителями различных ведомств. Комитет лишь однажды провел общее собрание — организационное. Поэтому все споры вокруг состава не имели большого значения. Реальным органом управления уральской промышленностью стало его бюро, состоявшее из семи человек: председателя А.И. Гутта, государственного контролера Н.Н. Игнатьева, представителя ВСП С.С. Постникова и трех инженеров, один из которых был от технического отдела чехословацкий войск³⁸. Именно это бюро, являвшееся неправительственным органом, осуществляло руководство горными и горнозаводскими округами.

---

³⁶ СУР ВОПУ. 1918. № 4. Ст. 24.

³⁷ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 9. Л. 1; СУР ВОПУ. № 2. Ст. 12.

³⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 68–69.

Вопреки сложившимся в литературе представлениям, свои первоочередные задачи ВОПУ и бюро Уральского промышленного комитета видели не в денационализации горной промышленности, а в налаживании управления казенным и национализированными уральскими заводами³⁹. Восстановление прав частных собственников горных и горнозаводских предприятий казалось делом отдаленным и не быстрым. Обсуждая перспективы ее проведения, Уральский промышленный комитет пришел к заключению, что отсутствие владельцев, доверенных лиц или кворума правлений крупных частных горнозаводских предприятий не позволяет приступить к восстановлению их владельческих прав. На обозримое будущее предлагалось заняться организацией казенного управления на частных заводах посредством назначения уполномоченных⁴⁰. Во главе горных и горнозаводских округов, причем не только государственных, но и национализированных частных бюро ставило временных уполномоченных из числа известных специалистов горного дела, восстанавливая единоначалие именно в их лице, а не власти администрации частных предприятий. Нет никаких оснований квалифицировать эти события как возвращение к власти буржуазии. Сильно потесненная в период господства советской власти, техническая интеллигенция не только восстановила свое влияние, но и приумножила его, играя отныне наиболее активную роль в органах управления промышленностью. Непосредственным результатом изменения сил стали централизаторские тенденции в индустриальной экономике Урала.

С начала сентября 1918 г. наиболее животрепещущей проблемой для ВОПУ стало изыскание средств для финансирования национализированных предприятий. Частично эти средства были найдены самим ВОПУ, остальные деньги поступали от ВСП. Советские историки считали субсидии промышленным предприятиям чем-то вроде спонсирования торгово-промышленного класса, платой социалистов буржуазии за лояльность последней. В действительности ни одна из выданных ссуд не пошла в карманы предпринимателей. Деньги выделялись заводам, находившиеся во временном управлении казны и лишь при том условии, что имущество или продукция заводов выступали в качестве залога. Таким образом, была найдена относительно надежная схема предоставления правительственных средств формально частным предприятиям. Они пошли на выплату заработной платы и проведение восстановительных работ, необходимых для запуска не-

---

³⁹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 16. Л. 39об.

⁴⁰ *Дмитриев Н.И.* Промышленность Урала в период интервенции... С. 60–61.

которых остановленных производств.

В управлении промышленностью и транспортом на Урале ВОПУ сохраняло значительную самостоятельность. В его соглашении с ВСП оговаривалось, что финансирование уральских фабрично-заводских, горных и горнозаводских, железнодорожных предприятий осуществлялось «по почину» ВОПУ из средств ВСП. Правда, Совет министров ВСП не оговаривал своих обязательств по объему финансирования, а определял для каждого случая объем инвестиций в соответствии со своими интересами. Но зато ВОПУ сохраняло контроль над расходованием средств⁴¹. Кроме того, когда этого требовали интересы оперативного управления, министерство торговли и промышленности ВСП осуществляло кадровые перестановки на уральских горнозаводских предприятиях, находившихся на подчиненных ему территориях. Именно так были назначены управляющие на Урало-Кавказское и Челябинское углепромышленное акционерные общества в Челябинском уезде, о чем ВОПУ было лишь поставлено в известность⁴². С другой стороны, ВСП нормально относилось к тому, что в зоне его административного контроля горная и горнозаводская отрасли промышленности находилась в подчинении ВОПУ.

Сложнее решался вопрос о контроле над путями сообщения в уральском регионе. Совет ВОПУ настаивал на своем праве назначить начальника уральского узла железных дорог на правах товарища министра путей сообщения ВСП. В утвержденном Советом ВОПУ 21 сентября 1918 г. соглашении между ВОПУ и ВСП содержался пункт об автономном управлении уральскими железнодорожными дорогам. Он остался нереализованным. Вместо этого министр путей сообщения ВСП назначил своего «особоуполномоченного для урегулирования ведомственных технических и административных вопросов»⁴³.

Для выживания уральского региона куда более актуальным представлялся вопрос об организации товарообмена с соседними территориями. Главным капиталом Урала оставалось железо. Хотя производительность труда в последние полтора года сокращалась, расстройство транспорта привело к резкому падению вывоза и созданию больших запасов изделий из металлов на уральских заводах. Сибирь же и Поволжье испытывали острейший их дефицит. 19 сентября 1918 г. Совет СОПУ установил предельные цены на металлы уральских заводов. В соответствии с вновь утвержденным порядком, на со-

---

⁴¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

⁴² ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 2. Д. 3. Л. 6–6об.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-569 Оп. 3. Д. 19. Л. 3об.

предельных территориях металлы продавались по тем же ценам с надбавкой на доставку и 8% прибыли⁴⁴. В результате сбыт продукции металлургии и металлообработки стал сферой жесткого государственного регулирования. 18 сентября 1918 г. ВОПУ приняло постановление о введении свободного обращения золота на Урале. Данное решение мотивировалось невозможностью сохранить государственное регулирование после принятия аналогичной меры в Сибири. Сам этот шаг оценивался как ошибочный, и Совет ВОПУ признал необходимым вступить в переговоры с Советом министров ВСР о совместных шагах по ограничению свободного хождения золота⁴⁵. Следовательно, нельзя согласиться с мнением исследователей, иллюстрирующих этим постановлением тезис о либеральных (буржуазных) тенденциях в политике ВОПУ.

Соглашение между правительствами Урала и Сибири, принятое ВОПУ 21 сентября 1921 г., оговаривало обширные обязательства сибирской стороны по отношению к горнозаводскому Уралу в области продовольственного снабжения. В частности, оно зафиксировало право уральских продовольственных органов и частного торгового аппарата свободно заниматься заготовками продукции на территории Сибири. В случае недостатка продовольствия оно должно было отпускаться населению Урала и Сибири по одинаковым душевым нормам из государственных запасов⁴⁶. Реализовать задуманное была возможна лишь при условии организации единой системы снабжения промышленных и транспортных предприятий. Для этого проектировалось при всех заводах создать продовольственные организации, а при железных дорогах — комитеты, имеющие право получать муку из специальных централизованно снабжаемых зерном мукомольных объединений, которых учреждали два: Исетское и Челябинское. Обязанность выработать план заготовок и снабжения и контроля над его исполнением возлагалась на Главное управление продовольствия и его уполномоченных⁴⁷. Все это говорит о стремлении членов Совета ВОПУ к созданию централизованного управления основными отраслями уральской экономики и делает декларативной приверженность идеям свободной торговли. Правда, цена уральским планам продо-

---

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 31. Л. 75об–76; СУР ВОПУ. № 4. Ст. 22.

⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 30. Л. 25об–26. СУР ВОПУ. № 4. Ст. 23. Примечательно, в Сибири постановление о свободном обращении золота было принято только 8 октября 1918 и опубликовано 29 октября 1918 г. (См.: Сибирский вестник. 1918. 29 октября)

⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-659, Оп. 1. Д. 1. Л. 126об–127.

⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 2. Д. 3. Л. 182–184об.

вольственного снабжения оказалась грошовая. Ненормированные товары поступали из Сибири в достаточном количестве, а единственным, но главным продуктом плановой поставки и распределения — хлебом — Урал удовлетворялся в октябре 1918 г. всего на 10 процентов⁴⁸. С сентября 1918 г. в Екатеринбурге находился уполномоченный министерства продовольствия ВСП уральского района, который принимал заказы на поставку сибирского продовольствия на Урал на условиях авансирования, дезорганизуя тем самым работу только формировавшегося уральского аппарата снабжения⁴⁹.

На Урал во время существования ВОПУ не было распространено законодательство о государственном регулировании торговли мясом и маслом. Причину следует искать в том, что Урал не являлся регионом, заготавливавшим эти виды продукции. Обнаруживалась и другая сугубо уральская специфика. В частности, если в Сибири продовольственные учреждения земских органов ликвидировались, а все капиталы, товары и имущества соответствующего назначения передавались правительственным уполномоченным, то на Урале, напротив, продовольственные учреждения уездного и волостного уровня сосредоточивались в ведении соответствующих земских управ, отвечавших за снабжение не заводского сельского населения⁵⁰.

Мероприятия по урегулированию земельного вопроса на Урале обосновывались иной, чем в Сибири риторикой. В частности, циркуляр главноуправляющего земледелия и государственных имуществ Урала от 1 сентября 1918 г. гласил, что земли сельскохозяйственного назначения остаются в пользовании у тех, кто фактически вложил в них свой труд⁵¹. Их право «должно быть ограждено от попыток» собственников вернуть землю. Но следует помнить, что и в Сибири на текущий сельскохозяйственный сезон пользователям разрешалось снять урожай, а само восстановление прав собственников провозглашалось как временная мера, действующая лишь до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Циркуляр от 1 сентября 1918 г. не упоминал о сроках пользования, что создавало впечатление об окончательной передаче земли в руки пользователей. В действительности он лишь разъяснял общие положения «Декларации Временного областного правительства Урала» от 19 августа 1918 г., в которой имелось четкое указание на действие уральских нормативных и инструктив-

---

⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 48. Л. 41об.

⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 23. Л. 26об.

⁵⁰ СУР ВОПУ. № 2. Ст. 8.

⁵¹ СУР ВОПУ. № 5. С. 5.

ных актов лишь до Учредительного собрания. Таким образом, применительно к текущем сельскохозяйственному году оба правительства предусматривали сходные варианты решения. Только в сибирском законодательстве акцент был сделан на последующем восстановлении прав собственников, а в уральском циркуляре — на сохранении прав пользования.

Немаловажный штрих к характеристике аграрной политики ВОПУ добавляют решения о судьбе лесов. Еще 9 августа 1918 г. Уральское горное управление объявило, что все частновладельческие и посессионные леса временно остаются в его ведении и распоряжении. Не спешило принимать меры к восстановлению прав прежних владельцев и ВОПУ. Главноуправляющий горных дел Урала дал разъяснение, что государственное управление всеми лесами остается неизменным и только переходит в введение лесного отдела его Главного управления⁵². Правда, следует оговориться, что на практике местные земские органы и земельные комитеты, даже волостные, мало считались со всеми правительственными распоряжениями, присваивая себе право определять судьбу земельных и лесных угодий.

Выработкой решений в сфере трудовых отношений занимались сразу два ведомства. С одной стороны, Главное управление труда, руководителем которого меньшевик П.В. Мурашев ориентировался на социальную политику Временного правительства и Комуча, на расширение социальных гарантий рабочим и служащим. Непосредственно разработкой соответствующих законопроектов занимался товарищ главноуправляющего труда Н.М. Обухов. Часть из них Совет ВОПУ успел принять⁵³. В то же время Уральский промышленный комитет проводил в горной и горнозаводской промышленности политику, ориентированную на нормативную базу Сибири. В частности, на Урале ликвидировали элементы коллегиального управления с участием представителей от рабочих и проводили замену повременных работ на сдельные. Следовательно, нет оснований однозначно оценивать социально-трудовую политику ВОПУ.

Правительственные решения множились, но и по прошествии почти двух месяцев работы авторитета и самостоятельности ВОПУ по-прежнему не хватало. 13 октября 1918 г. в Екатеринбурге состоялось межпартийное собрание, на котором присутствовали выдвиженцы от четырех партий, сформировавших августе ВОПУ на совместных заседаниях. На этот раз собравшиеся констатировали быструю утрату до-

---

⁵² ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 73. Л. 33.

⁵³ СУР ВОПУ. № 1. С. 5; № 3. Ст. 15, 17; № 5. Ст. 28; № 6. Ст. 39.

верия ВОПУ со стороны населения, призвали ВОПУ к участию в подобных совещаниях в будущем и к более активной борьбе за сохранение автономного статуса Урала. Приняв высказанное пожелание, Совет ВОПУ делегировал П.В. Мурашева и Н.Н. Глассона для консультаций с теми политическими партиями, которые породили его два месяца назад⁵⁴.

После создания 23 сентября 1918 г. Временного Всероссийского правительства (Директории) региональные правительства подлежали ликвидации. В Совете ВОПУ впервые об этом заговорили на заседании 4 октября 1918 г. В этот день Н.Н. Глассон и А.Е. Гутт высказали мысль об отсутствии перспектив дальнейшей работы и предложили сложить полномочия. Но большинство участников заседания одобрило курс на последовательную замену клиент-патронских отношений с Временным Сибирским правительством признанием верховенства Директории, рассчитывая таким образом сохранить себя как орган региональной автономии. Для этого предполагали всех сибирских представителей на территории Урала заменить на общероссийских⁵⁵. Легко обнаруживается наивность такого оптимистичного взгляда в будущее. Именно на этом заседании Л.А. Кроль сообщил Совету ВОПУ о намерении Директории переехать не в Екатеринбург, как ожидалось, а в Омск, чтобы использовать сибирский аппарат в качестве всероссийского. Очевидно, что большинство уполномоченных от Сибири останутся на месте, лишь сменив статус на общероссийский.

С этого времени, зная наверняка, что дни правительства сочтены, члены Совета ВОПУ направили основные усилия на подведение итогов, главным из которых стала подготовка материалов, необходимых Директории для дальнейшей деятельности. Эта работа началась с первых дней октября и шла до декабря 1918 г. После сложения ВОПУ своих полномочий ее продолжили ликвидационные комиссии отдельных уральских ведомств. Огромное значение Совет ВОПУ придавал тому, чтобы вручить на утверждение Временному Всероссийскому правительству законопроект об Уральской областной думе и готовый вариант разделения полномочий между общероссийским и региональными правительствами⁵⁶. Члены Совета продолжили разработку вопроса об уральской автономии, считая, что пример решения этого вопроса Уралом может стать образцом для создания в России государства нового типа. Его строительство следовало проводить по принци-

---

⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 47. Л. 51об-52.

⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 41. Л. 8-9.

⁵⁶ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 44. Л. 6-7.

пу выделения крупных самостоятельных в экономическом и весомых в политическом отношении регионов, обладавших автономным статусом⁵⁷. Поэтому разработка вопроса о границах автономного Урала продолжалась до конца декабря 1918 г.⁵⁸

Но готовилась и вторая группа документов — проекты нормативных актов, не введенных ВОПУ в действие. Главноуправляющие рассчитывали на востребованность этих наработок общероссийскими министерствами при проведении реформ в масштабах всей страны. Наиболее полезными оказались законопроекты Главного управления труда⁵⁹. Они учитывались министерством труда Российского правительства при подготовке законодательства о страховании рабочих. Именно в уральских разработках содержалась идея о государстве как посреднике во взаимоотношениях работодателей и работников (трипатризме). Бывший товарищ главноуправляющего труда ВОПУ Н.М. Обухов занял в должности главы отдела страхования министерства руда Российского правительства и занялся воплощением в жизнь своих идей.

Значительная часть постановлений ВОПУ касалась штатов и окладов. Причем их обсуждение и принятие активизировались в финальные недели существования правительства. Тогда это не казалось авантюрой или фарсом. В обсуждении данных проблем принимали участие и социалисты, и выдвиненцы уральской деловой элиты. В октябре на Урале никто не мог предсказать скорую гибель Директории, а пока она находилось у власти, члены Совета ВОПУ сохраняли уверенность, что в ближайшие месяцы общероссийскому правительству придется разрабатывать основы законодательства о правах автономных территорий. Следовательно, предлагая уже готовые рецепты в виде регионального бюджета, штатного расписания региональных органов управления, уральцы рассчитывали на их пролонгацию уже в составе единой, но федеративной России. 25 октября 1918 г. представители Совета ВОПУ П.В. Иванов, Л.А. Кроль и А.Е. Гутт присутствовали на заседании Временного Всероссийского правительства в Омске. Там они заявили, что вопрос об упразднении ВОПУ считают предрешенным, а 31 октября заверили Директорию в отсутствии притязаний Урала на автономию и просили, чтобы правительство учло его экономические и географические особенности⁶⁰. Находившаяся

---

⁵⁷ Сичинский Е.П. Идеи уральского областничества в годы гражданской войны // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 1995. Ч. 2. С. 61.

⁵⁸ Уральский областник. 1991. № 2. С. 67–70.

⁵⁹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 59.

⁶⁰ Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.):

в Сибири делегация ВОПУ далеко не точно отразило позицию правительства в целом, в котором преобладали сторонники продолжения борьбы за сохранение автономии. Даже ожидавшаяся скорая ликвидация ВОПУ (а телеграфное сообщение о неизбежности этого шага со стороны Директории было озвучено на заседании Совета ВОПУ в тот же день, 25 октября 1918 г.) не остановило проводимые Советом ВОПУ и главными управлениями работы по созданию нормативной базы для уральской автономии. Но шансов на продолжение деятельности на Урале автономного правительства не было. 4 ноября 1918 г. Директория подписала акты о прекращении полномочий всех правительств на востоке России, в том числе и ВОПУ. 10 ноября 1918 г. Совет ВОПУ собрался на последнее заседание и объявил об окончании своей деятельности.

* * *

В судьбе ВОПУ много типичного, но немало и уникального. Типичными являлись амбициозные претензии на контроль над обширной территорией, совершенно не подкрепленные материальными ресурсами, и зависимость гражданской администрации от военных, причем на Урале — от военных, подчиненных другому правительству. ВОПУ так и не смогло подняться над его выдвинувшими общественными кругами и политическими силами. Оно не вырвалось из тисков зависимости от ВСП, оставаясь «полусамостоятельным» правительством. Но в то же время, благодаря созданию ВОПУ, на роль центра крупного российского региона выдвинулся даже не губернский, а уездный город. Из представителей местной общественности в Екатеринбурге сложился орган власти, просуществовавший почти три месяца и обладавший всеми внешними признаками регионального правительства. Состав ВОПУ представлял собою редкий сплав кадетов и либеральных интеллигентов с представителями умеренно-социалистических партий, причем ни одна из упомянутых сил не имела преобладающего влияния, что способствовало установлению атмосферы терпимости и взаимному уравниванию основных позиций. Внутри правительства серьезных конфликтов на почве партийности и политической идеологии удалось избежать, что являлось редкостью в годы гражданской войны.

Видимо, в результате этого взаимодействия разных политических сил в одном коллегиальном органе появился внутренний курс, хотя и заимствовавший многое у ВСП и, в меньшей степени, у Комуча,

но не сводимый к их простой сумме. «Третий путь» не был и поиском равновесия между социальными группами предпринимателей и землевладельцев, с одной стороны, рабочих и крестьян — с другой. В политике ВОПУ четко прослеживался смещение акцентов в сторону усиления регулирующей роли государства. Сами уральские лидеры, вставшие временно у руля региональной власти, показали себя сторонниками государственного вмешательства в экономику. Именно этот вектор и обозначал уральский «третий путь». Совету ВОПУ в значительной мере удалось адаптировать сибирскую нормативную базу к особенностям горнозаводского Урала. В этом смысле уральское правительство действительно играло роль органа региональной автономии в том виде, в каком он задумывался.

Более того, на Среднем Урале сложился необычный политический режим. Попытка разделить территорию с ВСП оказалась в целом неудачной для ВОПУ. Даже в Екатеринбурге и прилегавших к нему горных и горнозаводских округах уральская администрация целиком от них зависела от местного командования Чехословацкого корпуса и Сибирской армии. В Приуралье и на Южном Урале уполномоченные совета министров и отдельных министерств ВСП на сотрудничество с представителями ВОПУ лишь тогда, когда это было выгодно. Но в сфере управления горнозаводским хозяйством ВСП признавало доминирование екатеринбургского центра, отдавая дань профессионализму его руководителей. ВОПУ оказывало влияние ситуацию в горных и горнозаводских округах и в сфере управления промышленностью и регулирования трудовых отношений практически во всем уральском регионе. Уральское правительство делило власть с ВСП не только территориально, но и функционально.

*Н.А. Бутенин
Н.Д. Бутенина*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ
«ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
летом — осенью 1918 г.**

Изучение «демократической контрреволюции» в России в годы гражданской войны имеет давнюю традицию. Накоплена значительная база источников и фактических сведений, а историография исчисляется многими тысячами публикаций. Совершенно очевидно, что советский период изучения гражданской войны был ограничен вполне определенными схемами, что нередко препятствовало объективному освещению «демократической контрреволюции». Однако и высвобождение отечественной историографии от диктата жестких требований партийно-политической и идеологической цензуры КПСС отнюдь не решило все накопившиеся проблемы и сложности.

С одной стороны, заметно активизировалось изучение частных вопросов, в том числе связанных с административным и военным строительством правительств «демократической контрреволюции», их национальной политикой и др.

С другой стороны, современные исследователи, вольно или невольно, исходят из «обреченности» российской демократии, бесперспективности «третьего пути» в революции, фактической подчиненности ее Белому движению. В данном случае неизбежно сказывается и известная разочарованность российского общества в демократических реалиях современности.

Хотелось бы отметить и географическую неравномерность изучения темы. На фоне весьма интенсивно развивающихся исследований политических систем и режимов «демократической контрреволюции» в Поволжье, Сибири и на Урале Дальний Восток выглядит несколько скромнее.

За последние 20–25 лет неожиданно появились новые трудности. В «доброе старое время» количество публикаций по истории гражданской войны было относительно невелико, и новая монография или сборник статей становились не только заметным историографиче-

ским событием, но достоянием специалистов. Научные центры по изучению гражданской войны были заведомо хорошо известны (применительно к Сибири и Дальнему Востоку — Томск, Новосибирск, Владивосток). Самый факт пребывания архива Дальнего Востока в Томске, несколько ограничивая работу дальневосточных историков, позволял их сибирским коллегам обращаться к документальным фондам самой восточной окраины России.

Передислокация архива во Владивосток оказалась очень болезненным процессом. И дело не только в том, что она ограничила архивные изыскания сибирских историков — ездили ведь историки Дальнего Востока в Сибирь. Дело, прежде всего, в том, что фонды Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) до сих пор полностью не развернуты, а предлагаемый электронный каталог фондов не полон. Мы далеки от мысли в чем-либо упрекать или тем более обвинять архивистов. Проблемы носят организационный и материально-технический характер, которые сами архивисты решить не в состоянии.

Оказались разорваны научные связи между историками Сибири и Дальнего Востока, и сегодня мы со всей очевидностью наблюдаем слабое знание той новой литературы, которая появляется соответственно на Дальнем Востоке и в Сибири.

Наконец, в самом дальневосточном регионе наблюдается некая «местечковость», которая проявляется во все том же слабом знании достижений (и, разумеется, недостатков) своих ближайших коллег. Парадоксальным образом свобода научного поиска и публикации результатов исследований оказала историкам «медвежью услугу».

В рамках настоящей статьи мы попытаемся проследить основные составляющие «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке, охарактеризовать те политические режимы, которые сформировались в крае летом — осенью 1918 г., в том числе определить сходства и отличия этих режимов от тех правительств, которые сложились в Поволжье, на Урале и в Сибири. Важная деталь, в статье будут использованы документы, которые нашим коллегам сегодня не доступны (мы работали с ними в конце 1970 — начале 1980-х годов, до переезда РГИА ДВ из Томска во Владивосток).

Прежде всего выскажемся о самом термине «демократическая контрреволюция». Его случайность и даже искусственность давно отмечали отечественные исследователи. Тем более очевидно это сегодня, когда оценки событий 1917–1920 гг. во многом изменились. Можно ли считать контрреволюционным движение, направленное на защиту демократических завоеваний Февральской революции

1917 г.? Можно ли считать революцией события Октября того же года, которые даже сами большевики долго называли «октябрьским переворотом»? Насколько демократичной была общественная и военная база антибольшевистского движения конца 1917 — осени 1918 г.? Ведь, как известно, это движение имело много составляющих, которые лишь формально объединялись лозунгом защиты Учредительного собрания.

Мы считаем, что к «демократической контрреволюции» следует подходить как к сложной системе, включающей (на основе временного компромисса) различные общественные элементы. Феномен, скрывающийся за этим малоудачным термином, объединил под своим знаменем много различных организаций и общественных течений (областничество, кооперация, правосоциалистические партии, земство, офицерство и др.).

Наконец, исключительно важным является вопрос о социальной опоре «демократической контрреволюции», которую, на наш взгляд, составляли крестьянство, городские средние слои и, в известной степени, казачество. Причем, само понимание демократизма в условиях отсутствия реального практического опыта демократии различными группами российского общества было весьма различным. Нам представляется неправомерным и малопродуктивным ограничивать историю «демократической контрреволюции» исключительно деятельностью эсеров, что, к сожалению, иногда имеет место.

Еще один важный вопрос — хронологические рамки «демократической контрреволюции». Одни исследователи достаточно жестко ограничивают ее летом — осенью 1918 г. Другие исследователи полагают возможным трактовать ее несколько шире. Так, еще в начале 1970-х годов М.Е. Плотникова предложила толкование «демократической контрреволюции» как антисоветской позиции правых социалистов в течение всей гражданской войны, безотносительно ее периодов¹. Кроме того, в литературе присутствует интересное представление о «второй волне» «демократической контрреволюции» в период колчаковщины, которое сформулировал С.Ф. Фоминых². Названные

---

¹ *Плотникова М.Е.* Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии // Труды Томск. гос. ун-та. Т. 193. — Томск, 1967. С. 108–113; Она же. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск, 1973. С. 75–90.

² *Фоминых С.Ф.* «Демократическая контрреволюция» в Сибири периода крушения колчаковщины (по материалам американской дипломатической переписки) // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири. Новосибирск, 1991. С. 172. Он же. Коалиционная так-

томские историки внесли значительный вклад в изучение гражданской войны на востоке России, но в данном случае мы позволим себе не согласиться с такими представлениями. На наш взгляд, это уже обозначенная попытка ограничить понимание феномена «демократической контрреволюции» деятельностью правых социалистов.

Нам представляется едва ли возможной попытка оценить достижения наших сибирских коллег в полной мере, тем более, что существуют специальные исследования по историографии этой темы³. В рамках данной статьи мы ограничимся характеристикой литературы последних 20 лет по истории «демократической контрреволюции» (и ее составляющих) непосредственно на Дальнем Востоке.

В постперестроечный период в региональной историографии гражданской войны заметно активизировалось изучение политических партий, в том числе, правосоциалистических. Особо следует выделить работы хабаровских историков В.Л. Кузьмина, Ю.В. Ципкина и др. Деятельность дальневосточных эсеров и меньшевиков рассматривается ими в контексте общероссийской истории этих партий, как проявление демократической альтернативы большевистской и консервативной тенденциям в ходе гражданской войны⁴.

История одного из правительств «демократической контрреволюции» — Временного правительства Амурской области⁵, стала пред-

---

тика политических партий и общественных организаций Сибири в период гражданской войны // История общественных движений и политических партий России. Томск, 1993. С. 131-134.

³ Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето — осень 1918 г.) в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; Сулов А.Ю. Партия социалистов-революционеров в годы гражданской войны: Основные проблемы современной историографии // История белой Сибири. Кемерово, 2005. С. 20–25.

⁴ Авдошкина О.В. Расстановка политических сил на Дальнем Востоке России в начале гражданской войны // Политические партии и движения на Дальнем Востоке России: история и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Хабаровск, 2001; Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские силы России в период гражданской войны (1917–1922 гг.): Учеб. Пособие. 2-е изд. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2006; Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск: Изд-во ХГПУ и ДВГУПС, 2005; Кузьмин В.Л. Дальневосточные организации правосоциалистических партий в годы гражданской войны (1917–1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Хабаровск, 2004; и др.

⁵ В последние два десятилетия историки гражданской войны в Сибири и на

методом специального рассмотрения в статьях С.Н. Савченко и Н.А. Шиндялова⁶. Примечательно, что оба автора претендуют на роль первооткрывателей в этой теме, что весьма далеко от истины. Н.А. Шиндялову принадлежит еще одна публикация о Бюро самоуправлений Амурской области — координационном центре «демократической контрреволюции» в этом регионе весной — летом 1918 г.⁷

Истории создания Временного правительства автономной Сибири посвящены небольшие публикации О.В. Авдошкиной, Е.В. Лукова и В.И. Шишкина⁸.

В последние годы внимание историков привлекло земское движение на Дальнем Востоке. Применительно к нашей теме хотелось бы отметить публикации В.Г. Балковой, Б.И. Мухачева, Г.Я. Тригуба, Е.В. Черной⁹, в которых анализируется деятельность органов местного

Дальнем Востоке часто используют аббревиатуры — ВПАС, ВАП (применительно к Временному правительству Амурской области). Мы не сторонники подобного сокращения. Во-первых, в 1918 г. в оригинальных документах подобного сокращения не встречались. Во-вторых, правительство А.Н. Алексеевского на Амуре всегда считало себя областным, в этом случае аббревиатура ВАП юридически не корректна, так как понятие амурский регион значительно шире. Более того, это гипотетически создает путаницу, так как в начале 1920 г. существовало Приамурское правительство и т. д. Само рождение таких аббревиатур нам представляется известным искажением русского языка.

⁶ *Савченко С.Н.* Временное Амурское правительство (18 сентября — 10 ноября 1918 г.) // Третьи Гродековские чтения: Материалы региональн. научно-практ. конф. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Хабаровск 4–5 октября 2001 г. Ч.3. Хабаровск, 2002. С.45–51; *Шиндялов Н.А.* Правительство А.Н. Алексеевского в Амурской области // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 2. С. 5–14.

⁷ *Шиндялов Н.А.* Бюро самоуправлений Амурской области: Благовещенск–Сахалин–Благовещенск (март — сентябрь 1918 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 6.– Благовещенск, 2003. С. 22–28.

⁸ *Луков Е.В.* Временное правительство автономной Сибири и его место в белом движении на Востоке // История Белой Сибири. Кемерово, 1995. С. 19–23; *Авдошкина О.В.* Формирование антибольшевистских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке России (1918 г.) // История белой Сибири: Материалы 5-й Международ. науч. конф. 4–5 февраля 2003 г. Кемерово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 60–63; *Шишкин В.И.* Из истории Временного правительства автономной Сибири (1 июля — 21 сентября 1918 г.) // История белой Сибири. Материалы VII Международ. науч. конф. (Кемерово, 28–29 сентября 2009 г.). Кемерово, 2009. С. 55–61;

⁹ *Балковая В.Г.* Поражение «третьей силы». Социально-политическая жизнь Приморья в июле — ноябре 1918 года // Россия и АТР. 1997. № 1. С. 30–35; *Мухачев Б.И.* Политическая деятельность Владивостокской городской думы в мар-

самоуправления, преимущественно приморских, в период «демократической контрреволюции».

История дальневосточного казачества в годы гражданской войны, в том числе в период «демократической контрреволюции»¹⁰, стали предметом исследования С.Н. Савченко. Автор ввел в научный оборот значительный круг архивных источников, поставил ряд новых проблем, в частности вопрос о природе казачьего сепаратизма. Эта же проблема получила развитие в статьях В.А. Шулдякова, в которых позиция дальневосточного казачества справедливо противопоставляется «государственной» политике лидеров казачества Урала и Сибири¹¹.

Проблема формирования антибольшевистских вооруженных сил на Дальнем Востоке в 1918–1919 гг. стала предметом исследования С.Н. Савченко и Д.Г. Симонова¹². Хотелось бы отметить как положи-

---

те 1917 — июле 1918 гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. Т.3. Владивосток, 1998; *Тригуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в период гражданской войны и интервенции // Ойкумена. 2007. Вып 3. С. 64–80; *Черная Е.В.* Земства и «демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке (июнь — ноябрь 1918 г.) // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. № 15. Приложение к журналу для ученых «Клио». СПб., 2008. С. 140–148.

¹⁰ *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002; Он же. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь — август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): Сб. науч. ст. Хабаровск, 1999; Он же. Создание Союза Дальневосточных казачьих войск (осень 1918 г.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений. Хабаровск, 1999.

¹¹ См.: *Шулдяков В.А.* К вопросу о роли казачества в образовании «всероссийской власти» на востоке России в 1918 г. // Контрреволюция на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С.85–104; Он же. Казачество Сибири и верховная власть // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. С.159–191.

¹² *Савченко С.Н.* Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 — февраль 1920 гг.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Вып. 2. Хабаровск, 2000. С. 36–69; *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские войска Приморской области летом 1918 года // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII — XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г. Новосибирск, 2007. С. 95–108. Он же. Антибольшевистские вооруженные формирования на Дальнем Востоке в 1918–1919 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.) Сб.

тельный момент то, что «демократическая контрреволюция» фактически вычленяется из Белого движения, что в целом не типично для современной историографии.

При всех несомненных достоинствах публикаций Д.Г. Симонова (например, пошаговый анализ военного строительства в Приморской области в ходе ожесточенной конфронтации между претендентами на власть и их «командующими всеми войсками» при постоянном вмешательстве «демократически настроенных союзников»), приходится констатировать известную «источниковую тенденциозность». Так, мятеж И.М. Гамова (март 1918 г.) на Амуре весьма односторонне представлен глазами участника гражданской войны со стороны большевиков, а при описании конфликта правительства и Д.Л. Хорвата во Владивостоке преобладают ссылки на свидетельства В.Е. Флуга — управляющего военным ведомством Делового кабинета.

В последние десятилетия активизировалось изучение различных аспектов экономической политики антибольшевистских правительств, в том числе «демократической контрреволюции».

Вопрос о денационализации и ее последствиях для экономики региона был поставлен в монографии Л.Н. Долгова, посвященной экономической политике периода гражданской войны на Дальнем Востоке¹³. К сожалению, «демократическую контрреволюцию» как отдельный этап автор не выделял, а деятельность эсеров Амурской области вообще не рассматривал.

Финансовой политике антибольшевистских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке посвящена монография В.М. Рынкova¹⁴. Этому же автору принадлежит статья с интересным анализом аграрного законодательства антибольшевистских правительств на востоке России в контексте столкновения традиций и новаций революционной эпохи¹⁵.

науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 21–84.

¹³ Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996.

¹⁴ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 212 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/rynkov-financial-policy/> Дата обращения 01.07.2013.

¹⁵ Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина;

Однако во всех этих исследованиях экономической деятельности правительств «демократической контрреволюции» посвящены считанные страницы. С одной стороны, это вполне закономерно в силу кратковременности их существования, незавершенности экономических начинаний. Однако, с другой стороны, становится очевидным, что без полноценного анализа экономической политики феномен «демократической контрреволюции» и ее стремительный крах не будут до конца раскрыты.

Известный вклад в изучение темы внесла и монография авторов данной статьи, в которой была предпринята попытка обобщить опыт изучения истории «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке¹⁶. В специальной главе монографии был представлен наиболее полный историографический обзор темы. Мы, однако, ни в коей мере не претендуем на бесспорность историографических оценок.

Таким образом, в осмыслении «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке накоплен определенный материал. Вместе с тем ряд вопросов слабо изучен: далека от полного освещения проблема взаимоотношений «демократической контрреволюции» и интервентов, в том числе недостаточно изучен вопрос о роли Чехословацкого корпуса. К числу слабоизученных вопросов можно отнести и проблему взаимоотношений правосоциалистических правительств друг с другом.

«Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке строилась на тех же базовых основах, что и в других регионах России. К этим основополагающим принципам можно отнести неприятие политической программы и практики большевиков, стремление к восстановлению демократической системы управления страной как в центре, так и на местах. Центральное правительство должно опираться на распущенное большевиками Учредительное собрание, а местная власть после ликвидации советов должна вернуться к органам местного самоуправления.

Началом «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке, как и в целом в России, стало выступление чехословацких легионеров. Но во Владивостоке это выступление произошло гораздо позже, спустя месяц после начала антибольшевистского переворота в Поволжье, на Урале и в Сибири. Более того, военные действия в При-

---

Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001 С. 99–137. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/gynkov-agrarian>. Дата обращения 01.07.2013.

¹⁶ Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 — конец 1918 гг.). Уссурийск, 2013.

морской области неожиданно затянулись на два месяца, а на Амуре, где легионеров вообще не было, советы были свергнуты только в сентябре 1918 г. В итоге было создано два правительства: Временное правительство автономной Сибири во Владивостоке и Временное правительство Амурской области в Благовещенске. Краткая история их образования такова.

Сразу же после вооруженного выступления чехословаков во Владивостоке 29 июня 1918 г. о своих претензиях на власть заявило Временное Сибирское правительство, вскоре переименованное во Временное правительство автономной Сибири. Об этом правительстве писали много¹⁷. Тем не менее, важно напомнить ряд обстоятельств. Правительство, эсеровское по своему партийному составу, было создано в ночь с 8 на 9 февраля (нового стиля) 1918 г. в Томске в ходе частных совещаний оставшихся на свободе членов Сиблоблдумы, по инициативе лидера томских эсеров П.Я. Дербера. Изначально планировалось, что члены правительства отправятся на Дальний Восток, в Харбин, что и произошло в марте 1918 г. Образованный 13 февраля 1918 г. Западно-Сибирский эмиссариат (формулировка из Декларации Временного правительства автономной Сибири от 8 июля 1918 г.) в составе Линдберга, Михайлова, Сидорова и Гришина был призван осуществлять власть этого правительства в Западной и Центральной Сибири.

В конце мая 1918 г. после выступления чехословаков и свержения советской власти этот орган уже под названием Западно-Сибирский комиссариат объявил о принятии на себя властных полномочий до прибытия правительства, дабы воспрепятствовать различным авантюристам захватить власть. В июне 1918 г. между группой П.Я. Дербера, находившейся в это время в Пекине, и комиссариатом была установлена телеграфная связь. Комиссариат столкнулся с притязаниями на власть сибирской части правительства во главе с министром иностранных дел П.В. Вологодским, причем последний был введен в правительство заочно. На этом факте особенно акцентирует внимание Г.К. Гинс¹⁸, позднее вошедший в правительство П.В.

¹⁷ Назимок В.Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск: Издательство Томского университета, 1970. С. 46–62; Лившиц С.Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–98; Шишкин В.И. Из истории Временного правительства автономной Сибири (1 июля — 21 сентября 1918 г.) // История белой Сибири. Материалы VII Международ. науч. конф. (Кемерово, 28–29 сентября 2009 г.). Кемерово, 2009. С. 55–61.

¹⁸ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории.

Вологодского. В изображении Г.К. Гинса (а история создания эсеровских правительств Сибири чаще всего реконструируется по его воспоминаниям) деятельность группы П.Я. Дербера носила откровенно фарсовый характер.

И последний штрих. 30 июня 1918 г., через день после выступления чехословаков во Владивостоке, Западно-Сибирский комиссариат в Омске передал власть сибирской группе правительства во главе с П.В. Вологодским, действовавшей с этого момента как Временное Сибирское правительство¹⁹. Таким образом, сформировалось два правительства, декларирующие свои притязания на «всесибирскую власть»²⁰. Причем их эволюция была диаметрально противоположной: усиление сибирской группы и утрата позиций дальневосточной.

Претензии П.Я. Дербера и его окружения столкнулись с противодействием не только их коллег из Омска, с которыми временный компромисс, в конечном счете, был найден²¹, но и иных сил. Ситуация в Приморье по вопросу о власти напоминала некий слоеный пирог. Е.Е. Колосов, который побывал во Владивостоке в это время, насчитал восемь претендентов или обладателей реальной властью²².

Открытую оппозицию правительству П.Я. Дербера составляли Временный правитель генерал Д.Л. Хорват и его Деловой кабинет.

1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007. С. 78.

¹⁹ Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 26–47.

²⁰ См.: Декларация Временного Сибирского правительства о государственной самостоятельности Сибири. 4 июля [н. ст.] 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства, от 18 июля 1918 г., № 2 (ст. 9). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2874.html Дата обращения: 21.07.2013. Декларация Временного правительства автономной Сибири о принятии на себя прав центральной государственной власти в Сибири, июля 8 дня 1918 г. Вестник Временного правительства автономной Сибири», № 3, от 11 июля 1918 г. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2843.html Дата обращения: 21.07.2013.

²¹ С точки зрения Временного правительства автономной Сибири Временное Сибирское правительство являлось его территориальным органом, созданным из-за «исключительных условий момента». См.: Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 — ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып.1. С. 3–30.

²² Колосов Е.Е. Дальний Восток и наше будущее. Красноярск, 1919. С. 12–13.

Откровенный сепаратизм всему и вся демонстрировал атаман И.П. Калмыков, при этом, как и Г.М. Семенов, декларирующий свою преданность Учредительному собранию. В Приморье и во Владивостоке реальной силой обладали чехословаки и консульский корпус стран Антанты, неоднократно проявлявшие свои симпатии к правым социалистам, но так официально не признавшие их правительства. После переворота 29 июня 1918 г. возобновили свою деятельность Владивостокская городская дума и Приморская областная земская управа. Отношение с ними у правительства П.Я. Дербера были далеко не простыми.

С одной стороны, эсеры Приморья и лидеры органов самоуправления многократно заявляли о своей поддержке этого правительства, причем присутствие в крае прохорватовских сил, которые эсеры категорически отвергали, делали эту поддержку своеобразным «браком по расчету»: Временное правительство автономной Сибири активно пополнялось за счет местных правых социалистов²³. На Приморскую областную земскую управу были возложены функции правительственного аппарата управления.²⁴ С другой стороны, между правительством и земствами существовали постоянные трения.

Это привело к любопытному маневру. Роль Приморского правительства должен был сыграть на первый период Временный эмиссариат Приморской области, орган власти, действующий до объединения дальневосточной и сибирской группы правительства. Вероятно, инициаторы этого проекта действовали по аналогии с Западно-Сибирским эмиссариатом. Любопытна формула составления этого эмиссариата. В него должны были войти председатель Приморской областной земской управы, Владивостокский городской голова и те, кого изберут выборщики. Право избирать должны были получить все те, кто сам был избран по «четырёххвостке», то есть гласные земств и городов всех уровней, члены Учредительного собрания и Сибирской

---

²³ На посты советников по иностранным делам были приглашены местные народные социалисты Н.И. Дмитраш, А.В. Гребенчиков — преподаватели Восточного института. Печатью занимались меньшевики Ф.Е. Манаев (профессиональный журналист, редактор газеты «Далекая окраина», в Приморье работал еще в период революции 1905–1907 гг., участвовал в думской избирательной кампании) и член земской управы Г.Ф. Семешко (см.: Дальневосточные известия. 1918. 30 июля).

²⁴ Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 — конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 125–158.

областной думы²⁵. А.И. Крушанов считал, что в июле 1918 г. такой орган действовал и даже называл его состав: Агарев, Выхристов, Медведев и Сквирский²⁶.

В создании этого эмиссариата, на наш взгляд, отчетливо проявился «демократический фетишизм» правых социалистов: уж очень странным выглядело предоставление равных прав депутатам Учредительного собрания и гласным уездного уровня. Этот фетишизм проявлялся и в постоянно обсуждаемой идее созыва Всесибирского Учредительного собрания²⁷. На Амуре, кстати, выдвигалась аналогичная идея созыва Амурского Учредительного собрания²⁸.

Уместно напомнить, что Сибоблдума, к авторитету которой постоянно апеллировало правительство как к источнику власти, не имела представительства от цензовых слоев населения, о чем «с сожалением» констатировалось в Декларации Временного правительства автономной Сибири от 8 июля 1918 г. Маневром с эмиссариатом, вероятно, предполагалось обозначить новую политику правительства, не без основания обвиняемого в «левизне», и осуществить «объединение в высших органах государственной власти всех слоев населения страны»²⁹.

На наш взгляд, затея с эмиссариатом не была доведена до конца. Во всяком случае, каких-либо исходящих от него документов и иных следов деятельности нам обнаружить не удалось.

Попытка достичь консенсуса различных общественных сил проявилась и в рокировке членов правительства. 21 июля 1918 г. пост премьер-министра занял бывший управляющий иркутской казенной палатой И.А. Лавров³⁰, «мартовский эсер», по характеристике даже бывших коллег — «заматерелый черносотенец»³¹. Уход П.Я. Дербера с поста премьера был совершенно необходим. Он считался человеком «недюжинных способностей», хорошим оратором, но «невысоких нравственных качеств» и, как выяснилось, был не лучшим организатором. Слабость П.Я. Дербера была и в том, что он был «неизвестным

---

²⁵ РГИА ДВ. Ф.Р-722. Оп.1. Д.1. Л.10.

²⁶ Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920 гг.). Кн.1. Владивосток, 1972. С. 51.

²⁷ РГИА ДВ. Ф.Р-536. Оп. 1. Д. 7. Л. 119.

²⁸ РГИА ДВ. Ф.Р-1032. Оп. 1. Д.54. Л.3

²⁹ Декларация Временного правительства автономной Сибири о принятии на себя прав центральной государственной власти в Сибири, июля 8 дня 1918 г.

³⁰ Вестник Временного правительства автономной Сибири, 1918, 28 июля.

³¹ Гендлин Е.И. Записки рядового революционера. М.; Л., 1926. С. 124.

и чуждым человеком в Сибири»³², а на Дальнем Востоке о нем вообще мало что знали. Вокруг его имени распространялись слухи, в которых он назывался то немцем (а значит агентом Германии), то евреем, что в условиях усиливающихся антисемитских настроений было для правительства весьма невыгодно.

Тем не менее, правые круги уклонялись от сотрудничества с лидерами Временного правительства автономной Сибири, видя в них политиканствующих демагогов. Интересно мнение А.В. Колчака, который летом 1918 г. был знаком с политической ситуацией в Приморье: «Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался своим делом, мне представлялось земство, так как все акты, которые предоставлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы. У меня создалось представление, что между всеми этими организациями велась борьба за власть, и одна организация отменяла постановление другой. Между тем земство вынесло ряд постановлений, носящих деловой характер. Поэтому у меня создалось впечатление, что земство есть единственная власть, которая на востоке может что-нибудь создать, так как оно развивает работу чисто делового характера»³³.

Таким образом, условия создания и кратковременного существования Временного правительства автономной Сибири были крайне противоречивы. С одной стороны, ему сопутствовали поддержка союзников, известная благожелательность местной демократии, земств, с другой стороны, оно оставалось правительством чужаков, к тому же имеющих конкурентов в лице Временного Сибирского правительства. Наконец, с первых шагов своего существования оно столкнулось с откровенной оппозицией правых сил в лице генерала Д.Л. Хорвата.

Временное правительство автономной Сибири какой-либо значительной властью не обладало даже в Приморской области. Однако не правомерно акцентировать внимание, что характерно для сибирских историков, на том факте, что оно не было признано союзниками: последние официально не признали ни одно из созданных в ходе гражданской войны правительств. Тем не менее, и чехословацкие легионеры и консульский корпус демонстрировали симпатии именно этому правительству. Нельзя однозначно сказать, что за этим стояло — «приверженность демократическим ценностям» или нежелание восстановления российской государственности на Дальнем Востоке. Весьма показательны, что некоторые современные исследователи

---

³² Гинс К.В. Указ соч. С. 71–72.

³³ Окрест Колчака: документы и материалы / Сост. А.В. Квакин. М., 2007. С. 416.

связывают возможность возрождения российской государственности именно с Деловым кабинетом генерала Д.Л. Хорвата³⁴. Нам представляется, что здесь мы наблюдаем отголоски соперничества двух порождений Сиблоблдумы.

Эту ситуацию ярко отражает один из эпизодов информационной войны в Сибири, приведенный Д.Л. Шереметьевой. В августе 1918 г. через телеграфное агентство Самарского Комуча было распространено сообщение бывшего уполномоченного Временного Сибирского правительства эсера-максималиста Б.Д. Маркова о перспективах объединения сибирских и дальневосточных министров во главе с П.Я. Дербером. Реакция последовала незамедлительно. В прессе развернулась кампания по дискредитации приморских социалистов и противопоставлению им Д.Л. Хорвата как реально обладающего властью и не представляющего конкуренцию для сибиряков³⁵. К сожалению, «парад амбиций» представителей «демократической контрреволюции» был одним из важных факторов их общей несостоятельности.

Несколько иначе развивалась «демократическая контрреволюция» в Амурской области. Само падение советской власти здесь произошло очень поздно и без всякого прямого участия чехословацких легионеров. В Амурской области особенно отчетливо проявилось политическое и моральное банкротство первых советов. Финансовая политика большевиков привела к заполнению области ничем не обеспеченных местных «денег», так называемых «мухинок» (по имени руководителя Амурского исполкома советов)³⁶. Это самым плачевным образом сказалось на социально-экономической обстановке в области. Прекратился подвоз самых простых товаров, даже шпагата. Между тем, шел август 1918 г., наступило время уборки зерновых. Для вязки снопов этот привычный предмет являлся совершенно необходимым. Недовольство крестьян нарастало в течение всего лета.

---

³⁴ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооруженные формирования на Дальнем Востоке в 1918–1919 г... С. 57–58.

³⁵ *Шереметьева Д.Л.* Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 — январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. С. 63–67.

³⁶ С апреля по сентябрь 1918 г. в Благовещенске было выпущено около 70 млн. руб. так называемых «амурских областных разменных билетов». Зейский совет весной выпустил чеков на 1170 тыс. руб. (см.: *Наволочкин Н.* В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Владивосток, 1966. № 4. С. 153–158; Он же. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5–21).

Благовещенские большевики и их союзники теряли в области поддержку и доверие.

Именно в это время в Благовещенск пробился с Забайкальского фронта красный отряд Пережогина (по определению советской историографии, этот отряд возглавлялся анархистами). В его распоряжении оказались ценности Читинского отделения Государственного банка, включая и золото. Эпизод с этим отрядом присутствует в известном советском кинофильме «Даурия». Там действует полупьяные лихие ребята, одетые в некое подобие матросской формы: классические анархисты советского кино, и золото они просто украли. В Благовещенске вырвавшиеся из окружения пережогинцы устроили многодневный кутеж, к которому подключились и местные товарищи. Этот «пир во время чумы» наблюдал не только жители Благовещенска. Его видели приезжавшие в город крестьяне и делали свои выводы: советы должны уйти.

Сам вопрос о природе «красных эксцессов» в советской историографии имел традиционное объяснение — это проделки анархистов, максималистов, левых эсеров и т. д. Именно так объяснялось трагедия в Николаевске-на-Амуре в начале 1920 г. В отличие от них большевики представлялись как серьезные, непьющие люди, занятые исключительно заботами о лучшей жизни народа. Нам такая оценка представляется не только не верной, но и безнравственной.

Анархисты, левые эсеры и максималисты на Дальнем Востоке были вполне лояльны к большевикам, вместе с ними сражались на фронтах гражданской войны и в партизанских отрядах. Современный исследователь Ю.А. Тарасов полагает даже, что на начальном этапе партизанского движения именно левые эсеры сыграли едва ли не решающую роль³⁷.

Трудно было доказать крестьянам непричастность к благовещенскому загалу местных большевиков, если они дружно работали с анархистами в совете и выпускали в течение 1918 г. газету «Коммунист» как совместный орган большевиков, левых эсеров, максималистов и анархистов-коммунистов. Более того, определение партийной принадлежности организаторов и участников «красных эксцессов», как правило, происходило «задним числом», что вызывает сомнение в корректности ряда оценок.

Недовольство политикой советов на Амуре охватило широкие

---

³⁷ Тарасов Ю.А. О роли большевиков и других политических сил в крестьянских восстаниях на юге Приморья против режима Колчака // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 68–74.

слои населения и нашло благодатную почву для пропаганды как амурских правосоциалистических партий, так и эмиссаров Амурского бюро самоуправлений — координационного центра местной контрреволюции, обосновавшегося после подавления Гамовского мятежа в китайском городе Сахальяне. Среди недовольных были не только «кулацкие элементы», кооператоры или зажиточное казачество, как долгое время было принято считать в советской историографии, но и рабочие, например, профсоюз печатников³⁸, широкие крестьянские слои. Показателем этого недовольства стала волна крестьянских выступлений (по советской оценке — кулацких)³⁹, хотя локальных и быстро подавленных.

Но особенно значимым для определения социальной базы «демократической контрреволюции» на Амуре представляется широкое движение по созыву съезда «хлеборобов» в с. Песчано-Озерском. Съезд хлеборобов открылся 25 августа 1918 г. Ко времени закрытия съезда 28 августа на нем присутствовало около 300 человек от 85 сел области⁴⁰, хотя собственно крестьян-делегатов, по оценке М.И. Старкова, на нем было чуть больше половины⁴¹.

Анализ крестьянских наказов участникам съезда явно свидетельствует о преобладании экономических требований. Прежде всего, в них ставился вопрос о пресловутом шпегате. В политическом плане большинство делегатов требовали недопущение гражданской войны.

На съезде был создан так называемый Временный исполнительный комитет Песчано-Озерского съезда в составе 17 человек, а для постоянной работы — бюро исполкома из четырех человек: А.В. Сторожева (председатель), Я. Клименко и Русского (члены), В.Т. Лохэ (секретарь). Все они были правые эсеры⁴².

---

³⁸ Двадцать лет. 1907–1927. (Профсоюз печатников). Благовещенск, 1927. С. 42.

³⁹ Известия Совета трудящихся Амурской социалистической федеративной республики. 1918. 10 августа; *Шиндялов Н.А.* Классовая борьба в Амурской деревне летом 1918 г. // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 2. Хабаровск, 1972. С. 8.

⁴⁰ Голос труда. 1918. 4 октября.

⁴¹ *Старков М.И.* Некоторые вопросы истории гражданской войны на Дальнем Востоке // Материалы Второй Дальневосточной межвуз. науч. конф. по истории Советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967. С. 49.

⁴² РГИА ДВ. Ф.Р-1024. Оп.1. Д.15. Л.21. Полный его состав: Бессмертный, Клименко, Костырь, Конопленко, Казаков, Кокорин, Саяпин, Соловьев, Соколов, Сторожев, Тебеньков, Темляков, Шебеньков.

Исполком в ультимативной форме потребовал от Амурского облисполкома и Дальсовнаркома передачи ему власти в пределах области, угрожая в противном случае вооруженным выступлением. Для защиты съезда, а затем и для активной борьбы с советами были сформированы вооруженные отряды. О реальности политического веса и военной силы «хлеборобов» свидетельствуют и упорные, но явно запоздавшие попытки достичь компромисса с песчаноозерцами со стороны советов.

Было бы несправедливо связывать свержение советской власти на Амуре исключительно с движением «хлеборобов». Одновременно активизировались антисоветские силы за пределами области, но и игнорировать его нельзя. Восстаниями были охвачены и казачьи станицы. Напомним, что 4–5 сентября отряды И.П. Калмыкова и поддерживавшие его японские интервенты вступили в Хабаровск. Это делало положение большевиков Амура безнадежным. 18 сентября того же года военный отряд подполковника И.Н. Никитина вступил в Благовещенск.

В тот же день было сформировано Временное правительство Амурской области — первоначально в составе четырех человек. Вслед за этим начались переговоры между правительством и Песчано-Озерским исполкомом, которые закончились соглашением и пополнением правительства. 20 сентября новый состав правительства выглядел так: А.Н. Алексеевский, И.Н. Никитин, И.М. Гамов, Н.Н. Родионов, А.В. Сторожев, В.Т. Лохэ (двое последних из Исполкома песчано-озерцев)⁴³. Главой правительства до его окончательной ликвидации являлся А.Н. Алексеевский, а вот внутри кабинета изменения происходили неоднократно. Партийный состав кабинета выглядел так: А.Н. Алексеевский являлся эсером, причем со значительным дореволюционным стажем, членом Учредительного собрания. Он был фигурой авторитетной и склонной к авторитарному правлению. Родионов — меньшевик, впрочем, он как раз скоро покинул правительство, вернувшись к работе в Амурской областной земской управе, председателем которой являлся. И.Н. Никитин являлся беспартийным. Атамана Амурского казачьего войска И.М. Гамова многие авторы называют эсером. Однако для этого, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Он сотрудничал с эсерами долгое время, что и породило такое представление. Сторожев и Лохэ были эсерами, но до летних событий 1918 г. в политической жизни области не были заметны, работали в кооперации.

---

⁴³ ГААО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

Таким образом, Временное правительство Амурской области составили представители двух отрядов, подчеркнем, местной «демократической контрреволюции». А.Н. Алексеевский и его сторонники (внутри этой группы имелись противоречия, доходившие до прямых конфликтов) отражали типичную для эсеров политическую программу. Что же касается представителей Исполкома, то они были отражением крестьянских настроений лета 1918 г. Главным требованием крестьян являлось «Все единогласно высказываемся против каких-либо гражданских войн»⁴⁴. Напротив, эсеровские лидеры призывали крестьян, казаков, бывших офицеров взяться за оружие. Начиналось энергичное строительство вооруженных сил, которое предполагало мобилизацию ряда призывных возрастов. Впрочем, если верить данным Д.Г. Симонова, результаты этих усилий были весьма скромны: 1,1 тыс. офицеров, казаков и добровольцев при семи артиллерийских орудиях⁴⁵. По данным С.Н. Савченко, сформированный пехотный полк имел в своем составе около 100 человек⁴⁶, в отряде атамана И.М. Гамова насчитывалось 600 казаков.

Парадоксально, но относительно Гамовского мятежа в марте 1918 г., успешно подавленного большевиками, Д.Г. Симонов приводит совсем другие цифры — 4,4 тыс. человек при восьми орудиях⁴⁷. На наш взгляд, приведенные цифры (со ссылкой на публикации Д.И. Бойко-Павлова и Е.П. Сидорчука) явно завышены, а данные о численности красных (1750 чел.) под Благовещенском, напротив, занижены, что было вполне в духе советской историографии.

Обретение власти выявило, что различные группы «демократической контрреволюции» понимают ее цели и задачи по-своему. Любопытно, что уже накануне соглашения с Песчано-Озерским исполкомом А.Н. Алексеевский высказывал опасения: «Не стоит ли (Песчано-Озерский исполком. — *Н.Б., Н.Б.*) на платформе советской власти?»⁴⁸. Конфликт между крестьянством области и правительством А.Н. Алексеевского, формально исчерпанный соглашением, отнюдь не исчез. Уже в октябре 1918 г. для наведения порядка в области были направ-

---

⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-1952. Оп. 1. Д. 271. Л. 268. (Указанное дело содержит в себе около 40 крестьянских наказов.)

⁴⁵ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооруженные формирования на Дальнем Востоке в 1918–1919 г... С. 66.

⁴⁶ *Савченко С.Н.* Белая армия на Дальнем Востоке... С. 41.

⁴⁷ *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские вооруженные формирования на Дальнем Востоке в 1918–1919 г... С. 28.

⁴⁸ ГААО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

лены карательные отряды⁴⁹.

Таким образом, крестьянские представления о народовластии решительно не совпадали с политическими доктринами и практикой большевиков. Но и эсеровская политическая программа отнюдь не соответствовала крестьянским ожиданиям. Идеи возрождения Учредительного собрания, созыва в области такового оставляли крестьян равнодушными. Главное, чего хотели крестьяне, — чтобы им не мешали жить и хозяйствовать на их земле. Строго говоря, эти настроения были характерны для всего крестьянства России в период гражданской войны. Нет оснований ни упрекать крестьян, ни восхищаться их «приземленностью». Совсем не случайно, едва ли не главной песней гражданской войны стала песня о трагедии «цыпленка, который тоже хочет жить!»

Итак, в истории создания правительств «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке прослеживаются две тенденции. Свержение первых советов не было делом исключительно иноземных штыков; оно имело значительную внутреннюю социальную базу. В то же время в лагере «демократической контрреволюции» не было ни организационного, ни идейного единства, а само понимание демократии принципиально различалось. Временный компромисс достигался на негативной основе образа врага. Однако позитивную базу создать так и не удалось. Это отчетливо проявилось в социально-экономической политике правительств «демократической контрреволюции».

В целом социально-экономическая политика дальневосточных правительств «демократической контрреволюции» была достаточно традиционной и может быть сведена к ликвидации большевистского наследия. Прежде всего, была проведена денационализация промышленных предприятий. Для ее осуществления в Приморье при областной земской управе была создана комиссия во главе с эсером А.А. Меньшиковым⁵⁰. В начале ноября 1918 г. Приморская областная земская управа сообщила, что «все реквизируемые, секвестрированные советской властью предприятия, а также предприятия, захваченные рабочими организациями, переданы законным владельцам»⁵¹. И хотя управа клялась не допускать массовых увольнений, буржуазия мало считалась с постановлениями, сколько-нибудь затрагивавшими ее интересы.

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 54. Л. 2–3.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. Р-955. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.

Правители Амурской области пришли к власти с готовым планом денационализации⁵². Уже 25 сентября через официальный орган «Бюллетень правительства ...» приказывалось всем «учреждениями и частным лицам оказывать самое деятельное содействие владельцам реквизированных, секвестированных, конфискованных, национализированных и социализированных предприятий и имуществ в деле вступления их во владение и пользование таковыми»⁵³.

Однако обещанного экономического эффекта это не принесло. Промышленность, кроме предприятий, связанных с военными заказами, работала вяло.

Политика денационализации — явление, характерное для всех правительств «демократической контрреволюции». Ее провал объясняется как нежеланием предпринимателей поднимать полуразрушенные предприятия, в условиях крайней экономической нестабильности, так и попытками государственного регулирования, о котором, по меньшей мере, заявлялось в программных документах правительства.

На практике между словом и делом обнаруживался гигантский разрыв, особенно по отношению к трудовому законодательству. Восьмичасовой рабочий день, не отмененный в Приморье и подтвержденный на Амуре, нигде не соблюдался; органов контроля за его соблюдением по существу не было. Исследователь дальневосточного рабочего класса Г.С. Куцый отмечает, что предприниматели увеличивали продолжительность рабочего дня до 9–12 часов; для железнодорожников и водников он решением министра дерберовского правительства правого эсера В.И. Моравского официально был увеличен до 10 часов⁵⁴. В крае быстро росли безработица и дороговизна. «Демократические» же правительства эсеров и меньшевиков, как это сделало правительство А.Н. Алексеевского, отклоняли или не замечали просьб рабочих о финансовой помощи. Не принесли результатов и планы общественных работ.

Всякие забастовки на железнодорожном транспорте и на государственных предприятиях в Амурской области были запрещены⁵⁵. Право на забастовку на частных предприятиях власти отменить не

---

⁵² Правительственный отдел по денационализации возглавил И.С. Зубакин (см.: РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 64. Л. 2).

⁵³ Бюллетень правительства Амурской области. 1918. 25 сентября.

⁵⁴ Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. Владивосток, 1967. С. 65–66.

⁵⁵ Бастующим рабочим ст. Рухлово (ныне Сквородино) А.Н. Алексеевский угрожал наказаниями по законам военного времени. РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 22. Л. 47.

решались, однако запрещение всяких собраний, митингов и т. д. грозило рабочим, решившимся на стачку, арестом за нарушение порядка. Все рабочие организации, и в первую очередь профсоюзы, были распущены, новые должны были в обязательном порядке регистрироваться через суд⁵⁶.

Более умеренный внешне характер носила деятельность управы и дерберовского правительства в Приморье. Здесь не были распущены профсоюзы, которыми руководили через Центральное бюро оставшиеся на свободе большевики, не отменялось и право на забастовку. Более того, эсеро-меньшевистское руководство управы пыталось вести активную социальную политику в городах области. Но действительной помощи профсоюзам не оказывалось, в том числе — по причине отсутствия в руках земства и городского самоуправления финансовых ресурсов.

По мнению В.М. Рыноква, из правительств Дальнего Востока собственными источниками финансирования обладало только Временное областное Амурское правительство, сначала использовавшее средства Благовещенской казенной палаты (37 млн рублей золотом), а потом отпечатавшее 18 млн. руб. собственных денег⁵⁷.

Однако упоминаемые 37 млн рублей были вывезены в ходе отступления из Благовещенска мятежным атаманом И.М. Гамовым в Китайский г. Сахалин. Из них финансировалась деятельность антибольшевистских гражданских и военных организаций на китайской стороне Амура⁵⁸. Сколько денег досталось правительству А.Н. Алексеевского в конце сентября 1918 г., неизвестно. Правительство так и не рискнуло изъять из обращения пресловутые «мухинки», которые оседали именно в деревне. Эти внутренние областные деньги находились в обращении вплоть до колчаковского переворота. Однако буржуазия не хотела торговать на эти деньги⁵⁹.

Таким образом, говорить о финансовой стабильности даже самого благополучного из правительств «демократической контрреволюции» не приходится. Что же касается финансового положения правительства Дербера–Лаврова, то оно было просто катастрофическим.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп.1. Д.11. Л. 16.

⁵⁷ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Ссылка на: *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции. Харбин, 1924. С. 206.

⁵⁸ *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 215.

⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-720. Оп. 2. Д. 494. Л. 1–2.

Собственных источников дохода оно не имело, а постоянные обращения к союзникам за помощью так и остались без ответа.

Сложным и практически не исследованным является вопрос об аграрной политике правительств Дальнего Востока. Как сказано выше, летом 1918 г. «демократической контрреволюции» удалось в какой-то мере обеспечить благожелательный нейтралитет крестьянства, поднять отдельные мятежи, а на Амуре привлечь к антисоветскому движению значительную часть среднего крестьянства. Не считаться с этими настроениями Временное правительство Амурской области не могло. В интересах прежде всего зажиточных крестьян были значительно повышены цены на хлеб — с 5,75 руб. до 12,5 руб. за пуд пшеницы⁶⁰. Показательна оценка этого акта хабаровской меньшевистской газетой: «Песчаноозерский съезд кулаков, мироедов и спекулянтов решил выжать последние соки из обывателя [...]. Любопытно, сколько получит Амурское правительство от песчаноозерского синдиката кулаков и спекулянтов». И не без сожаления: «при Мухине» подобного бы не было⁶¹.

Тем не менее, после захвата власти какой-либо выраженной аграрной программы, особенно в Приморье, где дальше Владивостока призрачная власть Временного правительства автономной Сибири фактически не распространялась, эсеры и меньшевики предложить дальневосточному крестьянству не смогли. На наш взгляд, это объясняется следующим: во-первых, незаконченностью революционных преобразований в деревне, где земельный передел по существу только начинался, и даже организация советов не была доведена до конца; во-вторых, официально возразить против установленных, например, на Амуре, справедливых норм крестьянского надела⁶² эсерам, именовавшим себя крестьянской партией, было весьма затруднительно; в-третьих, кратковременность самого пребывания эсеров и меньшевиков у власти не позволила им заняться аграрным вопросом. Ведь его окончательное решение должно было, по мнению правых социалистов, принять новое Учредительное собрание.

И все же сделанное, прежде всего на Амуре, позволяет судить о некоторых тенденциях. Законодательство советской власти было отменено⁶³. В первом же постановлении Амурское правительство обеспечивало «амурскому хлеборобу право свободного распределения его

---

⁶⁰ Слово труда. 1918. 9 ноября.

⁶¹ Там же.

⁶² Протоколы заседаний V объединенного съезда крестьян и казаков Амурской области. Благовещенск, 1918. С. 3–4.

⁶³ Там же. С. 16.

земледельческого труда, право найма земледельческих рабочих»⁶⁴.

«Захваченные крестьянами земли»⁶⁵ приказано было «немедленно возвратить их законным владельцам», с засеянных же участков крестьяне были обязаны уплатить старым владельцам 1/5 будущего урожая⁶⁶. По существу, это означало отказ от эсеровского же основного закона о земле. Не случайно с мест крестьянские сходы запрашивали, «почему отменен закон о земле, принятый Учредительным собранием, в котором сказано, что „право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется“»⁶⁷. Разъяснение вскоре последовало: в д. Средне-Белую (именно оттуда поступил запрос) был послан карательный отряд под началом поручика Локушанского⁶⁸.

Завершая краткий обзор мероприятий правительств «демократической контрреволюции» в области социально-экономической политики, уместно напомнить об их первоначальных намерениях. Об этом можно судить по декларации Временной Сибирской областной думы от 27 января 1918 г. — первом документе правительства П.Я. Дербера, которого и считают автором текста⁶⁹.

В декларации провозглашалось проведение в жизнь принятого Учредительным собранием закона о безвыкупном переходе всех земель с водами, лесами и недрами в общенародное достояние; наделение землей малоземельного и безземельного крестьянства; национализация «копей, рудников и т.д.»; организация «общественного контроля и регулировки» в области добывающей и обрабатывающей промышленности; «установление государственного контроля над банковским делом для ограждения трудящихся от спекуляции и эксплуатации»; переложение налоговых тягот от беднейшего населения

⁶⁴ Бюллетень правительства Амурской области. 1918. 21 сентября.

⁶⁵ В Амурской области было изъято у владельцев и распределено между сельским населением 69 429 дес. казенных земель, 4 571 — частновладельческих, 1778 — церковно-монастырских, 1298 — казенных, сданных в аренду населению, 330 — наделных и 200 — казачьих (см.: *Щагин Э.М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974. С. 280).

⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 35. Л. 163.

⁶⁷ *Мальшев В.П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 131.

⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп.1. Д. 54. Л. 2.

⁶⁹ *Журавлев В.В.* Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской аойны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И.Шишкин; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 6.

на имущие классы»; осуществление 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, всех видов социального страхования; таксировка цен на предметы первой необходимости, предоставление общего и специального образования за счет государства⁷⁰.

В декларации правительства П.Я. Дербера от 8 июля 1918 г. акценты были явно смещены. Правительство намеревалось восстановить «все те завоевания революции, которые сделаны в области охраны профессионального труда, а равно для поднятия производительных ресурсов Сибири, содействовать приложению и развитию творческих промышленных сил в форме кооперативной и индивидуально-частной инициативы, регулируя деятельность частного торгово-промышленного аппарата путем строгого контроля и пресечения лишь спекулятивных и противогосударственных проявлений». Об аграрном вопросе нет ни слова.

Другими словами, правосоциалистические правительства в своей реальной политике отвернулись от тех, кому давали щедрые обещания на пути к власти, и не смогли привлечь тех, в ком отчаянно нуждались – цензовые элементы.

Ликвидация политических режимов «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке произошла осенью 1918 г. В сентябре Дальний Восток посетил П.В. Вологодский. К этому времени политическое и финансовое положение правительства было настолько плачевным, что оно само стремилось к самоликвидации. Важно было лишь создать видимость единения с Временным Сибирским правительством. По оценке Г.К. Гинса, «это был вопрос политического самодлюбия»⁷¹.

В считанные дни — с 20 по 30 сентября — верховную власть правительства П.В. Вологодского признали как Временное правительство автономной Сибири, так и генерал Д.Л. Хорват. Причем последний был объявлен наместником Дальнего Востока⁷². При этом группа П.Я. Дербера, в отличие от Д.Л. Хорвата, даже не пытались бороться ни за сохранение своих претензий на всесибирскую власть, ни за сколь-нибудь приличную коалицию с группой П.В. Вологодского. Последний, как пишет Е.И. Гендлин, смотрел «на дальневосточное правительство как на местное, которое должно неизменно подать в отставку, как только образовалось центральное правительство. Дерберовцы с этим

---

⁷⁰ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.) Сб. док и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 681–684.

⁷¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... С. 229.

⁷² Там же. С. 254

согласились и подали в отставку»⁷³.

Следует отметить, что ни бывшие члены правительства, ни тем более приморские эсеры и меньшевики не воспринимали первоначально происходящее как победу правых сил, а видели в нем лишь механическую смену одной власти другой, более авторитетной, но, несомненно, демократической. Назначение Д.Л. Хорвата управляющим Дальнего Востока было для приморских правых социалистов первым ударом, за которым последовали новые, совершенно выбивающие почву из-под земства и городского самоуправления. Еще 29 август 1918 г. председатель областной управы эсер А.С. Медведев был назначен областным комиссаром, и П.В. Вологодский ничего не говорил о его возможной замене. Но после сговора с Д.Л. Хорватом 8 октября 1918 г. областным комиссаром был утвержден биржевик И.И. Циммерман⁷⁴, известный во Владивостоке как явный сторонник Д.Л. Хорвата.

Несколько сложнее обстояла ситуация на Амуре. 19 октября 1918 г., когда П.В. Вологодский в Омске отчитывался о своей поездке на Дальний Восток⁷⁵, до формальной ликвидации там правительства было еще далеко. Тем не менее сам П.В. Вологодский поспешил заявить: «Никакого другого правительства (кроме Временного Сибирского. — *Б.Н., Б.Н.*) на территории Сибири нет, поэтому распоряжения А.Н. Алексеевского исполнению никоим образом не подлежат»⁷⁶.

Переговоры с амурскими сепаратистами непосредственно на месте были поручены правому эсеру Л.М. Загибалову, который отправил в Благовещенск в начале октября делегацию во главе с эсером С.И. Афанасьевым, членом Приморской областной земской управы. Между тем, отношения амурских и приморских земцев оставляли желать лучшего. Показательно, что на Дальневосточном съезде представителей земств и городских самоуправлений (середина октября 1918 г.) амурской делегации не было вообще, хотя присутствовали делегации от Камчатской и Сахалинской областей. Неудачной была и кандидатура самого С.И. Афанасьева — в политической жизни края человека весьма непримечательного. Амбициозный А.Н. Алексеевский таким пренебрежительным отношением к себе и своему правительству был явно не доволен.

Переговоры начались 13 октября, продолжались более недели, но не принесли никакого результата. А.Н. Алексеевский требовал ав-

⁷³ Гендлин Е.И. Указ. соч. С. 139.

⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 25. Л. 3.

⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

⁷⁶ Цит. по: Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке... С.109.

тономии Амурской области, предоставления ему министерского портфеля, разного рода гарантий, полномочий ... В конечной счете, это сорвало переговоры⁷⁷. Упорство амурских сепаратистов, и в первую очередь самого А.Н. Алексеевского, объяснялось, на наш взгляд, следующими факторами. Во-первых, японские интервенты, чье влияние на Амуре в это время было необычайно сильным, откровенно препятствовали консолидации всех сил контрреволюции, потворствуя сепаратизму не только А.Н. Алексеевского, но и атаманов И.М. Калмыкова и Г.М. Семенова, делая все эти силы противовесом англо-французскому влиянию на востоке России. Во-вторых, далеко неясным, по крайней мере для дальневосточной контрреволюции, была позиция и будущая роль местного кандидата в диктаторы генерала Д.Л. Хорвата. Между тем отношение амурских эсеров и меньшевиков, прежде всего правительственной группы А.Н. Алексеевского, к Д.Л. Хорвату было вполне доверительным. Кое-кто именно его видел главой будущего общероссийского правительства. Наконец, не последнюю роль играли и личные амбиции лидеров амурской «демократической контрреволюции», искавших для себя чинов и почестей после грядущей победы над большевиками. Интересную версию амурского сепаратизма дает А.М. Краснощеклов: «Амурские меньшевики и эсеры считали себя американцами, стоящими по своей культуре выше остальных дальневосточников, и претендовали на свою самостоятельную власть и руководство своими делами»⁷⁸.

В начале ноября 1918 г. заявил о себе еще один претендент на власть в Амурской области — атаман Г.М. Семенов. В октябре 1918 г. он был избран Походным атаманом всех трех дальневосточных казачьих войск. На этом основании 1 ноября 1918 г. ставленник Г.М. Семенова полковник Шемелин был назначен начальником гарнизона Благовещенска, и, соответственно, от этой должности и звания военного министра освобожден полковник И.Н. Никитин⁷⁹. До приезда Шемелина войска области временно возглавил полковник Мунгалов. Атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов приветствовал эти назначения, хотя сам находился во Владивостоке.

В результате вопрос о ликвидации Амурского правительства был предрешен. Первым сложил полномочия теряющий остатки своего влияния Исполком Песчано-Озерского съезда. Его заседания во второй половине октября 1918 г. становятся все более редкими, а немногие его

---

⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 22. Л. 46, 97.

⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

⁷⁹ РГВИА. Ф.1573. Оп. 2. Д. 25. Л. 14.

постановления «торпедировались» правительством. Некоторые не посещали эти бесплодные заседания, другие (Бессмертный, Костырь) 28 октября предложили вообще распустить Исполком⁸⁰, а после отклонения этого предложения Бессмертный сам вышел из его состава⁸¹. 10 ноября 1918 г. на заседании Исполкома было принято решение об отзыве из правительства Сторожева и Лохэ и самоликвидации. Центральной властью была признана Директория, на местах — земства⁸². На два дня раньше о признании Временного Сибирского правительства и Директории заявила Благовещенская городская дума⁸³.

Правительству А.Н. Алексеевского оставалось лишь найти благовидный повод для формальной сдачи дел. Это самоустранение было приурочено к созыву Земского собрания Амурской области, начавшему свою работу 10 ноября 1918 г. А.Н. Алексеевский сдал власть областному земскому собранию, также признавшему Директорию в качестве центральной власти.

Юридической датой самоликвидации Временного правительства Амурской области следует считать 11 ноября 1918 г. Днем раньше состоялось последнее заседание правительства в присутствии представителя Временного Сибирского правительства С.И. Афанасьева.

Следовательно, после непродолжительного «парада суверенитетов», демонстрации политической беспомощности и дискредитации демократических идеалов ликвидация дальневосточных правительств, проходила под знаком создания единой демократической власти, которая уже не могла стать реальной альтернативой диктатуре.

Попробуем определить особенности «демократической контрреволюции» на дальневосточной окраине России. В отличие от Сибири, Урала и Поволжья она развернулась со значительным опозданием, что неизбежно вносило коррективы в политическую жизнь края и действия властных структур. Это проявлялось, в частности, в относительной самостоятельности правых и крайне правых политических групп, которые в Сибири в начале лета 1918 г. еще следовали за эсерами.

В Сибири значительную роль в формировании идеологии «демократической контрреволюции» сыграло областничество. Более того, все политические режимы Сибири 1918 г. в той или иной мере исходили из Сибирской областной думы или, по крайней мере, обращались к ее авторитету для легитимации своей власти.

⁸⁰ ГААО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

⁸¹ Там же. Л. 39.

⁸² РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп. 1. Д. 35. Л. 35.

⁸³ РГИА ДВ. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

На Дальнем Востоке все было несколько иначе. Следует совершенно определенно заметить, что до 1917 г. областничество на Дальнем Востоке ничем себя не проявило, не было отмечено никаких его заметных акций. На это были вполне определенные причины: Дальний Восток и, в частности, Приморье начали осваиваться Россией значительно позже не только Западной, но и Восточной Сибири. Социально-экономическое развитие региона существенно отставало от сибирских губерний, складывающаяся здесь буржуазия была относительно менее развита, чем в Сибири, более связана с финансовым капиталом сопредельных стран, не обнаружив, тем самым, своих собственных «сибирско-дальневосточных» интересов. Интеллигенция, которая в Сибири являлась носителем областнической идеологии, на Дальнем Востоке вообще практически отсутствовала. Ее немногие представители являли собой выходцев из европейской части России, были тесно связаны с государственными структурами царской администрации. В качестве примера можно привести личные дела преподавателей и сотрудников Никольск-Уссурийской учительской семинарии, открывшейся в 1909 г. Подавляющее большинство актива этой семинарии — выходцы из центральной европейской части России, в лучшем случае — недолго работавшие в учебных заведениях Сибири⁸⁴.

Это никак не напоминало Сибирь с ее уже сложившейся буржуазией, с ее местной интеллигенцией, глубоко осознавшей своеобразие и вместе с тем «ущемленность» родного края, с ее научными учреждениями, центром которых, безусловно, являлся Томск, где уже в 1882 г. был образован университет.

Весьма показательны, что кампания по выдвижению делегатов в Сибирскую областную думу в Дальневосточном крае фактически провалилась. И хотя по замыслу сибирских областников Приморской области предоставлялось шесть мест, а Амурской области — одно, в итоге, по нашим сведениям, на Томском съезде присутствовал только один человек от Дальнего Востока — это хабаровский городской голова эсер Л.М. Загибалов⁸⁵.

Следует признать, что в отдельных случаях областнические инициативы получали поддержку. Так, на V чрезвычайном круге Уссурийского казачьего войска в октябре 1917 г. принимается следующая резолюция: «Сибирская областная дума создаст твердую власть, дол-

---

⁸⁴ Лихарев Д.В., Лышча О.Б. Учителя учителей. История Уссурийского государственного педагогического института. Уссурийск, 2004. С. 8–26.

⁸⁵ РГИА ДВ. Ф. Р.-465. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 82–83, 90–91, 94.

женствующую быть признанной всеми слоями населения Сибири»⁸⁶. Очень важная деталь, особенно на фоне грядущей деятельности атамана Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыкова, чей сепаратизм стал «притчей во языцех». Дальневосточное казачество не было чуждо идее создания сильной власти, которую так отчетливо продемонстрировали их сибирские и уральские собратья на Уфимском государственном совещании⁸⁷. Однако это исключение лишь подчеркивает правило: инициатива сибиряков на Дальнем Востоке поддержку не получила.

Сибирское областническое движение осенью 1917 г. данный факт проигнорировало, лишь спустя несколько месяцев ответив устами И.А. Лаврова, «что это вызвало неблагоприятные результаты, усилив сторонников дальневосточного сепаратизма и противников федерации»⁸⁸.

Нам представляется, что такая ситуация во многом объясняет скептическое отношение приморской общественности к притязаниям «группы Дербер–Лаврова» на легитимность их власти, как исходящей от Сибирской областной думы.

Следует подчеркнуть, что если в Приморье областнические идеи пользовались очень слабой поддержкой, то на Амуре «демократическая контрреволюция» к ним вообще не обращалась. Легитимация власти правительства А.Н. Алексеевского основывалась на факте фактического обладания ею. Неудивительно, что амурские эсеры весьма прохладно встретили сентябрьское пребывание П.В. Вологодского на Дальнем Востоке, видя в нем, вероятно, политика областнического толка.

Во всех публикациях по истории гражданской войны на Дальнем Востоке подчеркивается окраинное положение края. Не можем и мы пройти мимо этого важного обстоятельства. Наличие близких границ создавало для всех, в том числе и для крайне правых антисоветских сил, дополнительные условия для политической и военной консолидации. Причем позиции ценовой буржуазии и военных, не питавших особых симпатий к социалистам любого толка, здесь были особенно сильны, а попытки создать еще за границей коалицию Дербер–Хорват под давлением союзников провалились по вине обеих сторон.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

⁸⁷ Шульдяков В.А. К вопросу о роли казачества в образовании «всероссийской власти» на востоке России в 1918 г.

⁸⁸ Красный архив. Т.4 (35). С. 101. (Сожаление по этому поводу принадлежит И.А. Лаврову, который сменил главу Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербера.)

Пограничное положение края определило и присутствие здесь значительных сил интервентов, которые в политической жизни Дальнего Востока играли огромную роль. Более того, можно с уверенностью говорить о зависимости всех антисоветских сил, в том числе эсеров и меньшевиков, от Антанты. Если Самарский Комуч и Временное Сибирское правительство имели непосредственные контакты лишь с чехословаками и гораздо реже с другими интервентами и могли хотя бы формально оспаривать свой коллаборационизм, то иначе складывалась ситуация на восточной окраине России.

Следует признать, что к развёртыванию иностранной интервенции «демократическая контрреволюция» непосредственно причастна. Любопытно, что после окончания гражданской войны мемуаристы из числа эмигрантов именно эсеров называли ответственными за развязывание иностранного вмешательства в русские дела. Так, М.А. Кроль утверждал, что на одном из совещаний в Иркутске, еще до переезда Временного правительства автономной Сибири в Харбин, «П.Я. Дербер горячо доказывал полезность и целесообразность интервенции, он верил, что с помощью иностранных войск легко можно будет свергнуть большевиков и убеждал нас присоединиться к его мнению. Помню, большинство из нас согласилось с доводами П.Я. Дербера, но я и еще кто-то высказались решительно против интервенции»⁸⁹.

Вряд ли можно полностью доверять данному суждению, так как в этот период антибольшевистская эмиграция энергично искала «козла отпущения», виновника поражения в гражданской войне и нередко находила его в рядах правых социалистов. Напротив, И.Е. Гендлин, оправдывая своих бывших однопартийцев, ссылался на слова П.Я. Дербера о том, что «под союзнической помощью он понимал моральную помощь в виде признания»⁹⁰, тем самым отрицая причастность к собственно военной интервенции.

Однако к лету 1918 г. иллюзии о возможности своими силами свергнуть советскую власть правые социалисты, и не только они, практически оставили. Весьма характерной является резолюция Харбинской организации правых эсеров: «[...] Без помощи наших союзников наша страна при ее теперешнем положении не сможет выполнить эту задачу»⁹¹.

Документы, опубликованные в 1920-е годы в журнале «Красный

---

⁸⁹ Кроль М.А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской областной думы (из воспоминаний) // Вольная Сибирь. Т. IV. Прага, 1928. С. 70.

⁹⁰ Гендлин И.Е. Указ соч. С. 124.

⁹¹ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп.1. Д. 35. Л. 86–87.

архив», показывают, что с первых шагов своего пребывания на Дальнем Востоке группа П.Я. Дербера пыталось торговать богатствами Сибири, привлекая союзников «важным экономическим и торговым значением» этого региона⁹², была готова проводить политику «открытых дверей» по отношению к иностранному капиталу, обивало пороги консульств и фирм Японии, Соединенных Штатов и Великобритании⁹³. Взамен эсэро-меньшевистское правительство просило признания и, конечно, помощи — финансовой и военной. Аналогичный курс проводило Временное правительство Амурской области. 31 октября 1918 г. на встрече А.Н. Алексеевского с майором английской армии Ротом глава Амурского правительства обещал всем державам равные возможности в эксплуатации богатств области, особенно зазывал иностранный капитал для оказания помощи железнодорожному транспорту⁹⁴.

Понимали ли лидеры «демократической контрреволюции» опасность иностранной интервенции и вмешательства государств Антанты во внутренние дела России? Предвидели ли реакцию населения на появление в России иностранных войск? С большой долей уверенности можно утверждать обратное. На наш взгляд, многим эсерам был присущ некий политический инфантилизм, сказывалось отсутствие реальной политической практики. Нельзя же таковой считать участие в митингах и политическую публицистику.

Но не все дальневосточные политические деятели отличались такой близорукостью. А.Н. Русанов в письме Н.А. Кудашеву 18 июля 1918 г. (важно подчеркнуть эту дату) в качестве основного аргумента против правительства Д.Л. Хорвата утверждает: оно «вынуждено будет опереться на силу иностранцев, что усилит еще более враждебность населения к подобной власти, русской по названию, но по существу чужой, базирующейся на иностранцах»⁹⁵. Очень важное замечание. Другое дело, что не все его тогда могли понять. Более того, именно войска чехословацких легионеров и союзников обеспечили победу над большевиками на Уссурийском фронте, а в самом конфликте Д.Л. Хорвата и Временного правительства автономной Сибири союзники поддерживали как раз демократию.

В исследованиях о гражданской войне на Дальнем Востоке неоднократно отмечался сепаратизм казачества, точнее — казачьих атаманов, к которым следует отнести Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова и в

⁹² Красный архив, т.4 (35). С. 77.

⁹³ Лившиц С.Г. Указ.соч. С. 94–96.

⁹⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-1032. Оп.1. Д. 35. Л. 86–87.

⁹⁵ Сибирский архив. Издание Общества сибиряков в ЧСР. (Приложение к журналу «Вольная Сибирь»). Прага, 1929. С. 45.

меньшей степени И.М. Гамова. Между тем, в Сибири и на Урале казачество занимало несколько иную позицию. Оно играло важную позитивную роль в формировании «всероссийской власти», даже на заключительном этапе «демократической контрреволюции» в Сибири, когда их сдержанное, если не сказать — враждебное, отношение к эсеровским лидерам стало очевидным.

Тем не менее, правомерно поставить вопрос о «казачьем демократизме» как неотъемлемой части «демократической контрреволюции». Возрождение традиций войскового круга, выборность атаманов, постоянные апелляции того же И.П. Калмыкова к решениям круга, даже порки как традиционный метод казачьего воспитания и перевоспитания, наконец, лозунг «Защита Учредительного собрания!» и нежелание признавать иные власти — все это вполне вписывается в пространство российского представления о народовластии.

Как известно, в политической программе «демократической контрреволюции» земствам и городским самоуправлениям отводилась роль местной власти. Повсеместно правительства «демократической контрреволюции» сотрудничали, хотя и не без трений, с земствами, в которых позиции правосоциалистических партий были достаточно сильны. Не стал исключением и Дальний Восток. Однако уместно напомнить, что земства начали создаваться на востоке России только в 1917 г. За короткое время были сформированы только областные и уездные структуры, как редкое исключение — волостные. Традиции земского движения отсутствовали, а отлаженный административный механизм практически был разрушен в ходе революций. Традиционный крестьянский мир относился к земствам настороженно, поскольку видел в них причину новых налогов. Такая ситуация значительно сужала социальную базу правительств «демократической контрреволюции» на дальневосточной окраине страны.

Очень показательным является история Песчано-Озерского крестьянского съезда, где со стороны крестьян преобладали экономические требования, а политические лозунги «народовластия» привносились эсеровскими лидерами съезда. Крестьяне поддержали эти лозунги, однако видели в этом демократическом будущем России режим, который не будет мешать им свободно хозяйствовать на земле.

Падение режимов «демократической контрреволюции» в России и на Дальнем Востоке было вполне закономерным. За время пребывания у власти в Сибири они показали свою неспособность эффективно противостоять большевикам. Сказывалось отсутствие реального политического опыта, опыта административной работы, склонность к политическим декларациям. Для промышленно-финансовых и воен-

ных кругов эсеры все еще оставались носителями той разрушительной социалистической идеологии, которая привела Россию на грань национальной катастрофы. Однако главное обстоятельство этого падения заключалась, на наш взгляд, в неостребованности демократических ценностей в стране. Короткий период эйфории 1917 г. завершился равнодушием к разгону Учредительного собрания и ликвидации местных органов самоуправления.

Колчаковский переворот был вполне закономерным финалом «демократической контрреволюции». Он должен был объединить антибольшевистские силы на востоке России, избавить формирующееся Белое движение от политической трескотни своих предшественников. Удалось это далеко не в полной мере, но в наши задачи характеристика колчаковского режима не входит.

Н.Ю. Пивоваров

**СОВЕТ ВСЕСИБИРСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ СЪЕЗДОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(сентябрь 1918 — январь 1920 г.)**

Организация и деятельность главного исполнительно органа всей сибирской кооперации — Совета Всесибирских кооперативных съездов (Всекосовета) — до сих пор остается белым пятном в истории антибольшевистской Сибири. Имеющаяся историография ограничивается только одной небольшой статьей, которая носит в большей степени очерковый характер и не дает исчерпывающего ответа на вопрос об истории Всекосовета¹. Между тем без анализа деятельности Совета достаточно сложно понять степень участия кооперации в политической жизни восточных районов России во время гражданской войны.

В начале XX века кооперации играла исключительную роль в хозяйственной жизни России. Рост кооперации был обусловлен углублением и расширением капиталистических отношений в Российской империи. Кооперация в форме простых низовых кооперативов активно проникала в деревню и город. Распространяясь все шире, кооперация стимулировала оборот товаров, развитие сельского хозяйства и промышленного производства.

Вместе с тем бурные темпы роста численности кооперации, разнообразие направлений ее деятельности ставили перед кооператорами все новые и новые проблемы, решить которые можно было лишь совместными усилиями. В апреле 1908 г. произошло исключительно важное событие в истории российской кооперации: в Москве состоялся первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Съезд констатировал как общие позитивные сдвиги в российской кооперации на рубеже веков, так и вскрыл ее слабости, изъяны и существовавшие недостатки, обусловленные во многом уровнем

---

¹ *Рынков В.М.* Возникновение и деятельность Всесибирского совета кооперативных съездов (вторая половина 1918 — начало 1920 г.) // Кооперация: история, теория, экономика, управление. Посвящается 100-летию I Всероссийского кооперативного съезда: Материалы международ. науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2008 г. Новосибирск, 2008. С. 30–33.

хозяйственно-экономического, социокультурного, правового положения населения, противоречивой политикой властей с ее очевидным акцентом на административно-полицейское регулирование и опеку деятельности кооперативов. Делегаты съезда приняли решение создать общероссийский исполнительный орган — Совет кооперативных съездов. Однако государственная власть наложила запрет на практическое исполнение всех решений съезда, в том числе на создание общероссийского Совета кооперативных съездов.

В 1915 г. кооператоры явочным порядком в Москве создали Центральный кооперативный комитет, главной целью которого была «координация всех сил для обороны страны на средства кооперативных организаций»². Вначале ситуация складывалась для организаторов благополучно. На местах были созданы около ста уездных и губернских кооперативных комитетов. Но спустя три месяца по распоряжению московского градоначальника Центральный кооперативный комитет был распущен, а против его организаторов были возбуждены уголовные дела. Все попытки кооператоров опротестовать решение властей закончились безрезультатно — вплоть до Февраля 1917 г. комитет не возобновил свою работу.

Февральская революция открыла новую страницу в истории российской кооперации. После свержения монархии кооператоры надеялись не только изменить правовой статус кооперации, но и привнести с новым правительством в жизнь общества демократические нормы и ценности. Уже 28 февраля 1917 г. возродившийся Центральный кооперативный комитет опубликовал обращение «К кооперативным организациям», в котором приветствовалось свержение самодержавия. В нем также содержались следующие призывы: «От демократических преобразований к социалистическому творчеству! Да здравствует кооперативно-объединительный труд! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм»³. Комитет поддержал основные требования революционных масс: передачу власти в руки народа, справедливое распределение земли между крестьянами, введение восьмичасового рабочего дня, а также заключение всеобщего мира и освобождение населения от военных тягот. Центральный кооперативный комитет призвал подчиняться всем распоряжениям Временного комитета Государственной думы. Впервые российские кооператоры открыто и довольно радикально

---

² Цит. по: *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 291.

³ *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 332.

заявили о своих политических позициях, выступив с осуждением свергнутого самодержавия и поддержав новую власть.

В марте 1917 г. состоялся первый открытый Всероссийский кооперативный съезд. На нем обсуждались три основных вопроса: участие кооперации в борьбе с продовольственным кризисом, политическая позиция российской кооперации и создание всероссийского кооперативного координационного центра. Делегаты съезда, приняв постановления по всем вопросам, утвердили устав Совета Всероссийских кооперативных съездов, ставшего исполнительным органом съездов, а по сути — идейным и координационным центром российской кооперации.

В Совет были избраны 32 представителя: 10 от делегатов Всероссийского кооперативного съезда, пять — от центральных кооперативных организаций и 17 — от крупных территорий. От Западной Сибири в Совет был избран представитель Алтайского союза кооперативов М.Г. Бочарников, а от Восточной Сибири и Дальнего Востока — представитель «Амурского кооператора» Н.К. Сенотрусов. Совет утвердил из числа своих представителей правление Совета. В состав правления вошли С.Н. Прокопович (председатель), В.И. Анисимов, В.А. Кильчевский, С.Л. Маслов и В.В. Хижняков (члены), казначеем был назначен В.В. Костин, а секретарем — М.Д. Шишкин⁴.

На Совет возлагались представительство и защита кооперации перед государственными органами и общественными объединениями, согласование и примирение внутренних интересов кооперации, разработка вопросов кооперативного строительства и кооперативной идеологии, работа по учету российского кооперативного движения. Представители Совета в марте — октябре 1917 г. участвовали в качестве полноправных членов в деятельности ключевых государственных комитетов (финансового, продовольственного, земельного, народного образования, таможенно-тарифного), а также в финансовой комиссии при министерстве продовольствия, в Особом совещании по топливу и в Совещании по подготовке к выборам в Учредительное собрание. При правлении Совета были образованы следующие отделы: юридический, экономический (сотрудники отдела занимались статистическим изучением кооперативного движения), образовательный с тремя подотделами (кооперативного образования, внешколь-

---

⁴ Пивоваров Н.Ю. Всесибирские кооперативные съезды в контексте борьбы за государственную власть в России (ноябрь 1917 — сентябрь 1918 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Новосибирск, 2012. Вып. 1. С. 102–103.

ного образования и популярно-пропагандистский), инструкторский и хозяйственно-издательский с двумя подотделами (оптово-розничной торговли и типографский). Правление Совета с отделами располагалось в Москве, но уже в апреле 1917 г. в Петрограде было открыто дополнительное отделение Совета для связи с центральными правительственными и государственными учреждениями.

Октябрьская революция была встречена российскими кооператорами крайне негативно. Лидеры кооперации выразили свое враждебное отношение к взятию большевиками власти, так как, по их мнению, Октябрьский переворот фактически оборвал тонкие нити хозяйственно-экономической жизни страны, привел к небывалому падению экономики и гиперинфляции.

Кооператоры всей России объявили бойкот большевистскому режиму. Под влиянием переворота сибирские кооператоры приняли решение о проведении первого Общесибирского кооперативного съезда 25–29 ноября 1917 г. На съезде были приняты острые политические резолюции. Для проведения их в жизнь представители трех крупнейших объединений Сибири — Закупсбыта, Синкредсоюза и Союза сибирских маслодельных артелей — предложили создать региональный координационный центр сибирской кооперации, назвав его Советом Все-сибирских кооперативных съездов. До утверждения устава Всекосовета съезд избрал из представителей центральных сибирских кооперативных союзов Исполнительное бюро кооперативных съездов (Исполкобюро), возглавил которое член правления Закупсбыта К.И. Морозов. Исполнительное бюро должно было не только координировать деятельность всех видов сибирской кооперации до избрания Всекосовета, но и заниматься антибольшевистской пропагандой, что дало повод исследователю Б.В. Иванову назвать Исполкобюро «штабом всех контрреволюционных сил сибирской кооперации»⁵.

Руководство Исполкобюро обратилось ко всем кооперативным союзам разместить в своих печатных органах резолюцию Всесибирского кооперативного съезда. Члены Исполкобюро приняли активное участие в работе Чрезвычайного Сибирского областного съезда, открывшегося 6 декабря 1917 г. в Томске. Кооператоры единогласно поддержали резолюции областного съезда о создании Временной Сибирской областной думы и Временного Сибирского областного совета.

15 декабря состоялось экстренное заседание Исполкобюро, на котором обсуждался вопрос о возможной национализации Москов-

---

⁵ Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С.177.

ского народного банка и фактической ликвидации финансового центра всей российской кооперации. Участники экстренного заседания Исполкобюро приняли решение о созыве второго Всесибирского кооперативного съезда. Важным мотивом для проведения очередного кооперативного съезда были выборы депутатов от сибирской кооперации в Сибирскую областную думу. Предполагалось, что съезд утвердит устав всесибирских кооперативных съездов и Исполкобюро передаст свои функции Всекосовету. Однако бурное обсуждение на съезде вопроса о свободе торговле привело к тому, что представители потребительской кооперации отказались участвовать в формировании Всекосовета. Как следствие, утверждение устава и выборы во Всекосовет были отложены до очередного всесибирского кооперативного съезда.

Исполкобюро осталось главным координационным центром сибирской кооперации, но в деятельности бюро произошли существенные изменения. К.И. Морозов покинул пост председателя. Вместо него новым председателем Исполкобюро на втором Всесибирском кооперативном съезде был избран член правления Закупсбыта А.В. Сазонов, который предложил включить в руководство бюро еще трех представителей от центральных кооперативных организаций. Съезд утвердил в качестве членов бюро Е.Н. Пославского от Сибирского отделения Московского народного банка, Г.Н. Берсенева от Синкредсоюза и П.Ф. Сергеева от Союза сибирских маслодельных артелей. Позже в число руководителей бюро был кооптирован Г.Н. Шур, представлявший Иркутское отделение Совета Всероссийских кооперативных съездов.

В начале февраля 1918 г. руководство Исполкобюро выпустило обращение «Ко всем кооперативным объединениям», в котором протестовало против ареста двух десятков депутатов и сотрудников аппарата Сибирской областной думы, осуществленного 27 января советскими властями в Томске. В обращении руководство бюро настаивало на усилении политической работы в деревне. «Необходимо приложить все усилия для живейшего распространения через инструкторские отделы и кооперативную печать идеи автономного управления Сибири, чтобы вызвать признание крестьянством факта существования и деятельности областного правительства и получить его поддержку, — говорилось в обращении. — Сибирская кооперации должна неуклонно и деятельно участвовать в строительстве сибирской власти в целях самосохранения»⁶. Исполкобюро призывало сибирские кооперативные союзы активно финансировать

---

⁶ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 260. Л. 45.

противников большевиков.

Центральным вопросом деятельности Исполкобюро была разработка нового устава Всекосовета и подготовка к третьему Всесибирскому кооперативному съезду. В апреле 1918 г. бюро разослало всем сибирским кооперативным союзам циркуляр, в котором объявило, что 25 мая 1918 г. в Новониколаевске должен был состояться третий съезд сибирской кооперации. Центральным в повестке съезда был вопрос об образовании Всекосовета — единственного органа, как думали кооператоры, который бы мог защитить кооперацию от «опытов народных комиссаров» и «противостоять невежественной ломке кооперации»⁷. В планах кооператоров Всекосовет должен был нести «функции защитника и судьбы, объединить культурно-просветительную деятельность, разработать план кооперативного строительства»⁸.

Военно-политические события конца весны — лета 1918 г., связанные со свержением власти большевиков в Сибири, отсрочили дату проведения очередного кооперативного съезда. Руководство Исполкобюро поддержало установление контрреволюционной власти, активно участвовало в формировании и деятельности продовольственного бюро Западной Сибири и Степного края, 16 июня 1918 г. утвержденного по постановлению Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства⁹. В середине июня 1918 г. Исполкобюро переехало из Новониколаевска в Омск. Бюро провело во второй половине июня ряд важных совещаний, в том числе с участием заведующего продовольственным отделом Западно-Сибирского комиссариата Н.С. Зефировым и управляющего делами комиссариата Г.К. Гинса.

Таким образом, Исполкобюро полностью поддержало новую, контрреволюционную власть и выступило с требованием ликвидации всех большевистских организаций и ее декретов на территории Сибири. Но, понимая, что бюро не правомочно решать многие вопросы, руководство Исполкобюро выступило с инициативой созыва третьего Всесибирского кооперативного съезда. 5 августа 1918 г. члены бюро А.В. Сазонов и Г.Н. Шур разослали всем сибирским кооперативным союзам циркуляр, в котором оповестили о созыве съезда 25 августа в Новониколаевске. В циркуляре прямо признавалось: «Все рассуждения об аполитичности кооперации опровергнуты самой жизнью. Создание областной думы, Временного Сибирского правительства и само свер-

---

⁷ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 2.

⁸ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 260. Л. 49 об.

⁹ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 111–113.

жение большевистской властью произошли при деятельном участии кооперации»¹⁰. В повестку дня съезда были включены вопросы об отношении кооперации к политике, об экономических и финансовых перспективах кооперации, а также о создании Всекосовета, который должен был «сгладить шероховатости и разлад, отмечающийся в работе на местах разного вида кооперативов». Правда, чуть позже бюро разослало всем кооперативным союзам телеграмму, в которой оповестило, что съезд переносится на конец августа.

Третий Всесибирский кооперативный съезд принял резолюции по самым разнообразным вопросам деятельности кооперации, но самое главное — делегаты съезда утвердили устав всесибирских кооперативных съездов. Устав был основан на постановлении Временного правительства от 1 августа 1917 г. о съездах представителей кооперативных учреждений¹¹. Он включал в себя 44 пункта, в том числе о целях и правах съездов, органах управления, составе, средствах и возможной ликвидации. Главной целью съездов провозглашались «выявление и обсуждение вопросов, касающихся нужд кооперативных учреждений, для разработки и проведения мер, имеющих их преуспевание, а равно для представительства»¹².

Для достижения поставленной цели съезды имели право представлять интересы как всей сибирской кооперации, так и отдельных кооперативных союзов перед государственными органами и общественными организациями, способствовать объединению культурно-просветительной и инструкторско-ревизионной деятельности кооперации, а также выступать в роли третейского суда при разрешении конфликтов, возникавших в кооперативной среде. Съезды признавались юридическим лицом и могли от своего имени приобретать и закладывать недвижимость, вступать в арендные отношения.

Членами съездов могли быть сибирские кооперативные союзы, низовые потребительские общества, объединявшие не менее 10 тыс. пайщиков, и организации, способствовавшие распространению кооперации. Все члены были обязаны ежегодно вносить взносы — 0,25 % от годового товарооборота или 5,0 % от годовой прибыли¹³.

Высшее руководство осуществлялось очередными и чрезвычайными съездами. Очередные съезды созывались ежегодно, чрезвычайные — по постановлению или требованию десятой части всех членов.

---

¹⁰ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 2.

¹¹ Вестник Временного правительства (Петроград). 1917. 8 сентября.

¹² Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 4.

¹³ Там же. С. 5.

Главным исполнительным органом, ведавшим общим управлением делами, являлся Совет Ссесибирских кооперативных съездов. Его состав, число членов и местонахождение определялись постановлением очередных или чрезвычайных всесибирских кооперативных съездов. В Совет избирались 15 членов и девять кандидатов в члены, которые должны были представлять все виды сибирской кооперации. Члены избирались на два года. По истечению первого года по жребию должна была выбывать половина состава, а в последующие годы — по старшинству избрания.

В обязанности Всекосовета входил широкий круг задач: подготовка и непосредственное организационное участие в работе всесибирских кооперативных съездов, представительство от имени съездов перед государственными органами и общественными организациями, прием членских взносов, покупка и продажа недвижимости, финансирование культурно-просветительных мероприятий, а также «другие обязанности в уставе этом поименованные и из существа одного вытекающие»¹⁴.

Всекосовет собирался в промежутках между съездами на так называемые сессии. Число сессий не было оговорено в уставе. Всего за время своего существования Совет провел четыре сессии: 1–5 октября 1918 г., 11–15 декабря 1918 г., 1–6 апреля 1919 г. в Омске и 19–20 декабря 1919 г. начала работать, а 2–4 января 1920 г. продолжила свою деятельность последняя сессия в Иркутске. Руководил сессиями президиум Всекосовета, состоявший, как минимум, из трех человек. Но уже на первой сессии Всекосовета был утвержден состав президиума. В него вошли А.А. Балакшин (председатель), А.В. Сазонов и Г.Н. Шур¹⁵. По уставу постоянно действующим органом Всекосовета было правление, состоящее из трех человек, выбираемых из членов Совета¹⁶.

Третий Всесибирский кооперативный съезд не только утвердил устав, но и избрал членов Всекосовета. От потребительской кооперации в состав Совета членами были избраны А.В. Сазонов, С.Е. Пузырев, А.С. Гиганов, И.А. Ловцов, Г.П. Сибирцев, А.А. Трутнев, А.С. Емельянов, кандидатами в члены — Н.В. Фомин и Ф.А. Савченко. От кредитной кооперации, в том числе от Московского народного банка, в Совет вошли Ф.Э. Бутенко, А.Д. Дианов. Н.Н. Суслов как члены и Г.Н. Берсенев, К.П. Пружковский, С.В. Шустов, М.В. Лебедев как кандидаты в члены; от маслодельной кооперации — П.Ф. Сергеев, А.А. Балакшин, С.М. Ко-

---

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

¹⁶ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 5.

чергин, Т.В. Говердовский, А.И. Золоторев как члены и Е.А. Бабур и А.Ф. Выставных как кандидаты в члены. Таким образом, от потребительской кооперации во Всекосовет были избраны девять человек, от кредитной и маслодельной — по семь. Наряду с представителями от кооперации членами Совета были избраны от общественных организаций Н.В. Некрасов, Н.Я. Новембергский, Г.Н. Шур и кандидатами в члены — И.К. Черкозьян и А.Г. Станкеев. Всего членами и кандидатами в члены Всекосовета были 28 человек. Председателем Совета был избран А.В. Сазонов.

На Третьем Всесибирском кооперативном съезде также было сформировано правление Всекосовета. Закрытой баллотировкой в него были избраны А.А. Трутнев (председатель), М.В. Лебедев и П.Ф. Сергеев. А.А. Трутнев в силу обстоятельств не смог приступить к исполнению обязанностей и эту должность занял А.В. Сазонов, совместив, таким образом, посты председателя Всекосовета и председателя правления.

Деятельность правления Совета в первые месяцы после его создания была осложнена объективными трудностями, главными из которых послужило отсутствие необходимых материальных средств и служебных помещений. Практически ни один из кооперативных союзов не внес после окончания третьего Всесибирского кооперативного съезда необходимых взносов. Помощь в виде пожертвования Всекосовету оказало только руководство Центросибири. Кроме того, правление Совета столкнулось с проблемами доступности служебного помещения. Просторное конторское помещение в Омске на Атаманской улице в доме № 52, в котором правление проработало около недели, было реквизировано для заседаний Временного Всероссийского правительства¹⁷. Поэтому пришлось снять две небольшие комнатки в том же доме у торгового предприятия «Любимов и К°».

Члены правления совмещали работу во Всекосовете с должностями в других кооперативных структурах. Из трех членов Совета полностью отдавался работе только А.В. Сазонов, который не находил времени на личные дела и в буквальном смысле жил на работе, приезжая периодически к семье в Новониколаевск. Только на второй сессии Всекосовета в декабре 1918 г. по предложению Ф.Э. Бутенко А.В. Сазонову была выделена служебная квартира в Омске¹⁸. Другие члены правления уделяли работе во Всекосовете гораздо меньше внимания. П.Ф. Сергеев с ноября по декабрь 1918 г. находился в Ново-

---

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

николаевске по делам Сибирского союза маслодельных артелей, а М.В. Лебедев большую часть времени проводил в Омском отделении Московского народного банка.

Неудовлетворительный характер работы правления был отмечен участниками второй сессии Всековета в декабре 1918 г. В частности, член правления Уралосибири Ю.И. Эглон предложил поставить вопрос о персональном составе правления как коллегиального органа, которого «в действительности нет»¹⁹. Часть участников сессии даже высказала пожелания о необходимости реорганизации правления и создания принципиально нового руководящего органа. В ответ А.В. Сазонов и М.В. Лебедев заявили об отставке, которая не была принята большинством сессии. А.В. Сазонов, соглашаясь остаться председателем правления Всековета, просил представителей кооперативных организаций «дать слово и свято держать его», что они помогут правлению в работе и освободят от других должностных обязанностей членов Совета. Это предложение было единогласно поддержано всеми членами сессии²⁰.

На второй сессии были внесены поправки в устав всесибирских кооперативных съездов, в результате чего заметно расширился круг обязанностей правления. Если раньше правление было просто постоянно действующим исполнительным органом Совета, то с новыми правками правление объявлялось «представителем Совета съездов во всех его сношениях с правительственными, судебными, общественными и частными учреждениями и лицами», в ведении которого находились все дела съездов «без особой на то доверенности»²¹. В обязанности правления входили хранение сведений о регистрации в окружных судах всех сибирских кооперативов, распоряжение имуществом и денежными суммами Всековета, заключение договоров с казенными ведомствами и управлениями, городскими, земскими и другими общественными и частными организациями или лицами, ведение делопроизводства и отчетности Совета²².

Впрочем, уже на третьей сессии Всековета в апреле 1919 г. вопрос о принципиальных изменениях в органах руководства и управления Совета вновь появился в повестке дня. На сессии было принято решение о создании дополнительной параллельной руководящей структуры — Центрального кооперативного совещания при Всеко-

---

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Там же. 24.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² Там же. Лл. 5 об–6.

вете. Центральное совещание было образовано с целью «достижения кооперативными организациями единства действий как в чисто кооперативных вопросах, так и внешних выступлениях перед правительством и общественными организациями»²³. Совещание созывалось правлением Всекоосовета в промежутках между сессиями и объявлялось «высшим органом кооперативной политики»²⁴. В него с правом решающего голоса входили один член правления Всекоосовета и по одному представителю от Закупсбыта, Союза сибирских маслодельных артелей, Синкредсоюза, Московского народного банка и Центросоюза²⁵. При этом в случае несогласия правления Всекоосовета с постановлениями Центрального совещания спорные вопросы переносились на сессию, где принималось уже окончательное решение²⁶.

При правлении Всекоосовета функционировали отделы. По уставу оно не имело право без согласования с Советом открывать дополнительные структурные подразделения. Однако по ходатайству А.В. Сазонова на первой сессии Всекоосовета в устав всесибирских кооперативных съездов были внесены поправки, предоставившие правлению самостоятельно открывать новые структурные подразделения²⁷. В частности, сессия поручила ему в первую очередь «озаботиться организацией юридического, издательского и статистико-экономического отделов»²⁸. Правлению предоставлялось право приглашать заведующих отделов без стажа «на тех условиях, какие для правления будут приемлемы»²⁹.

Всего с октября 1918 по декабрь 1919 г. при правлении Всекоосовета было создано пять отделов (информационный, культурно-просветительский, литературно-издательский, статистико-экономический и юридический) и два совета (транспортный и экономический). Основная задача отделов заключалась в консультировании сибирских кооперативных союзов. Однако некоторые отделы настаивали на передаче в собственное ведение целых структурных подразделений, принадлежавших тем или иным кооперативным союзам. Так, в 1919 г.

---

²³ Там же. Д. 19. Л. 30.

²⁴ Там же.

²⁵ В августе 1918 г. в Уфе была открыта контора Центросоюза, в ведении которой находились кооперативы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В конце сентября руководство конторы переехало в Омск и переименовало контору в Сибирское отделение Центросоюза.

²⁶ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 19. Л. 30.

²⁷ Там же. Д. 3. Л. 33.

²⁸ Там же. Лл. 24 об-25.

²⁹ Там же. Л. 25.

разгорелся скандал между литературно-издательским отделом Всековета и неторговым отделом Закупсбыта по поводу журнала «Сибирская кооперация». Литературно-издательский отдел настаивал на переходе данного печатного органа в ведение Всековета. Против такой передачи выступало руководство неторгового отдела и правление Закупсбыта, которому принадлежал журнал. Несмотря на решение сессии Всековета в апреле 1919 г., правление Закупсбыта наотрез отказалось осуществить его и пригрозило вывести из состава Всековета всех представителей потребительской кооперации³⁰.

Одним из первых был создан юридический отдел, возглавил который Г.Н. Шур, а помощником его был назначен омский присяжный поверенный Л.Г. Зарицкий. Отдел был создан по постановлению первой сессии Всековета, в которой отмечалось, что главной задачей юридического отдела должна была стать разработка вопроса о налоговом обложении сибирской кооперации³¹. Основными функциями отдела были юридическая консультация и помощь в оформлении договоров.

Юридический отдел взял на себя тяжелую ношу по перерегистрации всех сибирских кооперативных союзов к 20 марта 1919 г. Руководство отдела регулярно рассылало на имя кооперативных союзов полезные циркуляры и инструкции по различным юридическим вопросам. В довольно пространных инструкциях затрагивались вопросы о действующем налоговом обложении в отношении кооперации и, в частности, вопросы о гербовом обложении, об уставах, зарегистрированных большевистскими судами, о судебной практике в жизни кооперативов и многое другое. Руководство отдела подавало на имя министра юстиции, министра финансов и министра торговли и промышленности докладные записки о необходимости продления срока перерегистрации кооперативов до марта 1920 г., о введении льгот для низовых кредитных кооперативов, о скорейшей регистрации устава всесибирских кооперативных съездов.

В феврале 1919 г. благодаря юридическому отделу при Всековете была создана кооперативная арбитражная комиссия для разрешения конфликтов, возникавших в кооперативной среде. Арбитражная комиссия рассматривалась как особая форма «третейского су-

---

³⁰ Там же. Д. 19. Л. 30 об.

³¹ Вопрос о налоговом обложении кооперации бурно обсуждался на страницах кооперативной печати. Дело в том, что в октябре 1918 г. Административный совет Совета министров Временного Сибирского правительства постановил взимать налог с потребительских обществ с годовым оборотом менее 10 тыс. руб. Ранее подобные кооперативы были освобождены от любых налогов.

да»³². В нее вошли 15 человек: Е.В. Астафьев от Агросоюза, А.А. Балакшин и М.Г. Евстафьев от Омского отделения Московского народного банка, А.А. Емелин от Закупсбыта, А.П. Золотарев от «Динарбанка», П.А. Зырянов от Уралосибири, В.А. Колосов от Центросибири, И.М. Котляров от Агросоюза, И.А. Ловцов и И.В. Майоров от Союза сибирских маслодельных артелей, В.Е. Парунин от Центросибири, П.Ф. Сергеев и Н.Н. Суслов от Омского отделения Московского народного банка, Г.Н. Шур и П.И. Эглон³³. Уже спустя полтора месяца после своего создания комиссия провела первое заседание, на котором рассмотрела вопрос о конфликте в правлении Ялуторовского кредитного и ссудо-сберегательного кооперативного союза³⁴.

В мае 1919 г. при юридическом отделе должен был состояться первый Всесибирский юридический кооперативный съезд. На съезде предполагалось рассмотреть вопросы о налоговом обложении кооперации, об уставах кооперативных организаций, об организации юридической помощи населению и другие вопросы. Однако съезд не состоялся из-за транспортных проблем.

Другие структурные подразделения работали не столь успешно и продуктивно как юридический отдел. Так, литературно-издательский отдел, возглавил который В.В. Кирьяков с помощником Л.Г. Савиновой, в целом не справился с возложенными на него обязанностями. Отдел был создан в конце октября 1918 г. До середины 1919 г. он успел только разослать по кооперативным союзам две анкеты: «О постановке печатного дела» и «О литературно-издательской деятельности кооперативных союзов и объединений»³⁵, причем последняя была заимствована у неторгового отдела Закупсбыта и лишь незначительно дополнена. Отдел также занялся обработкой и подготовкой к печати материала трех всесибирских кооперативных съездов и сессий Всекосовета, который, впрочем, так и не вышел в свет. С большим опозданием выходил официальный орган Совета «Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов».

На второй сессии Всекосовета В.В. Кирьяков выступил с обширным докладом о кооперативном издательском деле в Сибири. Обрисовав в общих чертах катастрофическое положение книжного рынка в Сибири, он предложил создать всесибирское кооперативное книжное издательство и центральный книжный склад, объединив, таким обра-

---

³² Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 2–3. С. 4.

³³ Там же.

³⁴ Там же. № 6–7. С. 13–14.

³⁵ Там же. № 1. С. 19.

зом, усилия всех кооперативных союзов. «Русская книга гибнет, — говорил В.В. Кирьяков. — Наше небольшое книжное богатство частью уничтожено, частью расхищено, частью попало в цепкие руки спекуляции. С гибелью книги гибнет и русская культура. Необходимо кооперативное книгоиздательство, но оно должно строиться не по принципу централизации, а по принципу децентрализации — каждая культурно обособленная область должна иметь свой культурный центр и свое книжное дело»³⁶. Участники сессии оценили доклад В.В. Кирьякова и предложили ему разработать более подробно положение об организации Товарищества всесибирского кооперативного издательства³⁷. На третьей сессии Всекосовета В.В. Кирьяков представил свой проект создания сибирского кооперативного издательства. Он предложил положить в основу издательства кооперативно-акционерный принцип, что помогло бы привлечь, «помимо союзных капиталов, также и частные сбережения, накопившиеся у населения во время войны»³⁸. Однако участники сессии на этот раз выступили против принятия доклада, посчитав, что в реальности перспектива организации такого издательства невозможна³⁹.

Основное внимание издательский отдел уделял общественно-политической газете «Заря». И.А. Ловцов на третьей сессии Всекосовета даже критично заявлял: «Отдел не выполняет основные задания — „Вестник всесибирских кооперативных съездов“ выходит с большим опозданием, не изданы еще труды сибирских кооперативных съездов и материалы двух сессий. Причину этого я усматриваю в отвлечении сил издательского отдела к изданию политической газеты „Заря“»⁴⁰.

Вопрос об издании «Зари» впервые подробно рассматривался еще на второй сессии Всекосовета в декабре 1918 г. А.В. Сазонов поднял вопрос о том, что Совету как представителю всей кооперации необходимо иметь свой ежедневный печатный орган. Однако предложение А.В. Сазонова вызвало пространную дискуссию не столько о газете, а по большей части о политике и кооперации. Так, И.А. Ловцов считал, что Всекосовет не может принять в свое ведение «Зарю», так как «Совет не должен брать на себя моральной ответственности за этот орган»⁴¹. Его мнение звучало так: «Газета выражает взгляды известной политической группировки, а в кооперативной работе участ-

---

³⁶ Заря (Омск). 1918. 17 дек.

³⁷ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 20.

³⁸ Там же. № 6–7. С. 15.

³⁹ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 19. Л. 16 об.

⁴⁰ Там же. Л. 16.

⁴¹ Там же. Д. 17. Л. 14 об.

вуют лица разных взглядов, несогласных между собой в политической оценке текущих событий; газета не будет иметь значения ни в глазах промышленников, ни в глазах правительства, и авторитет Совета упадет и среди кооператоров; достаточно издавать „Известия Совета“ и „Сибирскую кооперацию“»⁴².

И.А. Ловцову возражали Ю.И. Эглон и В.Г. Шишканов. Ю.И. Эглон считал, что «за старые грехи газеты никто не может отвечать; проектируемая к изданию Советом газета не будет органом одной какой-либо партии, а будет стоять на государственной точке зрения и защищать интересы кооперации»⁴³. Еще более резко высказался В.Г. Шишканов, заявив, что И.А. Ловцов еще год назад сам выступал за издание газеты, а не ежемесячного журнала. Кроме того, В.Г. Шишканов считал, что «в момент ломки истории преступно не издавать собственную газету, нужно смотреть действительности прямо в глаза и говорить правду»⁴⁴. А.В. Сазонов указал на общее противоречие: «Проповедуя аполитичность кооперации, они (противники издания газеты. — Н.П.) в то же время требуют от представителей Совета творить политику [...]. Молчать нельзя, так как кооперация и так долго молчала, необходимо учиться у промышленников, имеющих свои газеты. Непонятно, почему профессиональным союзам позволительно иметь свой печатный орган, а кооперации нет»⁴⁵.

Высказывались и другие мнения. После продолжительной дискуссии А.В. Сазонов представил платформу будущей газеты, выработанную правлением Всековета. Платформа включала шесть пунктов:

«1. В области политики газета должна занять среднее место: бить налево и направо;

2. Всемерно поддерживать Всероссийское правительство, оставляя за собой право остерегать его от ошибок и указывать на них, если таковые будут;

3. Отстаивать идею народоправства. Учредительное собрание должно быть вновь избранно, когда улягутся политические страсти, когда общество утихомирится;

4. В области экономики — отстаивать интересы и программу кооперации, поддерживать отстаивание экономической независимости России;

5. Торгово-промышленный капитал не должен быть изгоняем с

---

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 15.

⁴⁵ Там же.

рынка, со спекуляцией должна вестись борьба при помощи печати и правительственной власти;

6. Кооперация, как демократическая организация, может иметь постоянный блок только с демократическими учреждениями (земством и городом) и временные блоки с левыми и правыми группами, поскольку они в своей тактике идут навстречу кооперативным интересам»⁴⁶.

По вопросу о газете на голосовании было поставлено две резолюции. Первая, составленная И.А. Ловцовым и членом правления Центросоюза С.Б. Кибриком, предлагала воздержаться от выпуска газеты «Заря», а наладить регулярный выпуск журнала «Известия Всекосовета». Вторая резолюция, составленная А.В. Сазоновым и Ю.И. Эглоном, предлагала выпускать ежедневный печатный орган. Большинство участников сессии поддержали резолюцию Сазонова — Эглона⁴⁷. С февраля 1919 г. газета «Заря» была принята в ведение Всекосовета.

Газета оказалась не убыточной, а даже приносила доходы. Так, с февраля по апрель 1919 г. Совет потратил на издание «Зари» 170 тыс. руб. (примерно треть всех расходов), а доходы от газеты составили 178 тыс. руб. (четверть всех доходов)⁴⁸. В марте 1919 г. правление утвердило схему управления газетой. Распорядителем и издателем «Зари» стал редакционный коллектив, в который входили по одному представителю от Закупсбыта и Синкредсоюза, Союза сибирских маслодельных артелей и правления Всекосовета. В ведении редакционного коллектива находились основные направления, которые должна была освещать газета, «ее политическое, социальное и экономическое credo»⁴⁹. Члены редакционного коллектива имели право просматривать и вносить правки в любые статьи, регулярно следить за выпуском. Кроме того средства на издание газеты выделялись центральными кооперативными организациями поровну.

Схема управления «Зари» была представлена на третьей сессии Всекосовета и вновь вызвала оживленные споры. И.А. Ловцов по-прежнему предлагал отказаться Совету от заведования газетой, так как «издательство „Зари“ ослабляет хозяйственную деятельность Всекосовета [...]. Всекосовету трудно формулировать в газете мысль в духе всей кооперации, и „Заря“ сошла уже с той платформы, которая была намечена раньше: превратилась в чисто политическую газету

---

⁴⁶ Там же. Л. 16.

⁴⁷ Там же. Л. 16 об.

⁴⁸ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 6–7. С. 9.

⁴⁹ Там же. С. 17.

вместо политико-экономической»⁵⁰. На сессии даже прозвучали голоса о том, что «Зарю» необходимо признать банкротом. В ответ А.В. Сазонов в ультимативной форме заявил: «Ясно, что газета должна быть. Есть резолюция второй сессии о необходимости иметь свой орган для защиты демократии и кооперации. Газета не чисто политическая, а политико-экономическая. Кто хочет убедиться — пусть прочитает сегодняшний номер. Мы не банкроты. Два с половиной месяца газета существует, несет важную общественную работу. Если и были некоторые ошибки, неясности в статьях, то в общем работа надежна. С газетой считаются не только здесь, но ей интересуются и представители иностранных держав»⁵¹.

По газете было вынесено три проекта резолюции. В первом, составленном И.А. Ловцовым и Г.Н. Шуром, предлагалось прекратить издание «Зари», ликвидировав издание полностью или передав как-либо общественно-политическим организациям. Во втором проекте резолюции, предложенным Г.П. Сибирцевым, предлагалось не вносить никаких изменений в издание газеты. Наконец, третий проект резолюции, написанный А.В. Сазоновым и принятый большинством участников сессии, предлагал продолжить издание «Зари», но внести изменения в состав редакционного коллектива. Руководителем коллектива должен был являться председатель правления Всековета, который теперь обладал правом veto при публикации любых материалов или статей. В резолюции также предлагалось изменить подзаголовок газеты: вместо «Издается Советом всесибирских кооперативных съездов» на «издается Всекосоветом и Центральными кооперативными организациями»⁵².

Информационный, культурно-просветительский и статистико-экономический отделы Всековета фактически не добились сколь-нибудь значимых результатов. Так, заведующий статистико-экономическим отделом П.П. Маслов отчитываясь на третьей сессии Всековета, заявлял, что «деятельность отдела была парализована отсутствием необходимых сотрудников»⁵³. Отдел успел подготовить лишь обширный доклад товарообмене между Россией и Францией и товарообороте в Сибири. Последний доклад был с неподдельным интересом заслушан участниками третьей сессии Всековета, которые предложили размножить его в виде «разного рода картограмм, диа-

---

⁵⁰ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 29.

⁵² Там же. Л. 32.

⁵³ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 6–7. С. 14.

грамм или в виде особого художественного атласа с пояснительным текстом и информационными данными»⁵⁴. Кроме того, отделом в декабре 1918 — марте 1919 г. были организованы при правлении Всекосовета заседания кооперативного экономического совещания. На заседаниях совещания рассматривались такие вопросы, как железнодорожное строительство, приобретение сельскохозяйственных машин в САСШ, организация кооперативного бюро во Владивостоке для усиления внешнеторговой деятельности, о выяснении убытков кооперации от советской власти; обсуждались также материалы Чрезвычайного государственного экономического совещания.

Всекосовет обладал довольно большим штатом сотрудников. К апрелю 1919 г. его численность достигла 40 человек. Руководящие должности занимали в основном известные общественные деятели. Ключевой фигурой в Совете был, безусловно, его председатель — А.В. Сазонов, в прошлом народник, получивший в свое время в неформально прозвище в революционной среде «дедушка русской революции». На А.В. Сазонове лежали не только представительские функции, но им велась большая работа по всем направлениям деятельности Всекосовета: от организационных вопросов по подготовке к очередной сессии Совета до переговоров с членами правительства.

Почти за год своего существования Всекосовет в ходе четырех сессий обсудил самые разнообразные вопросы.

На первой сессии в октябре 1918 г. были приняты резолюции по следующим вопросам: о текущем политическом моменте и участии кооперации в политике, о кризисе сибирского маслоделия, об организации отделов при Совете и, в частности, о создании литературно-издательского и юридического отделов, об открытии Всесибирского кооперативного страхового товарищества, об участии членов Всекосовета в работе попечительского совета Омского сельскохозяйственного института, в совещании по выработке положения о больничных кассах, об учреждении в Иркутске Института изучения Сибири, об оказании финансовой помощи раненым воинам, об издании трудов трех всесибирских кооперативных съездов.

На второй сессии в декабре 1918 г. были приняты постановления о поправках в устав Всекосовета и расширении прав правления, об издании ежедневной газеты, об открытии арбитражной комиссии при юридическом отделе, об общей экономической политике государства, о протестах против политической резолюции, вынесенной на первой сессии Совета.

---

⁵⁴ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 19. Л. 11 об.

На третьей сессии Всекосовета в апреле 1919 г. были утверждены отчеты структурных подразделений Совета и приняты резолюции о товарообмене между Россией и Францией, о политических выступлениях Всекосовета, о вступлении в Омский блок политических партий и общественных группировок, о кооперативно-издательском товариществе, об участии в попечительском комитете Омского политехнического института, об издании газеты «Заря», о созыве четвертого Всесибирского кооперативного съезда.

Однако в восприятии большинства современников Всекосовет был, пожалуй, главным политическим органом сибирской кооперации. В этом отношении показательной стала первая сессия Всекосовета, где центральным являлся вопрос о политической обстановке. На сессии была заслушана пространная информация о правительственном кризисе в 20-х числах сентября 1918 г. в связи с арестом местными военными властями председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева, министра внутренних дел В.М. Крутовского, министра туземных дел М.Б. Шатилова и члена Сибирской областной думы А.Е. Новоселова, а также о последующем убийстве А.Е. Новоселова и вынужденной отставкой министров, которая была принята Административным советом.

После прослушанной информации кооператоры открыли на сессии прения об отношении кооперации к произошедшим событиям и, в частности, об участии в политической жизни. Дискуссию начал И.А. Ловцов, заявив, что кооперация не должна непосредственно участвовать в политической деятельности, так как «является организацией классовой и объединяет самые разнообразные политическая течения»⁵⁵. Г.Н. Берсенев возражал, сказав, что кооперация всегда участвовала в политике и реагировала на политические события; исключением стал лишь третий Всесибирский кооперативный съезд, на котором было принято решение не обсуждать вопросы общественно-политической жизни.

В.В. Куликов настаивал на том, что прежде чем обсуждать политический кризис, необходимо дать анализ текущим событиям. Он довольно прозорливо подметил: «При установлении политического прогноза надо исходить из признания перелома: начинается реставрация, реакция. Весь вопрос — на чем мы остановимся в этом движении вправо. После Директории надо ожидать диктатора; мы неизбежно стоим перед железной рукой с беспощадной властью, и наша задача заключается в том, чтобы эта рука была своя, демократическая.

---

⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 6.

Если монархия — то конституционная, дающая надежду на возрождение. Мы должны призвать народ к величайшему аскетизму, чтобы грядущая власть была наша, чтобы Вашингтон потом сдал свои права парламенту»⁵⁶.

Подводя промежуточные итоги дискуссии, А.В. Сазонов выдвинул три положения об участии кооперации в политике. Первое — кооперация аполитична; второе — кооперация является политической силой лишь для защиты своих экономических прав; третье — не принимать никаких общих решений, а высказаться лишь по вопросу о правительственном кризисе. Большинство участников сессии поддержали третье предложение и высказались в целом об отношении кооперации в Временному Сибирскому правительству и Сибирской областной думе.

Участники сессии были довольно критично настроены к думе. Вот что говорил, например, Ф.А. Савченко: «Кооперативные круги уже давно пришли к тому убеждению, что данная дума ни в коем случае не может являться законодательным органом»⁵⁷. А.В. Сазонов поддержал Ф.А. Савченко, заявив: «Что такое сейчас дума? Она не пополнена, не имеет кворума. Своими решениями эта кучка людей подрывает и роняет идею народовластия. Выход — так как думы нет (надо заявить, что думы действительно нет) — надо выбрать новую думу»⁵⁸. Более решительно против думы выступили Г.Н. Берсенева и Ю.И. Эглон, высказав точку зрения о том, что Сибирская областная дума пыталась взорвать правительство и натравить на него чехословацких легионеров. Они обвиняли думу в государственном преступлении и выступили за ее немедленный роспуск.

А.А. Емелин, И.А. Ловцов, С.Е. Пузырев и А.В. Сазонов считали, что вместе с роспуском думы необходимо распустить и правительство. Ф.А. Савченко и С.Е. Пузырев полагали, что в кратчайшие сроки должна быть избрана новая, легитимная дума, которая должна являться оплотом демократии. Тот же С.Е. Пузырев заявлял: «Для решения вопроса, возникшего из факта разрыва правительства с думой, некоторые предлагают такой исход: думу разогнать, а власть передать правительству. Даже В.В. Куликов говорил, что демократии надо вручить власть своему Гарибальди, который, водворив в Сибири порядок, передал бы власть парламенту. Ну, а где же уверенность, что ваш Гарибальди не окажется завтра Наполеоном и не напялит на себя короны.

---

⁵⁶ Там же. Л. 6 об.

⁵⁷ Там же. Л. 7 об.

⁵⁸ Там же. Л. 9.

Не лучше ли вручая власть Директории, создать такой орган, который бы стоял на страже интересов демократии. Чем лучше единоличная власть или власть Директории власти парламента [?]]»⁵⁹.

Решительно против таких мнений выступал В.В. Куликов. «Чего требует момент? — спрашивал он. — Железной власти. Но вы со своей политикой нерешительности дождетесь власти глухой монархической реакции. Ведь было бы счастье, если бы был Вашингтон. [...] Вы должны создать твердую власть, исходя из принципа: интересы народа. Вот единственный принцип, на котором должна быть создана власть. Пусть Сибоблдума — это представительство мертвых душ, пусть мандатчики сдадут свою власть деловым людям, которые, может быть, страшными методами, поведут нас за собой. Где гарантия, что эти железные люди не натянут на себя шапки Мономаха? Вера! Если бы у нас было хоть бы горчичное зерно этой веры. Посмотрите на большевиков — у них есть вера, и они двигают горами»⁶⁰.

После таких хлестких и жестких речей В.В. Куликова И.А. Ловцов, С.Е. Пузырев и А.С. Гиганов объявили о том, что они против участия кооперации в политике и придерживаются тактики аполитизма. В частности, И.А. Ловцов настаивал на том, чтобы у кооперации не было никакого союза или контакта ни с одной политической партией, кооператоры не должны участвовать ни в одном государственном перевороте. Но при этом кооперация обязана сохранить за собой право вступать в деловые отношения с государственными органами и даже критиковать действия правительства⁶¹.

В итоге на голосование было выдвинуто два проекта резолюции об отношении сибирской кооперации к политическому кризису. Первая проект резолюции, внесенный И.А. Ловцовым и С.Е. Пузыревым, предлагал прекратить вражду между Сибирской областной думой и Временным Сибирским правительством. «Во имя утверждения государственности в Сибири и во всей России, — призывали И.А. Ловцов и С.Е. Пузырев, — на основах истинного народовластия, во имя всех благ трудовых масс многострадальной России сибирская кооперация, объединяющая миллионные трудовые массы, считает необходимым призвать борющиеся силы за власть — Сибирскую областную думу и Сибирское Временное правительство — к прекращению гражданской войны и воссоединению друг с другом для дальнейшей работы по воссозданию России и укреплению в Сибири и во всей России истин-

---

⁵⁹ Там же. Л. 9 об.

⁶⁰ Там же. Л. 10 об.

⁶¹ Там же. Л. 17–19.

ного народовластия»⁶². Дума должна была сохраниться в прежнем составе, но ограничена законодательно лишь подготовкой Всесибирского Учредительного собрания.

Во втором проекте резолюции, предложенном А.В. Сазоновым, утверждалось, что примирение между Сибирской областной думой и правительством невозможно и предлагалось Временному Всероссийскому правительству распустить думу. Директории предлагалось из трех оставшихся полномочных министров (г. г. Вологодского, Михайлова и Серебренникова) организовать Административный совет, наделить его всей полнотой прав, принадлежащих Совету министров в пределах компетенции автономной сибирской власти⁶³.

Второй проект резолюции был поддержан абсолютным большинством членов Всековета. За нее проголосовали девять из 12 участников сессии. Конкретно резолюцию поддержали Е.Я. Бабур, А.А. Балакшин, Г.Н. Берсенева, Ф.Э. Бутенко, С.М. Кочергин, М.В. Лебедев, А.В. Сазонов, Н.Н. Суслов и Г.Н. Шур. Против проголосовали А.С. Гиганов, И.А. Ловцов и С.Е. Пузырев. На сессии было принято решение отправить делегацию Всековета во главе с А.В. Сазоновым на встречу с заместителем председателя Временного Всероссийского правительства А.А. Аргуновым.

В ходе встречи состоявшейся встречи А.А. Аргунов одобрил принятую резолюцию и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество кооперации с правительством. Наряду с этим он сказал, что министерский кризис может быть разрешен только отставкой трех министров, являвшихся, по выражению А.А. Аргунова, «одиозными лицами». Названы были И.А. Михайлов, В.М. Крутовский и М.Б. Шатилов. По его мнению, И.А. Михайлов был «человеком неделовым, политиканом»⁶⁴. На это представители делегации постарались заверить А.А. Аргунова в обратном, приводя в пример слова товарища министра финансов А.А. Скороходова, который выражался следующим образом: «Представьте себе воз, застрявший в грязи; это — правительство. В него запряжены только один битюг, который и двигает воз; это — Михайлов»⁶⁵.

Неожиданно против уже принятой резолюции выступил прибывший на сессию Н.В. Фомин. В своем специальном заявлении он утверждал, что «резолюция Совета по своему существу оправдывает и узаконяет лозунги, сплотившие вокруг себя реакционно-реставра-

---

⁶² Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 10.

⁶³ Там же. С. 9.

⁶⁴ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

⁶⁵ Там же.

ционные силы, и в этом смысле укрепляет торжествующую в Сибири реакцию»⁶⁶. Будучи членом правления Закупсбыта, Н.В. Фомин распространил свое сообщение по всем кооперативным союзам в виде специального циркуляра, чем вызвал настоящий скандал.

Так, правление Центросибири выразило полную поддержку Всекосовету, заявив, что «кооперация должна поддерживать власть, осущестляющую национальную задачу, власть, ведущую Россию к порядку, к спокойствию, к свободе»⁶⁷. Но абсолютное большинство пайщиков Закупсбыта поддержали протест Н.В. Фомина против резолюции Всекосовета. Часть руководителей кооперативных союзов заявили о том, что необходимо принять резолюцию, в которой осудить бы деятельность Административного совета и лично министра финансов И.А. Михайлова. Большинство заявило, что кооперация не должна участвовать в политической жизни, а обязана сохранять принцип нейтралитета и аполитизма.

На первой сессии также обсуждался вопрос об участии кооперации в общественно-политической жизни. На голосование по данному вопросу было выдвинуто два проекта резолюции. Первый, составленный И.А. Ловцовым, предлагал основывать взаимоотношения между кооперацией и государством на основе дружественного или враждебного нейтралитета. И.А. Ловцов призывал: «В целях осуществления своей независимости от государства с целью выявления своего аполитизма в смысле проведения в государстве партийных идеалов и с целью своего влияния на государство в смысле привлечения со стороны последнего содействия осуществлению задач кооперации, последняя, отказываясь от непосредственного участия в политической жизни страны в законодательных органах и в органах исполнительной власти с правом решающего голоса, свое участие в политической жизни страны выявляет лишь в форме декларирования своего отношения к данному политическому строю и к отдельным политическим действиям власти в государстве, оценивая их с точки зрения благоприятствования или неблагоприятствования задачам и целям кооперации»⁶⁸. Второй проект резолюции, предложенный В.В. Куликовым, напротив, призывала кооперацию активно участвовать в современной политической жизни⁶⁹.

---

⁶⁶ Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923). / Отв. ред. и сост. А. А. Николаев. Новосибирск, 1999. С 141.

⁶⁷ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 315. Л. 10.

⁶⁸ ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

⁶⁹ Там же. Л. 37 об.

Оба проекта резолюции вызвали бурные обсуждения. Н.В. Фомин считал, что отношения между кооперацией и государственной властью должны строиться на началах демократичности и народовластия. Он возражал В.В. Куликову, заявляя, что кооперация не должна решать частные вопросы, связанные с политическим кризисом. В.В. Куликов парировал на это: «Если похоронили дело революции и кооперация только лишь факельщик у ее гроба — если рассматривать вопрос с этой точки зрения, то лучше его оставить совсем; но мы исходим из другой позиции и желаем противостоять похоронной позиции, которую заняли сторонники аполитизма, то мы должны прямо ответить на поставленный вопрос. Сейчас история больше, чем когда-либо, нуждается в живых, действующих организациях. [...] Здесь некоторые забраковали мою резолюцию. Но что в ней говорится? Кто из вас не согласен с ее первой частью? Никто. „К делу спасения и возрождения России обязаны быть призваны все живые и организационные силы народа“. Кто от этого отказывается? Дезертир. Быдло. Тот, кто спокойно сложит свои руки»⁷⁰.

В итоге большинство участников сессии утвердили резолюцию В.В. Куликова с правками А.С. Емельянова в следующем виде: «Признавая в принципе, что в условиях государственной жизни кооперация должна воздержаться от активной политической деятельности, Совет считает, что в переживаемый момент, когда перед всеми живыми силами страны нашей стоят вопросы борьбы за возрождение государства и создание демократической власти, кооперация не может отказаться от вмешательства в политическую жизнь страны; имея это в виду, Совет Всесибирских кооперативных съездов предлагает своему правлению поддерживать политические выступления, направленные на возрождение России и утверждение власти, стоящей на позициях народоправства»⁷¹.

Вопрос о «политических» резолюциях Всекосовета рассматривался и на второй сессии. В частности, А.В. Сазонов сообщил, что от некоторых кооперативных союзов поступили протесты против принятой резолюции. Однако члены сессии, сославшись на занятость, перенесли обсуждение вопроса на следующую сессию⁷². На третьей сессии обсуждение политического вопроса прошло в закрытом для посторонних режиме. Однако на этом заседании было подтверждено,

---

⁷⁰ Там же. Л. 38 об.

⁷¹ Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 1. С. 12–13.

⁷² ИАОО. Ф-2105. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.

что кооперация и, в частности, Совет должны активно участвовать в политической жизни страны. В результате было принято решение о вступлении в Омский блок политических партий и общественных группировок. Последнее решение вызвало резко негативную реакцию в кооперативной среде. Енисейский и Минусинский кооперативные союзы заявили о прекращении выплаты членских взносов во Всекосовет⁷³. О прекращении финансирования газеты «Заря» объявило правление Закупсбыта⁷⁴.

Правление Всекосовета предполагало разрешить все возникшие недоразумения, созвав четвертый Всесибирский кооперативный съезд в июне 1919 г. Однако из-за транспортных проблем съезд было решено перенести на осень того же года. Но уже в конце октября 1919 г. по причине наступления Красной армии правление Совета эвакуировалось из Омска в Иркутск. Здесь 19 декабря открылась четвертая чрезвычайная сессия Всекосовета. В первый день работы сессии А.В. Сазонов, А.А. Балакшин и другие делегаты сессии посетили заместителя председателя Российского правительства А.А. Червен-Водали для выяснения политической обстановки. Кооператоры еще надеялись заручиться поддержкой и проявить себя при правительстве Колчака. Однако довольно жесткий разговор, состоявшийся с А.А. Червен-Водали, привел к тому, что А.В. Сазонов от лица Всекосовета заявил о прекращении сотрудничества с Российским правительством.

Работа сессии была прервана началом антиколчаковского восстания в Иркутской губернии. 2 января 1920 г. на станции Иркутск при содействии дипломатических представителей интервентов начались переговоры о передаче власти Советом министров Российского правительства Политическому центру. В этот же день А.В. Сазонов опубликовал открытое письмо, в котором призывал А.В. Колчака передать власть народу⁷⁵. Письмо было единогласно одобрено всеми членами Всекосовета. Очевидным финалом стало заявление А.В. Сазонова 4 января 1920 г. о самороспуске Всекосовета и передаче его полномочий Иркутскому совету кооперативных съездов⁷⁶.

---

⁷³ Народное дело (Красноярск). 1919. № 6. С. 2–3.

⁷⁴ Известия и труды Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт). 1919. № 5. С. 13.

⁷⁵ Пивоваров Н.Ю. «За Вами не осталось ничего политически честного». Открытое письмо А.В. Сазонова правительству адмирала Колчака. 1920 г. // Исторический архив. М., 2010. № 4. С. 202–207.

⁷⁶ Рынков В.М. Между политикой и экономикой: Иркутский кооперативный центр в 1918 — начале 1920 г. // Иркутский историко-экономический ежегодник-2009. Иркутск, 2009. С. 211–212.

Совет Всесибирских кооперативных съездов стал первым исполнительным органом всей сибирской кооперации в годы гражданской войны. Главной своей задачей он ставил аккумуляцию интересов всех кооперативных союзов по различным экономическим и общественно-политическим вопросам. Всекосовет имел разветвленную структуру, которая помогала решать поставленные задачи. Однако уже первая сессия Всекосовета наиболее ярко продемонстрировала, что достичь единства в кооперативной среде невозможно. Обсуждение кооператорами правительственного кризиса, случившегося в сентябре 1918 г., выявило, что в Совете сформировалась группа кооператоров во главе с А.В. Сазоновым, которая поддерживала государственную точку зрения, а некоторые из них (как, например, В.В. Куликов) выступали за установление диктатуры. Но обвинять их в резком повороте вправо, как делало это большинство сибирских кооператоров, неверно. Для них диктатура и даже реставрация монархии были лишь одним из средств для победы над большевиками в братоубийственной гражданской войне. Поддерживая Российское правительство адмирала А.В. Колчака, эта группа кооператоров выступала за социалистические лозунги и ставила своей целью, в конечном счете, построение демократического государства, основанного на принципах народовластия. Однако им активно противостояла другая группа кооператоров во главе с И.А. Ловцовым, выступавшая за самоустранение кооперации с политической арены. По их мнению, кооперация должна была заниматься только хозяйственными вопросами и относиться к государственной власти с дружественным или враждебным нейтралитетом. Репрессии в отношении кооперативных структур и сотрудников заставили большинство сибирской кооперации поддерживать именно вторую группу и заявить о своей аполитичности. По сути, уже к середине 1919 г. Всекосовет оказался инородным предметом в теле сибирской кооперации. Большинство его решений не учитывало реалии хозяйственной жизни многообразных низовых кооперативов и кооперативных союзов. В восприятии большинства кооператоров Всекосовет занимался лишь политическим интриганством и прожектерством в Омске и совершенно не считался с мнением абсолютного большинства голосов с мест. Финал Совета оказался во многом предсказуемым. Увлечшись политическими играми и загнав тем самым себя в угол, Всекосовет ушел со сцены почти одновременно с колчаковским правительством, навсегда забытый всем кооперативным миром в снегах Иркутска.

В.В. Журавлев

**ВОЖДИЗМ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ОПЫТ АНАЛИЗА ПРИВЕТСТВЕННЫХ ПОСЛАНИЙ А.В. КОЛЧАКУ**

Гражданская война в России была не только столкновением воинских формирований, государственных аппаратов, партийно-политических структур, социальных и национальных групп. С неизбежностью она имела свое выражение и в идеологической плоскости, представляя собой политический аспект предельного по своей остроте культурного конфликта. Более того, именно культурные трансформации этого периода оказались весьма живучими, на протяжении длительного времени воздействуя на последующий исторический процесс.

При этом, культурные и идеологические уровни гражданской войны исследованы неравномерно. Идеологические процессы в лагере революции, возглавляемом большевистской партией, идеократической по своей природе, были в числе актуальных как для советской¹, так и для постсоветской историографии². В наименованиях ряда работ, посвященных контрреволюционному лагерю, также содержится термин «идеология»³.

---

¹ *Русакова Е.М.* Идеологическая работа Коммунистической партии в деревне в 1919–1920 гг. Минск, 1969; *Щербак В.М.* Большевистская агитация и пропаганда (окт. 1917 — март 1919 гг.). М. 1969; *Шилко К.П.* Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти: октябрь 1917 — март 1919 г. Минск, 1975.

² *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Соцреалистический канон. Сб. / Под. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко.* СПб., 2000; *Колоницкий Б.И.* Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. 2-е изд., доп. СПб., 2012.

³ *Романишина В.Н.* Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России, 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003; *Бучко Н.П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009; см. также историографические работы: *Бордю-*

Однако несмотря на то, что в постсоветской историографии внимание исследователей гражданской войны перераспределилось существенным образом, оценка П. Кенеза о том, что «историки объяснили мысли и мотивы белых намного меньше, чем умонастроения красных»⁴, по-прежнему сохраняет свою справедливость. Идеологические процессы в контрреволюционном движении и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, трудно назвать изученными сколько-нибудь целостно и глубоко. Это, конечно, не случайно. Идеологии Российской коммунистической партии (большевиков), организации с непрерывной семидесятилетней теоретической и двадцатилетней организационной традицией, противостояла идеология движения, оформлявшегося в течение считанных месяцев в условиях оппозиции, затем подполья и непрерывных боевых действий, движения, которое крайне сложно осознавало свои внешние границы и внутреннее содержание.

Все это, однако, не означает, что российская контрреволюция, как иногда утврждают, вообще не имела никакой «единой идеологии»⁵ и являлась чистым действием, «активизмом», социальной силой, построенной на абсолютном приоритете «дела» над «словом», более того, этого «слова» не имевшей в принципе⁶. Идеология — это не только оформленный и распространяемый из единого центра корпус теоретических текстов, партийных программ, разработок политических мыслителей. Одновременно идеология — это язык, формируемый как сверху вниз, так и снизу вверх, это мыслительный каркас, постоянно и расшатываемый, и достраиваемый самими его носителями⁷, это совокупность значений образов власти «в языках разных

гов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998; Салов О.А. Идеологические основания, политические программы южнороссийского Белого движения и их практическая реализация (ноябрь 1917–1920 гг.). Историографическое исследование. Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

⁴ Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. P. 58. (Росс. публ.: Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105).

⁵ Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996. С. 16.

⁶ Робинсон П. Невольники чести: мужественность на поле боя в начале XX века // О мужественности/женственности. Сб. статей / Сост. С.А. Ушакин. М.: НЛО, 2002.

⁷ Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2003. С. 26–29.

культур и субкультур»⁸. Для изучения «непроявленных», неоформленных и таким образом «скрытых» идеологических процессов необходимо обращаться к новым, нетрадиционным источникам.

* * *

Как современниками, так и историками неоднократно отмечалось особое значение фигур «вождей» в белом движении. Констатация «вождизма» и как принципа политической организации, и как важнейшего компонента идеологии контрреволюционного лагеря давно стала общим местом. В полной мере это можно отнести и к режиму, возглавлявшемуся Верховным правителем и Верховным главнокомандующим адмиралом А.В. Колчаком.

Одним из характерных и достаточно массовых феноменов, порожденных «вождизмом», отражавших идеологическую практику лагеря контрреволюции, являлись приветственные послания в адрес главы режима и ответы на них. Однако до сих пор исследователи явно в недостаточной степени уделяли им внимание. Во всем объеме научной литературы по истории гражданской войны и контрреволюционного движения на востоке России имеются лишь считанные примеры публикаций этого вида источников и полностью отсутствуют посвященные данному феномену специальные исследовательские работы.

В изданном в Париже осенью 1919 г. пропагандистском антиколчаковском сборнике документов, подготовленном бывшим членом Временного Всероссийского правительства В.М. Зензиновым, имелся специальный раздел «Приветствия адмиралу Колчаку». Этот раздел включает три документа, лишь два из которых имеют отношение к приветствиям: газетная информация «Приветствия Верховному правителю» от 20 ноября 1918 г. и приветственная телеграмма от Совета съездов судовладельцев Западной Сибири. Третий документ — собственно, не приветствие, а циркулярное письмо Всероссийского совета съездов торговли и промышленности местным торгово-промышленным организациям с изложением его позиции по отношению к произошедшему перевороту⁹. С.П. Мельгунов так реконструировал мотивы публикации этих документов: «Зензинов, помещая эти случайные приветствия, как бы хочет подчеркнуть их мизерность количественно и односторонность качественную»¹⁰.

---

⁸ Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: Образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 16.

⁹ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сб. документов / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 77–79.

¹⁰ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны

В документальном приложении к изданной в 1926 г. «Хронике гражданской войны в Сибири» советских историков В.В. Максакова и А.Н. Турунова были опубликованы тексты четырех приветственных телеграмм (от Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, от председателя Новониколаевского биржевого комитета, от Уральского общества «Возрождение России» и от Омской группы Всероссийского национального союза) под общим заголовком «Приветственные телеграммы торгово-промышленников адмиралу Колчаку»¹¹. Тенденциозность отбора документов налицо и в этом случае: как и В.М. Зензинов, публикаторы хотели подчеркнуть исключительно узкий и однородный классовый фундамент колчаковского режима, в соответствии с концепцией буржуазной диктатуры.

В 2008 г. в выпуске альманаха «Белая гвардия», посвященном взаимосвязям Православной церкви и белого движения, В.Ж. Цветков опубликовал два приветственных послания (от Златоустовского уездного съезда приходских деятелей и от Временного высшего церковного управления) и два ответа Верховного правителя (Омскому епархиальному братству ревнителей православия, русской народности и христианской благотворительности и председателю Златоустовского уездного съезда приходских деятелей)¹².

Также единичные тексты приветственных посланий, почерпнутые из газет или из публикаций В.М. Зензинова, В.В. Максакова и А.Н. Турунова, использовались исследователями, например, в работах В.Ф. Владимировой, С.П. Мельгунова, Н.Г. Думовой и В.Г. Трухановского, К.А. Богданова, В.Г. Краснова, Ю.Н. Ципкина, П.Н. Зырянова и в ряде др.¹³ Во всех этих случаях приветственные послания привлекались только с одной, самой очевидной целью — в качестве доказательства поддержки колчаковского режима той или иной социальной силой.

на Волге, Урале и в Сибири. Кн. 1. М., 2004. С. 518. (1-е изд. — Белград, 1930).

¹¹ *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.; Л., 1926. С. 267–268.

¹² Церковь и руководители белого движения / Под ред. В.Ж. Цветкова // *Белая гвардия*. 2008. № 10. С. 64–65.

¹³ *Владимирова В.Ф.* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927. С. 370–371; *Мельгунов С.П.* Трагедия... Кн. 1. С. 518–519; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989. С. 90; *Богданов К.А.* Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 178; *Краснов В.Г.* Колчак: и жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. М., 2000. С. 35; *Ципкин Ю.Н.* Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2003. С. 175; *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак. М., 2006. С. 420.

Лишь в 2012 г. корпус приветственных посланий А.В. Колчаку как целостный источниковый комплекс был опубликован в тематическом сборнике документов¹⁴. Это позволяет рассмотреть всю совокупность данных текстов как единый салютативный метатекст, со своей структурой, функциями и закономерностями.

* * *

За временной отрезок, начиная с 18 ноября 1918 г., когда после государственного переворота адмирал А.В. Колчак, получивший «всю полноту верховной государственной власти», услышал в свой адрес первые слова поддержки, и заканчивая 29 ноября 1919 г., когда эвакуированный в Иркутск «Правительственный вестник» опубликовал последнее из известных приветствий Верховному правителю, выявлено 653 приветственных послания (телеграммы, письма, адреса, а также отправленные в качестве приветствий постановления, журналы и протоколы различных собраний), полученных адмиралом в период возглавления им антибольшевистского движения. Верховный правитель, лично или посредством своего аппарата, отправил 330 ответов на эти приветствия. Таким образом, А.В. Колчак отзывался примерно на каждое второе приветствие.

Приветственные послания и ответы на них публиковались в прессе — как в местной, так и центральной, прежде всего, в официальных газетах «Правительственный вестник» и «Русская армия». На протяжении долгих месяцев, практически из номера в номер, эти два издания публиковали тексты приветственных телеграмм и ответов на них. В «Правительственном вестнике» публикации под стандартным заголовком «Приветствия Верховному правителю» составляли важную часть постоянной рубрики «Омская хроника». Всего выявлено 672 публикации салютативной переписки в 16 газетах востока России.

Географическое распределение данных документов широко: это территории части Поволжья, Урала, Степного края и Семиречья, Западной и Восточной Сибири и большей части Дальнего Востока, непосредственно контролировавшиеся Российским правительством в Омске, это территории двух других крупнейших регионов контрреволюционного лагеря — Юга России и Северной области, где власть Верховного правителя носила скорее номинальный характер, это окружающий мир — как уже формирующаяся русская эмиграция (Мань-

---

¹⁴ Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г. Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб., 2012. 560 с. Далее при ссылке на это издание будет указываться только номер цитируемого документа.

чжурия, Пекин, Шанхай, Токио, Северо-Американские Соединенные Штаты, Европа — Париж, Лондон, Женева, Стокгольм и др.), так и собственно зарубежные государства — Великобритания, Франция, Чехословакия, Сербия, Китай, Япония, Соединенные Штаты.

Среди адресантов приветственных посланий относительную немного частных лиц: приветствовали Верховного правителя в абсолютном большинстве случаев от имени и по поручению коллективных субъектов — организаций, частей, учреждений, собраний, сообществ.

В количественном отношении среди данных коллективов преобладают адресанты двух типов — органы местного самоуправления, городского и земского, и воинские части и подразделения (как фронтовые, так и тыловые, а также военно-учебные заведения). Другие группы адресантов разнообразны. Во-первых, это государственные учреждения (центральные и местные органы государственной власти, милицейские органы и подразделения, структуры различных ведомств — почт и телеграфов, снабжения и продовольствия, финансов, юстиции, а также суды, следственные комиссии, структуры государственного контроля). Во-вторых, — организации политических партий и объединений, общественные организации и форумы, религиозные общины и собрания (православные, старообрядческие, католические, мусульманские, буддийские), национальные объединения. В-третьих, — научные и научно-технические организации, учебные заведения, медицинские учреждения, средства массовой информации, театры. К четвертой группе можно отнести классовые и профессиональные организации (промышленные и транспортные, коммерческие, земельных собственников, крестьянские, казачьи, рабочих и служащих). Особое место занимали имевшие большое политическое значение приветствия внешних по отношению к колчаковскому режиму адресантов: антибольшевистских правительств и вооруженных сил на юге, севере и северо-западе России, российских дипломатических представительств за рубежом, русской эмиграции, а также государственных органов зарубежных стран, их дипломатических и военных представительств, командования союзных воинских формирований, зарубежных общественных организаций.

* * *

Какова же содержательная идеологическая структура этого весьма объемного и репрезентативного источникового комплекса?

Государственный переворот 18 ноября 1918 г., приведший А.В. Колчака к власти, носил военный характер; именно лозунг милитаризации власти послужил его идейной основой. В своем первом обращении

нии к армии А.В. Колчак провозглашал: «Передав мне верховную власть, правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия, может явиться спасением»¹⁵.

Вооруженные силы в полной мере откликнулись на обращенный к ним призыв. Большинство приветствий, полученных Верховным правителем в первые дни новой власти — именно военного происхождения. В достаточно характерной для этого ряда телеграмме начальника 6-й Казанской стрелковой дивизии полковника А.П. Степанова сказано: «Офицеры и солдаты отдельной дивизии особого назначения полковника Степанова узнали радостную весть о том, что власть перешла в руки Вашего Высокопревосходительства. Дивизия знает, какую тяжелою ценою, какими страданиями и каким путем позора Россия прошла последние часы своего исторического пути. Теперь есть власть! У штурвала стоит человек, которому дорога Россия. Мы — просим верить, что железные ряды нашей дивизии, облившие благородною кровью Услон и поля Казани, сметут, как пыль, с лица земли всех, кто станет против власти. Да здравствует Россия! Да здравствует адмирал Колчак!» (№13).

В данном приветствии может быть выделена следующая структура:

- (1) положительно окрашенная констатация факта перехода власти в руки Колчака;
- (2) резко негативная оценка предшествующего отрезка времени, без упоминания конкретной власти;
- (3) указание на благие изменения;
- (4) торжественная комплиментарная автохарактеристика: напоминание о прежних заслугах;
- (5) обещание помощи Верховному правителю: угроза врагам новой власти;
- (6) благопожелание: здравица России;
- (7) благопожелание: здравица Колчаку.

В данном тексте обращают на себя внимание, прежде всего, противоречие первого и третьего тезисов: «власть перешла» или она только «теперь есть»? На самом деле, это противоречие не случайно. Таким образом автор послания проявляет одну из ключевых идеологем белого движения — восприятие противников не в качестве враждебной власти, а в качестве ее полного отсутствия, как анархию. Про-

¹⁵ Приказ по армии Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 46 от 23 ноября 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 27 ноября.

исходит противопоставление предшествовавшей власти (Директории) как существовавшей лишь формально и новой власти как наделенной полноценным политическим бытием. Характерно, что антигероем послания выступают скорее эсеры («все, кто встанут против власти»), чем неупомянутые прямо большевики. Наконец, формульно одинаковые здравницы отождествляют, ставят знак равенства между страной и вождем.

Схожую структуру имели приветствия первого времени, исходившие и от других, гражданских адресантов.

Например, текст приветствия от Чрезвычайного собрания торгово-промышленного класса г. Омска от 3 декабря 1918 г. (№101): «В сознании ответственности перед Родиной Чрезвычайное собрание торгово-промышленного класса г. Омска счастливо засвидетельствовать перед Вашим Высокопревосходительством, что раскрепощение торговли даст возможность каждому приложить свои знания и опыт в деле возрождения экономической мощи России и, прежде всего, в неотложном деле снабжения армии всем необходимым. Избранное Заготовительное бюро уже действует, и общее собрание твердо верит, что армия под Вашим водительством будет сыта и одета. Да благословит Господь Бог Ваши начинания».

Его структура может быть описана следующим образом:

- (1) обоснование морального права на составление документа;
- (2) указание на благие изменения;
- (3) комплиментарная автохарактеристика;
- (4) обещание помощи;
- (5) благопожелание: призывание благословения.

Те же элементы структуры встречаются в подавляющем большинстве приветствий, что позволяет говорить о существовании своего рода «условного формуляра» приветственного послания.

* * *

Впрочем вскоре проявился и еще один, встречающийся не так часто, но очень важный элемент приветствия: провозглашение определенных политических принципов в попытке оказать влияние на действия государственной власти в настоящий момент или в будущем.

Реализовывалось это несколькими способами. Иногда — через прямое провозглашение в составе приветствия собственной политической программы. Например, председатель бюро Благовещенского блока несоциалистических организаций подробно информировал

Верховного правителя о принятой им политической платформе из четырех пунктов и шести подпунктов (№604).

Чаще подобные тезисы предварялись формулировками «надеемся», «верим», «уверены».

Так, Беликульское волостное земство (Шадринский уезд Пермской губернии) 10 декабря 1918 г. писало: «надеемся, что он, Александр Васильевич, своей могучей волей спасет нашу матушку родину от всякого развала и на камнях развалин укрепит могучее Российское Государство, которое и доведет до желанного Учредительного собрания нового состава, избранного всеми равным и тайным голосованием, но лишь без участия партий большевиков и левых эсеров» (№142).

Кушвинское волостное земское собрание (Верхотурский уезд Пермской губернии), обращаясь к Верховному правителю в феврале 1919 г., настойчиво выражало пожелание: «Надеемся, что Вы не допустите соглашательства с представителями большевиков не только на Принцевых островах, но вообще, в деле воссоздания единой России» (№331).

Ирбитское уездное земское собрание 17 марта 1919 г. заявляло, что оно «верит, что... всякие попытки насильников слева и справа разрушить идею самоуправления народа будут беспощадно подавляться верховной властью» (№405).

В других случаях желаемое в буквальном смысле выдавалось за действительное, собственная программа вменялась правительству и провозглашалась уже осуществленной.

Так, например, Пермская городская дума 19 февраля 1919 г. заявляла: «Пермь с радостью приветствует энергичную борьбу правительства с большевизмом слева и атаманством справа, как и отказ от преследования тех, кто по убеждению своему остается в стороне от происходящего междоусобия» (№344).

Ряд приветствий несут ясные черты стоящих за ними простых и конкретных интересов.

16 июня 1918 г. командир Отдельного Алтайского туземного конного дивизиона поручик Гордиенко представил начальнику 13 Сибирской стрелковой дивизии рапорт с приложением девяти приговоров сходов населения волостей Горного Алтая за апрель–май 1919 г., содержащих «выражение чувства преданности правительству, возглавляемому Верховным правителем адмиралом Колчак». Все они были вызваны обращением уполномоченного командующего войсками Омского военного округа прапорщика А.П. Кайгородова «о вступлении добровольцами и организации добровольных пожертвований для формирующегося вновь дивизиона» (№515).

Ответы участников горно-алтайских сходов стереотипны: они сообщали о пожертвовании денег и иногда лошадей и за единственным исключением единодушно уклонялись от вступления в дивизион: «так как население нашей волости, стоящее на низкой ступени культурного развития и будучи в данный момент охвачено глубоким выпадением снегов, что грозит неминуемым падежом их скота, к решению этого вопроса стесняются» (№512). Но очевидно, что сопровождавшие каждый такой отказ заверения в «искренней преданности» Верховному правителю и приветствия в его адрес носили характер охранной грамоты для населения волостей.

Подобным образом, оберегая себя, действовало не только инородческое население.

29 сентября 1919 г. жители с. Большереченского через уполномоченного командующего войсками Омского военного округа по Барнаульскому военному району обратились с приветствием к Верховному правителю. В этом документе крестьяне заявляли о «вере в лучшее будущее Родины, к которому ведет Россию Российское правительство, возглавляемое Верховным правителем», и выразили А.В. Колчаку «чувства преданности и глубочайшую благодарность за ту помощь, которая оказывается в борьбе с произволом и насилием, враждебными государственному и законному порядку». Вслед за этим «высшая местная военная власть в лице г[осподина] уполномоченного командующего войсками Омского военного округа» заверялась в том, «что население с. Большереченского не пойдет за следом банды разбойников против нашего Российского правительства и выдаст всех бунтовщиков за круговой порукой всего населения законной власти по ее требованию и распоряжению» (№915).

В этом случае, как и в ряде других приветствий, возникших в ситуации возможных карательных мероприятий, выражение лояльности играло роль своеобразной защиты от «произвола и насилия», а образ врага (здесь — красных партизан) мог выступать в качестве способа завуалированного протеста против действий правительственных войск.

* * *

Элементы складывающегося вождистского культа зафиксировало во всей полноте стихотворное приветствие, написанное в жанре торжественной хвалебной оды жителем Уфы Л.П. Холкиным. Это стихотворение под названием «Воплотителю души народной адмиралу Колчаку» объемом в 59 строк, вполне графоманское по качеству, весьма интересно комплексом своих мотивов.

Первые три четверостишья посвящены описаниям двух групп

человеческих пороков: презрения к труду и собственности («Иной трудом невольно тяготится», «Чужое брать нисколько не стыдится») и склонности к вражде («Его лишь злость безумная пленяет, Раздор, вражды, — но не покой и мир»). В четвертой строфе им противопоставляются люди, предназначенные судьбой ко благу. Далее является герой оды:

Таков Колчак — Руси объединитель,
Могучий вождь народа своего,
Маг, чародей, — отечества спаситель
Исполнен воли Бога одного!

Описание «могучего вождя» явно испытало воздействие образа волхва из пушкинской «Песни о Вещем Олеге». Отсюда «маг, чародей» («вдохновенный кудесник»), «Исполнен воли Бога одного» («Покорен Перуну старик одному»), «название правдоносца» («правдив и свободен их вещей язык»). Противопоставленные у Пушкина властитель и духовный лидер в оде Холкина сливаются в один тотальный образ.

Две следующие строфы содержат обращение к России с призывом проникнуться молитвой и верой, чтобы «стать самой собой, но обновленной», и указания на отсутствие у Колчака монархических амбиций («Он царского не ждет себе венца», «Герой народный — выше венценосца, И титул «царь» не нужен для него»). За этим рассуждением следуют указания на исключительность действий героя, на правдивость его речей и призыв к всеобщей его поддержке.

Далее следует строфа о благодетельности и равенстве всех религий. Затем — призыв ко «всем» исполнить свой долг перед страной, освободить Москву и Кремль, в котором «нет места для евреев... для немцев также» (это один из двух случаев, когда в приветствиях в адрес Колчака звучит антисемитский мотив, антигерманские высказывания встречаются в семи документах).

Затем автор обращается к историческим параллелям, парадоксальным образом проводя аналогию между наступлением армии адмирала Колчака на Москву и завоеванием Сибири атаманом Ермаком. Эти строфы можно считать рифмованным изложением тезиса из пропагандистской брошюры, опубликованной издательством «Закупсбыта» в Новониколаевске: «Когда-то Москва завоевала Сибирь у татарского хана Кучума, а теперь Сибирь идет отнимать у большевиков Москву»¹⁶. Восхваление Колчака сопровождается проклятием врагам:

---

¹⁶ Сибирь и Москва. Новониколаевск: Новая Россия, Закупсбыт, 1919. См. также: Н. В. Сибирь и Москва // Свободная Сибирь (Новониколаевск). 1919. 30

«позор и смерть!», — провозглашает автор.

Горсть храбрецов Сибирь взяла когда-то,
К ногам Москвы полóжила ее;
Сибири рать идет на супостата,
Что б взять Москву, чтоб взять теперь свое.

Хвала и честь воителям отважным,
Хвала и честь за подвиг Ермаку;
Позор и смерть гонителям продажным!
Хвала и честь за подвиг Колчаку!

Л.П. Холкин завершает свое стихотворение здравицей России, соединенной с проклятьем в адрес «врагов», чьи сужденья «вздорны, лживы» и «служат... сатане», и призывным обращением к герою: «В Москву, смельчак, во Кремль святой скорей, Колчак!».

Идейный комплекс данного стихотворения на первый взгляд производит впечатление эклектичной неоднородности. В самом деле, с одной стороны — республиканизм, положительный идеал обновленной России и признание равенства религий, с другой — моральная критика прогресса, националистическая ксенофобия, исторические и православные реминисценции. Однако подобный дуализм — не исключение, а фундаментальная норма антибольшевистского мировоззрения, проявляющийся по множеству приветственных посланий. Точкой идеологической сборки служит фигура исключительного, «беспримерного» вождя.

* * *

Важным моментом является титулование Верховного правителя. В 349 посланиях, то есть более чем в каждом втором, присутствовало полное дореволюционное титулование «Ваше Высокопревосходительство» (лишь один раз встречается обращение «Ваше Превосходительство»).

Приветствие от Златоустовского Воскресенского единоверческого монастыря (№82) начиналось с обращения «Ваше Высокопревосходительство, Высокочтимейший Верховный Правитель Русской Земли, Александр Васильевич», написанного капиталью — так, как до революции писались в официальных документах титул и имя царствующего монарха.

В 9 случаях встречается обращение «Господин Верховный правитель», еще в 9 — «Господин адмирал». Демократичное же «Гражданин

Верховный правитель» встречается лишь один раз — в приветствии Пермской городской думы от 19 февраля 1919 г. (№ 344), хотя как эпитет в словосочетаниях «солдат и гражданин», «первый гражданин», «великий гражданин» встречается относительно часто.

Вообще эпитеты, прилагавшиеся к Колчаку, довольно разнообразны. Колчак именовался:

(1) носителем верховной власти (авторитетной твердой власти, сильной и единой для всей России власти, сильной единоличной национальной верховной власти), представителем твердой власти, мудрым руководителем;

(2) великим гражданином (первым гражданином);

(3) воином, солдатом (первым солдатом);

(4) героем (минувшей войны, былого мощного флота, русским, народным, национальным);

(5) русским патриотом, печальником земли русской;

(6) достойным сыном земли русской;

(7) спасителем родины (отечества, России), носителем возрождения пострадавшей Родины, олицетворением возрождения Родины, воплощением идеи возрождения России;

(8) носителем идеи объединения России, поборником объединения Великой России;

(9) поборником православной веры, защитником церкви;

(10) насадителем правопорядка, носителем идеи законности, права и порядка;

(11) защитником интересов народа;

(12) поборником свободы;

(13) передовым бойцом за Учредительное собрание.

Однако наиболее часто Колчака именовали различными вариантами термина «вождь»: данный эпитет встречается в 83 приветствиях. По признакам, сопровождающим данный термин, эти случаи можно разделить на три группы.

(1) Принадлежность вождя:

(1.1) верховный вождь;

(1.2) вождь страны (России, Земли Русской, Родины и т.д.);

(1.3) вождь народа (русского народа, вождь народный, национальный вождь);

(1.4) вождь армии;

(2) собственные качества вождя:

(2.1) великий вождь;

(2.2) верный вождь;

(2.3) славный вождь;

(2.4) доблестный вождь;

(2.5) могучий вождь;

- (2.6) мудрый вождь;
- (2.7) самоотверженный вождь;
- (3) внешнее отношение к вождю:
  - (3.1) дорогой вождь;
  - (3.2) богохранимый вождь.

В целом, эти эпитеты рисуют совокупный образ главы вождистского по своему характеру режима, транслировавшийся авторами приветствий. Несмотря на значительное место, которое занимали «военные» черты этого образа, на первом плане находились общегосударственные (верховный вождь, носитель власти) и политические (национальный вождь, «насадитель» правопорядка, поборник свободы) его характеристики, а также сакральные (богохранимый, защитник веры) и символические (воплощение тех или иных идей) элементы образа.

* * *

Как же власть воспринимала поток приветственных телеграмм?

Первым адресатом ответного послания А.В. Колчака было Самарское бюро торгово-промышленных организаций, которому Верховный правитель ответил 22 ноября 1918 г. Текст ответного послания был краток: «Прошу принять мою искреннюю благодарность за приветствие, уверен, что в деле возрождения нашей великой родины торгово-промышленные организации отдадут все свои силы на помощь армии» (№26).

Двухчастная структура ответа впоследствии неоднократно воспроизводилась:

- (1) Изъявление благодарности за приветствие;
- (2) выражение уверенности в помощи.

Иногда текст ответного приветствия содержал только первый элемент.

28 ноября 1918 г. состоялась встреча А.В. Колчака с представителями прессы, задуманная как важнейший акт социальной репрезентации нового режима. В частности, выступление А.В. Колчака содержало следующий пассаж: «Я глубоко убежден, что наши [Верховного правителя и Совета министров Российского правительства. — В.Ж.] намерения будут встречены доверием и поддержкой населения страны. В этом меня убеждают сотни приветственных телеграмм, искренних и горячих, которые я получаю сейчас со всех концов Сибири»¹⁷.

---

¹⁷ Задачи верховной власти: Беседа представителей печати с Верховным пра-

Здесь нужно отметить два момента: с одной стороны, власть ссылалась на приветственные телеграммы, как на доказательства доверия и поддержки населения, с другой стороны, количество полученных посланий существенным образом фальсифицировалось — к 28 ноября 1918 г. речь могла идти лишь о шести-семи десятках полученных в Омске приветственных телеграмм. Если же вычленишь те, которые могут быть квалифицированы как исходящие именно от населения, а не от государственных служащих и военных чинов, то речь может идти лишь о трех десятках приветствий.

Как публичная апелляция А.В. Колчака к факту приветствий, так и стремление преувеличить их число говорит о том большом значении, которое приветственные послания имели в глазах политического руководства антибольшевистского движения на востоке России.

Такое отношение подтверждают, хотя и с определенной корректировкой, и показания А.В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссии 6 февраля 1920 г.¹⁸ Тему приветственных посланий поднял сам А.В. Колчак, отвечая на вопрос члена комиссии А.Н. Алексеевского об отношении «к перевороту правительств, существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти».

На протяжении всех допросов А.В. Колчак вел скрытую полемику с Чрезвычайной следственной комиссией и предполагаемым будущим судом. Поэтому ответ на конкретно поставленный вопрос он сопровождал иной, не запрошенной следственной комиссией информацией. Адмирал показал: «В ставке исполнявший должность начальника штаба вручил мне целый ряд телеграмм, которые прибывали в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест Сибири, городов и частей армии и т.д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение; их были десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от союза сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин, в первые же дни приходили телеграммы главным образом от армии, военных частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то, что было сделано, сделано правильно, и отвечает настроению и пожеланию армии...».

вителем адмиралом А.В. Колчаком // Правительственный вестник. 1918. 30 ноября; Прием представителей печати Верховным правителем // Сибирская речь (Омск). 1918. 30 ноября.

¹⁸ Допрос Колчака / Под ред. К.А. Попова. Л., 1925. С. 186.

Здесь речь идет уже лишь о «целом ряде телеграмм», указывает реалистическая оценка их количества («десятки»), подчеркивается преобладание на первых порах приветствий, исходивших не от населения, а от армии.

Далее А.В. Колчак упоминает приветствия от генерала Д.Л. Хорвата, атамана А.И. Дутова, правительства Оренбургского казачьего войска, специально останавливаясь на переписке с Уральским казачьим войском: «Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от уральцев, хотя и несколько более осторожно составленная: они приветствовали меня, но просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил им, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное собрание, на котором была бы высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение, что они вполне разделяют мою точку зрения, и осуществление задачи, которую я ставлю перед собой, считают необходимым».

Рассмотрим документы, о которых шла речь, подробнее.

Телеграмма от Уральского казачьего войска была отправлена 30 ноября 1918 г. Ее текст таков: «Уральское войско, верное своим лозунгам истинной демократии, которые поставлены в основу борьбы с врагами России, и с беззаветной преданностью отдавшее на алтарь спасения нашей общей несчастной Родины, растерзанной на клочья [действиями] враждующих людей, все свое достояние и все свои силы, приветствует заявления новой центральной власти о том, что смысл и цель ее существования — наиболее успешное выполнение задачи по восстановлению Государства Российского, проведение и укрепление великих начал свободы и права и доведения страны до Учредительного собрания. Эти заявления новой власти, выдвинутой, как видно из доклада приехавших из Омска представителей войскового съезда, волной мятущейся в поисках спасения народной массы, при благожелательном расположении представителей наших доблестных союзных действительно демократических держав с оказанием поддержки, рассеяли сомнения и недоумения войска. С глубокой горечью отмечая, что путь спасения страны созданием выборов власти с опорой на общественные и партийные организации, наиболее соответствующий свободной стране, для нас оказался безвыходным, [при] еще не изжитой болезни [он] вносит в живое и ответственное дело бесконечные и назойливые мелочные распри и партийную непримиримость, войсковой съезд хочет верить, что новая власть найдет в себе источник

должной силы, способность и энергию, согретой безграничной любовью и преданностью, для спасения исстрадавшейся страны. И [со] своей стороны войско, осторожное в принятии решений, но и не допускающее уклонения от них, не знающее расхождения слова и дела, выражает полную готовность к подчинению и поддержке всеми силами верховной власти по пути осуществления поставленных государственных задач. Утомленное длительной и напряженной борьбой войско надеется, что новая власть совершенно изменит бывшее до сих пор совершенно ненормальное отношение к нему и сумеет энергичной и сильной помощью дать почувствовать верной и надежной государственной ячейке — уральской общине, что она не осталась вдали забытой [в] совершенном одиночестве» (№77).

Структура послания может быть описана следующим образом.

- (1) Комплиментарная автохарактеристика, используемая как обоснование морального права на составление документа;
- (2) приветствие не самой новой власти, а ее заявлений о целях:
  - (2.1) восстановления Государства Российского,
  - (2.2) реализации принципов свободы и права,
  - (2.3) доведения страны до Учредительного собрания;
- (3) характеристика новой власти как демократической по происхождению;
- (4) характеристика новой власти как поддержанной демократическими союзными державами;
- (5) негативная оценка предшествующей «февральской» по генезису демократической практики;
- (6) комплиментарная автохарактеристика;
- (7) обещание помощи новой власти;
- (8) выдвижение требований.

3 декабря 1918 г. Верховный правитель ответил председателю Уральского войскового съезда и председателю Уральского войскового правительства следующее: «Искренне приветствую готовность уральского казачества поддержать всеми силами верховную власть на пути осуществления государственных задач. Глубоко убежден, что уральское казачество, принесшее неисчислимые жертвы на алтарь возрождения родины вместе со всеми государственно-мыслящими элементами освобождающейся от насильников Родины, поможет мне в деле укрепления государственности. Вынужденный обстоятельствами крайне тяжелого момента принять власть, переданную мне Советом Министров, я не имею иной цели, как путем воссоздания армии, восстановления порядка и законности, создать в стране условия, при которых свободная воля народа могла бы определить как форму госу-

дарственного устройства России, так и пути ее развития, достойные великой Родины» (№78).

Ответ Верховного правителя действительно носил развернутый характер:

- (1) изъявление благодарности за обещание помощи;
- (2) комплиментарная характеристика салютанта;
- (3) выражение уверенности в помощи;
- (4) негативная оценка предшествующей политической ситуации;
- (5) комплиментарная автохарактеристика;
- (6) провозглашение целей:
  - (6.1) восстановления армии;
  - (6.2) восстановления порядка и законности;
  - (6.3) неконкретизированная ссылка на «свободную волю народа», призванную в будущем определить форму государственного устройства и пути развития России.

Очевидные идеологические различия дополнены общей атмосферой недоверия. Уральцы писали о «заявлениях», а не о новой власти и ее главе, Колчак указывал, что уральское казачество не одно противостояло большевикам, а в ряду других «государственно-мыслящих элементов». Уральцы упоминают «сомнения и недоумения», подчеркивают «осторожность в принятии решений», Колчак — оправдывается, ссылаясь на демократичность своих устремлений.

Можно сказать, что получив приветствие, не вписывающееся в идеологическую схему, адмирал ответил посланием, представлявшим собой конспект того приветствия, которое он хотел бы получить от уральского казачества. Особенно заметно «редактирование» Колчаком направленного ему «неправильного» приветствия при изложении происхождения новой власти и ее целей. Так, уральцы указывают на выдвижение новой власти «мятущейся в поисках спасения народной массой», Колчак — на волю Совета министров. В уральском послании упомянута свобода и лишь затем право, в тексте Колчака — упоминание свободы отсутствует, замененное «порядком и законностью». Наконец, вопреки показаниям адмирала, в его тексте (в отличие от письма уральцев) отсутствует прямая ссылка на «возможность собрать Учредительное собрание».

Во множестве иных случаев власть также использовала ответные послания для воздействия на общество. Например, обращает на себя внимание характерное изменение стереотипной лексики ответных посланий начиная с мая 1919 г. Если ранее Верховный правитель ограничивался выражением благодарности и уверенности в

получении поддержки от салютанта, то с этого времени все чаще стал звучать мотив побуждения к реальной, а не декларативной поддержке. «Благодарю... за принесенные мне приветствия и жду от них реального содействия мне в деле собирания и устройства родины» (№ 670), «Благодарю волостной сход за содействие... тем более ценное, что оно носит вполне реальный характер» (№ 683), «Рассчитываю на упорную повседневную работу местных самоуправлений в деле реального удовлетворения насущных потребностей армии и населения» (№894), «Благодарю городскую думу нового состава за выраженные мне чувства, в коих усматриваю обязательство всемерной реальной помощи армии и правительству» (№879). Как и общество, власть использовала салютативную переписку как форму диалога, не пренебрегая скрытыми упреками, и надеясь на корректирующее воздействие своих слов.

* * *

Н.В. Ссорин-Чайков и О.И. Соснина, исследуя феномен подарков советским вождям и сравнивая их с различными видами обращенных к власти эпистолярных текстов, писали: «Подобно жалобам, петициям и доносам, они [дары вождям. — В.Ж.] создают открытые и протяженные конфигурации и сети отношений, как пунктиром пронизывающих общество»¹⁹. С этим тезисом трудно не согласиться, но более точной выглядит постановка в ряд текстов «обращений „во власть“» не дара, а приветствия.

Салютативные взаимодействия на востоке России в 1918–1919 гг. являлись одной из форм диалога власти и общества, который, вне зависимости от жесткости политического режима, невозможно полностью прекратить. Приветствия выступали в роли одного из каналов корректировки подвластными идеологической системы правящих, каналом, который, благодаря своей комплиментарности и этикетному характеру, был и эффективным, и незаметным. При этом, ответные послания, исходящие от власти, использовались ею как инструмент «мягкого» воздействия на общество. Таким образом, салютативный процесс с неизбежностью включал в себя элементы общественной дискуссии, где обращенность к вождю выступала гарантией серьезной постановки идеологических и политических вопросов.

---

¹⁹ Соснина О.И., Ссорин-Чайков Н.В. Канон и импровизация в политической эстетике советского общества: дары вождям // Новое литературное обозрение. 2010, № 101. С. 75.

Однако в рамках такого способа коммуникации в расколотом обществе, в отсутствие действенных инструментов согласования ценностных оснований, противоречивые устремления отчасти консолидировались только при помощи образа Верховного правителя, с неизбежностью приобретающего мифологические черты центральной фигуры полноценного вождистского культа.

Д.Г. Симонов

**СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ
(сентябрь 1918 — январь 1920 г.)**

Летом 1918 г. в результате выступления Чехословацкого корпуса и русских военных организаций на востоке России к власти пришли антибольшевистские правительства, самыми влиятельными из которых являлись Временное Сибирское правительство (Омск) и Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). Каждое из правительств сформировало собственные вооруженные силы, соответственно Сибирскую и Народную армии. Для координации военных операций этих армий с Чехословацким корпусом на совещании в Челябинске в июле 1918 г. было принято решение впредь до восстановления общероссийских органов государственной власти и назначения Верховного главнокомандующего функции последнего возложить на командира Чехословацкого корпуса генерала В.Н. Шокорова¹.

Открывшееся 8 сентября в Уфе Государственное совещание завершилось 23 сентября созданием Директории (Временного Всероссийского правительства). Член Директории генерал В.Г. Болдырев назначен Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Он принял на себя функции, которые с июля до сентября 1918 г. исполняли генералы В.Н. Шокоров и Я. Сыровой. Кроме русских вооруженных формирований, Болдыреву стали подчиняться и войска Чехословацкого корпуса.

Высшим органом оперативного руководства войсками при генерале Болдыреве стал штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), разместившийся в Омске. Временное исполнение должности начальника штаба Верховного главнокомандующего 25 сентября Болдырев возложил на генерала С.Н. Розанова. 27 сентября состоялись назначения полковника А.П. Слижикова — врид помощника начальника штаба, подполковника А.Д. Сыромятникова — врид 1-го генерал-квартир-

---

¹ С конца августа 1918 г. командиром Чехословацкого корпуса являлся генерал Я. Сыровой.

мейстера, полковника Г.В. Леонова — врид 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем². Для замещения нижестоящих руководящих должностей в конце сентября — первой половине октября 1918 г. в Ставку прибыли 52 слушателя старшего курса Всероссийской академии Генерального штаба³.

Обращает на себя внимание то, что высшие должности в штабе Верховного главнокомандующего заняли офицеры, не связанные ни с Сибирской, ни с Народной армиями. По словам В.Г. Болдырева, вопрос с формированием Ставки оказался исключительно сложным: «Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было. При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями брать людей из их состава — это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники. Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было „но“ — академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией [...]»⁴.

В начале октября 1918 г. все подчиненные Верховному главнокомандующему войска были распределены на три фронта: Западный, Юго-Западный и Сибирский. В состав Западного фронта вошли все русские и чехословацкие войска, действовавшие против советских войск Восточного фронта севернее линии Николаевск — Бузулук — Стерлитамак — Верхнеуральск — Кустанай — Павлодар. Главнокомандующим фронтом был назначен командир Чехословацкого корпуса генерал Я. Сыровой. Уральское и Оренбургское казачьи войска, а также регулярные части, действовавшие к югу от указанной линии, на саратовском и ташкентском направлениях, образовали Юго-Западный фронт во главе с атаманом Оренбургского казачьего войска генералом А.И. Дутовым. Все войска, действовавшие на территории Сибири, вошли в состав Сибирского фронта, главнокомандующим которого был назначен командующий Сибирской армией генерал П.П. Иванов-Ринов. В то же время войска, оперировавшие на главном — Западном — фронте, были распределены на три армейские группы: Екатеринбургскую под командованием генерала Р. Гайды, Камскую — генерала С.Н. Люпова и Самарскую генерала С.Н. Войцеховского⁵.

---

² Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 29–33.

³ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 120.

⁴ *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 58.

⁵ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

В качестве Верховного главнокомандующего генерал Болдырев решил главную стоявшую перед ним задачу: он в кратчайшие сроки объединил под своим руководством антибольшевистские вооруженные силы востока России и создал достаточно действенную на тот момент систему их оперативного руководства. При этом Болдырев действовал решительно, не вдаваясь в долгие обсуждения проектов своих приказов и не допуская публичных высказываний о его кадровых решениях.

Наличие в составе Директории эсеров вызвало негативную реакцию в правой части военных кругов. В этих условиях созрел заговор, результатом которого стало ее свержение. 18 ноября 1918 г. к власти пришел адмирал А.В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. После прихода к власти Колчака бывший Верховный главнокомандующий Болдырев, оказавшись не у дел, покинул пределы России. 20 ноября «в отпуск по болезни» был уволен и начальник штаба Верховного главнокомандующего Розанов. Временное исполнение обязанностей наштаверха Колчак возложил на одного из участников переворота полковника Д.А. Лебедева⁶.

Г.К. Гинс, в то время управляющий делами Российского правительства, вспоминал, что «назначение этого молодого полковника начальником штаба Верховного главнокомандующего, т. е. фактически главнокомандующим, было для всех совершенно неожиданным. Боюсь, — замечает Гинс, — что адмирал избрал его совершенно случайно, только потому, что он приехал с нашивками Добровольческой армии и как бы принес с собой в Сибирь дух Корнилова и Деникина. Никто не подумал тогда, что это назначение могло быть результатом неумения адмирала разбираться в людях»⁷. По словам самого А.И. Деникина, Лебедев стал начальником штаба Верховного главнокомандующего «непостижимым образом, не имея никакого командного стажа»⁸.

Но, как отмечал управляющий министерством иностранных дел Российского правительства И. И. Сукин, «выбор сделать было чрезвычайно трудно, так как выбирать, в сущности, было не из кого». Потенциальным кандидатом на пост наштаверха мог рассматриваться генерал М.К. Дитерихс, «редкие военные качества которого были всем известны» и ранее высоко оценивались генералом М.В. Алексеевым. Од-

⁶ Правительственный вестник. 1918. 23 ноября.

⁷ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920. Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 267.

⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г. Берлин, 1924. С. 253.

нако в то время Дитерихс состоял начальником штаба Чехословацкого корпуса и «в первые дни после переворота держал себя как чешский генерал, оказавшись, таким образом, в ложном положении».

Другим кандидатом являлся начальник Академии Генерального штаба генерал А.И. Андогский, считавшийся талантливым стратегом и одаренным профессором. Но на нем лежало несмыслимое пятно активного сотрудничества с большевиками в октябре 1917 — июле 1918 г. Если его службу в рядах РККА еще можно было объяснить стремлением спасти академию от ликвидации, то причастность в качестве военного эксперта в подготовке Брестского мирного договора не имела какого-либо оправдания в глазах старшего командного состава. Кроме того, по свидетельству И.И. Сукина, «личные свойства Андогского заставляли многих рассматривать его как опасного интригана, руководящего частью офицеров Генерального штаба, находившихся в открытой вражде с целым рядом других офицеров, считавших себя более чистыми с точки зрения национального духа и отсутствию каких-либо подозрений в предыдущей связи с большевиками»⁹.

Лично адмирал Колчак готов был остановиться на кандидатуре Андогского, но не нашел возможным взять на себя всю полноту ответственности за это назначение. 2 декабря 1918 г. он обратился с запросом к 26 старшим командирам и начальникам Западного фронта. В отправленной им шифротелеграмме говорилось: «Прошу совершенно секретно сообщить мне Ваше откровенное мнение о генерале Андогском, начальнике Академии Генерального штаба, ввиду распространяющихся слухов о его пребывании под властью большевиков и вынужденном участии в качестве эксперта при заключении Брестского мира, и считаете ли Вы возможным назначение его на должность начальника штаба Главковерха в настоящее сложное время. Для меня крайне важно знать совершенно откровенное мнение начальников. Ответ на мое имя для личного моего расшифрования»¹⁰.

И. И. Сукин утверждал, что в ответ на эту телеграмму с фронта посыпались единодушные протесты с указанием на недостойность Андогского ввиду его сотрудничества с большевиками¹¹. Очевидно, что старшие начальники высказались против Андогского, но их мнение не было абсолютно единодушным. Нам известны, как минимум, три офицера, которые на запрос Верховного правителя ответили по-

---

⁹ Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы / Сост. А.В. Квакин. М., 2005. С. 351.

¹⁰ РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 140–142.

¹¹ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 353.

ложительно: полковник Б. П. Богословский («лучшего наштаверха не найти»), полковник В. В. Голицын («от всей души приветствую назначение») и полковник Э. Я. Рютель («приветствую назначение»)¹².

В данных обстоятельствах Колчак посчитал нужным остановиться на кандидатуре полковника Д.А. Лебедева. Его имя имело определенную известность в офицерских кругах как одного из организаторов в 1917 г. «Союза офицеров армии и флота». Лебедев активно участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, за что был арестован и вплоть до большевистского переворота находился в Быховской тюрьме. В числе первых он вступил в ряды Добровольческой армии и появился в Сибири осенью 1918 г. как ее представитель. Утверждали, что Лебедев сыграл важную роль в свержении Директории и приведении к власти Колчака. Кроме того, он был кавалером ордена Св. Георгия — высшего боевого отличия Русской армии. Эту награда украша и грудь Колчака, но ни Дитерихс, ни Андогский ее не имели.

Помимо всего прочего, нельзя сбрасывать со счетов многочисленные интриги и борьбу амбиций, сопровождавших организационное оформление высших органов военного управления в Омске. Генерал М. Жанен писал в декабре 1918 г.: «В военной среде происходит не меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и пр. очень часты [...]»¹³. Как результат этой борьбы, лишились своих постов помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего А.П. Слижиков, первый генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем А.Д. Сыромятников и начальник Академии Генерального штаба А.И. Андогский.

Генерал А.Т. Антонович, в то время полковник и профессор Академии Генерального штаба, 1 декабря 1918 г. писал: «Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей — их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно — фикция?»¹⁴.

¹² РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 10. Л. 147, 148, 154.

¹³ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930. С. 107.

¹⁴ Папков С. В тунике: Последние дни Академии Генштаба и белой армии на востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Вып. 3.

Ставка — Штаб Верховного главнокомандующего — была окончательно сформирована лишь в январе 1919 г. Ключевые должности в ней заняли следующие лица: помощник начальника штаба — генерал П.Г. Бурлин; генерал-квартирмейстер — полковник З.Ф. Церетели, с 19 апреля — генерал Г.В. Леонов; дежурный генерал — генерал Г.В. Леонов, с 19 апреля — полковник А.С. Кондрашев, с 9 мая — полковник А. Т. Антонович; инспектор артиллерии — генерал В.Н. Прибылович; инспектор по технической части — генерал А.И. Ипатович-Горанский; начальник Главного управления военных сообщений — полковник В.Н. Касаткин

К этому времени Колчак завершил начатую еще Болдыревым реорганизацию системы оперативного руководства войсками. 24 декабря он приказал сформировать на базе войск Западного фронта две отдельные армии: Сибирскую под командованием генерала Р. Гайды и Западную по командованием генерала М.В. Ханжина, а на базе войск Юго-Западного фронта — Оренбургскую отдельную армию генерала А.И. Дутова. «Наследником» бывшего Сибирского фронта, существовавшего лишь на бумаге, стал действовавший на Семиреченском фронте 2-й Отдельный Степной Сибирский корпус генерала В.В. Бржезовского.

Главным оппонентом начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Д.А. Лебедева в военных кругах стал военный министр Российского правительства генерал Н.А. Степанов. Неприязнь, существовавшая между двумя генералами, вышла далеко за рамки их личных отношений и распространилась на возглавляемые ими органы. Результатом стали «самые враждебные», по словам генерала А. П. Будберга, отношения между Ставкой и военным министерством. Все это, в свою очередь, оказывало негативное воздействие на общее руководство колчаковской армии.

А.П. Будберг, однокашник Степанова по Михайловскому артиллерийскому училищу, характеризовал его как порядочного человека, старательного, но бесцветного работника¹⁵. «Несомненно, способный человек, хороший военный бюрократ, Степанов оказался лишенным всяких созидательных дарований, а главное, был весь проникнут духом старых военных учреждений, где все планы могли выполняться исподволь и были рассчитаны на долгие периоды», —

Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С.376.

¹⁵ Будберг А.П. Дневник // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927. С. 117.

писал о нем управляющий министерством иностранных дел И.И. Сукин¹⁶.

Указом Верховного правителя от 23 мая 1919 г. военный министр Степанова был уволен от занимаемой должности. Новым военным министром Колчак назначил генерала Лебедева с оставлением в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. Тем же указом генерал П.Г. Бурлин был назначен помощником Лебедева с правами заместителя по управлению штабом Верховного главнокомандующего, а генерал А.П. Будберг — помощником с правами заместителя по управлению военным министерством¹⁷.

Таблица*

Структура и численность штаба Верховного главнокомандующего

Структура	Численность
Управление 1-го генерал-квартирмейстера 1. Оперативный отдел (1-е и 2-е отделения) 2. Общий отдел (отделения — личного состава офицеров Генерального штаба, шифровальное, службы связи, фельдъегерское, а также автогараж штаба, автомобильная команда, склад технического имущества) 3. Авиационный отдел (отделения — строевое, техническое, хозяйственное) 4. Полевой почтово-телеграфный отдел 5. Полевая военно-топографическая часть 6. Военно-морское и речное отделение	55–78 офицеров 14–47 чиновников 71 солдат 15 вольнонаемных
Управление 2-го генерал-квартирмейстера 1. Канцелярия управления 2. Особое отделение 3. Разведывательный отдел (отделения — 1-е прифронтовой разведки, 2-е центрально-разведывательное) 4. Отдел контрразведки и военного контроля (отделения — контрразведывательное, регистрационное) 5. Осведомительный отдел (осведомительное бюро в составе 1-го и 2-го отделений, подотдел печати в составе отделений — печати, художественного и издательского, подотдел технический в составе отделений — хозяйственного и экспедиционного)	58–67 офицеров 44–35 чиновников 64 солдата
Управление 3-го генерал-квартирмейстера 1. Мобилизационный отдел (1–5-е отделения) 2. Организационный отдел (1–5-е отделения) 3. Уставное отделение 4. Канцелярия управления	37–39 офиц. 7–5 чиновников 32 солдата 13 машинистов

¹⁶ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 419–420.

¹⁷ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. V. Л. 286.

<p>Управление дежурного генерала</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Инспекторский отдел (1-3-е отделения) 2. Наградной отдел (1-4-е отделения) 3. Общий отдел (хозяйственная часть в составе денежного и хозяйственного отделений, 2-е общее отделение, журнальное отделение, типо-литография, юрисконсультское отделение) 4. Управление коменданта главной квартиры (при нем — комендантская рота) 	<p>22-37 офицеров 60-45 чиновников 254 солдата 22 машиниста</p>
<p>Управление главного начальника военных сообщений</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Канцелярия 2. Военно-дорожный отдел (отделения — 1-е общее, 2-е по перевозке войск и грузов, 3-е железнодорожных войск и полевых железных дорог, 4-е счетное) 3. Отдел путей сообщения (отделения — 1-е техническо-эксплуатационное, 2-е строительное, 3-е водных, шоссейных и грунтовых путей) 4. Этапно-транспортный отдел (отделения — этапное, 	<p>27 офицеров 30 чиновников 40 солдат</p>
<p>Управление полевого инспектора артиллерии</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Инспекторско-организационное отделение 2. Отделение по учету предметов артиллерийского довольствия 	<p>9 офицеров 2 чиновника 5 солдат</p>
<p>Управление полевого инспектора по технической части</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Общее отделение 2. Оперативно-позиционное отделение <ol style="list-style-type: none"> А) Инспектор инженерных войск Б) Инспектор радио-телеграфных частей В) Инспектор автомобильных частей 	<p>12-18 офицеров 7-1 чиновник 15 солдат</p>
<p>Управление полевого ветеринарного инспектора</p> <p>Инспекторско-административный отдел (отделения — общехозяйственное, организационно-инспекторское, лечебно-учебное, научно-статистическое)</p>	<p>21 чиновник 14 солдат 5 машинистов</p>
<p>Управление полевого санитарного инспектора</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Общий отдел (1-е и 2-е отделения) 2. Врачебно-санитарный отдел (врачебно-санитарное и статистическое отделение, госпитальное отделение) 	<p>24 чиновника 13 солдат</p>
<p>Управление заведующего военно-судной частью театра военных действий</p>	<p>4 офицера 2 чиновника 4 солдата</p>

* Составлена по: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 14. Л. 121-124, 125-128, 130-132, 139-140, 144. 148, 155. 159, 163.

Создание новой системы высших органов военного управления заняло около месяца. 9 июня Лебедев утвердил ее штатную структуру (см. таблицу), и лишь 25 июня объявил «для сведения и руководства» организацию центрального военного управления и функции входив-

ших в его состав управлений.

В целом новая система центрального военного управления выглядела следующим образом. Во главе ее стоял Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак. Его ближайшим помощником и непосредственным докладчиком являлся Д.А. Лебедев, занимавший должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра Российского правительства. Органами центрального военного управления являлись штаб Верховного главнокомандующего, военное министерство и Главное управление по делам казачьих войск. Во главе этих органов находились 1-й помощник начальника штаба — генерал Бурлин, 2-й помощник начальника штаба (и управляющий военным министерством) — генерал Будберг и помощник военного министра по делам казачьих войск, он же начальник Главного управления казачьих войск — генерал Б.И. Хорошкин.

В круг ведения 1-го помощника начальника штаба входили управления 1-го, 2-го и 3-го генерал-квартирмейстеров, а также управления дежурного генерала, главного начальника военных сообщений, полевых инспекторов артиллерии, по технической части, ветеринарного, санитарного и заведующего военно-судной частью фронта.

Управление 1-го генерал-квартирмейстера решало оперативные вопросы на внешнем и внутреннем фронтах, вопросы оперативно-авиационные, службы Генерального штаба, службы связи, а также отвечало за издание карт и обеспечение ими войск. Должность 1-го генерал-квартирмейстера первое время продолжал занимать Г.В. Леонов, а 16 июня его заменил «реабилитированный» по обвинению в связях с большевиками А.И. Андогский.

Управление 2-го генерал-квартирмейстера ведало разведкой, контрразведкой и военным контролем в действующей армии и тыловых военных округах, вопросами печати, осведомления и агитации, сношениями с иностранными миссиями и русскими военными агентами за границей. 2-м генерал-квартирмейстером был назначен генерал П.Ф. Рябиков, профессор Академии Генерального штаба, известный в Русской армии специалист в области агентурной разведки.

Управление 3-го генерал-квартирмейстера сосредоточивало работу по мобилизациям и отбыванию воинской повинности, ведало вопросами по организации и формированию армии, укомплектованию войск, изданию различных наставлений, уставов и т. п., вопросами о военнопленных. На пост 3-го генерал-квартирмейстера первоначально рассматривалась кандидатура полковника Г.И. Клерже, ранее являвшегося помощником начальника Главного штаба, но ввиду раз-

ного рода интриг он так и не был утвержден в должности. 16 июня 3-м генерал-квартирмейстером был назначен генерал А.Т. Антонович.

Управление дежурного генерала ведало делами о производствах, наградах, переводах, назначениях, определении на службу, чинами резерва, сбором сведений об убитых и раненых и ведением списков на генералов, штаб- и обер-офицеров (не Генерального штаба) и военных чиновников. В ведении дежурного генерала находились комендантская часть и заведывание воинскими частями, приданными Ставке. В должности дежурного генерала первое время оставался генерал А.Т. Антонович. Но в связи с его назначением 3-м генерал-квартирмейстером должность дежурного генерала занял полковник А.С. Кондрашев, вскоре произведенный в генерал-майоры.

Управление Главного начальника военных сообщений ведало всеми вопросами военных сообщений театра военных действий и тыловых округов. В должности главного начальника военных сообщений остался В.Н. Касаткин.

Управление инспектора артиллерии ведало вопросами организации, формирования и инспектирования артиллерии, обучением в артиллерийских школах и общим наблюдением за обеспечением армии предметами артиллерийского снабжения. Должность инспектора артиллерии сохранил за собой В.Н. Прибылович.

Управление полевого инспектора по технической части ведало организационно-инспекторскими вопросами инженерной, автомобильной и радиотелеграфной части в армиях, наблюдением за постановкой обучения в инженерных и технических школах, общим наблюдением за распределением между армиями предметов технического снабжения. В должности полевого инспектора остался А.И. Ипатович-Горанский.

Управление полевого санитарного инспектора ведало органами санитарного дела в армиях, в том числе вопросами формирования и инспектирования соответствующих учреждений и заведений, назначения и перемещения сотрудников, организации борьбы с эпидемиями, а также общим наблюдением за обеспечением армии предметами медицинского снабжения.

Управление полевого ветеринарного инспектора ведало административно-инспекторскими вопросами по ветеринарной части в армиях, общим наблюдением за их обеспечением предметами ветеринарного снабжения.

Управление инспектора ремонтов ведало разработкой вопросов, касающихся укомплектованием армии конским составом, военно-конской и военно-повозочной повинностями, а также руководило дея-

тельностью ремонтных комиссий.

Управление заведующего военно-судной частью сосредоточивало у себя все вопросы, касающиеся организации и деятельности военно-судебного дела в армии.

Кроме того, в подчинение 1-го помощника передавалась Академия Генерального штаба, которая впредь до открытия своей деятельности как высшего военно-учебного и ученого заведения должна была хранить академическое имущество и библиотеку, организовать архив для сбора различных материалов, «относящихся до настоящей освободительной войны», обеспечить издание различных уставов и наставлений и ведать снабжением ими войск армии. Предполагалось также создать канцелярию по интендантским справкам, которая должна была собирать точные сведения о количестве отпращенных в войска предметов интендантского снабжения и степени их обеспеченности.

2-й помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (управляющий военным министерством) сосредоточивал в своих руках следующие вопросы: 1) заготовок и снабжения армий и тыловых войск различными видами довольствия (интендантского, инженерного, артиллерийского, санитарного и ветеринарного); 2) кредитов по военному ведомству; 3) вопросы, подлежащие внесению на рассмотрение Военного совещания и Совета министров; 4) военно-административного управления районом армии; 5) службы духовенства; 6) по заведыванию интендантскими курсами и кадетскими корпусами; 7) по окладам жалованья, пенсиям, пособиям и призрению чинов военного ведомства; 8) о полевых казначействах; 9) о полевом контроле; 10) дела Главного военно-судного управления.

Подчинявшийся 2-му помощнику генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего ведал всеми вопросами по организации, комплектованию, обучению и инспектированию военных училищ, школ и курсов. В связи с тем, что ранее занимавший эту должность генерал К.В. Сахаров был назначен начальником штаба, а затем командующим Западной армией, временно, до прибытия нового лица, функции генерала для поручений передавались в круг ведения 3-го генерал-квартирмейстера. С 18 июня эту должность занимал Г.В. Леонов.

В круг ведения помощника военного министра по делам казачьих войск входили все вопросы по формированию, укомплектованию, мобилизации, прохождению службы и внутренней жизни казачьих войск. В должности помощника военного министра по делам казачьих войск бессменно оставался Б.И. Хорошкин.

Независимо от указанных выше органов центрального военного управления была введена должность Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии. В его штабе должно было сосредоточиться общее наблюдение за боевой готовностью и своевременным удовлетворением потребностей казачьих и кавалерийских частей, находившихся на театре военных действий, а также общее наблюдение за правильностью назначений на командные должности до командиров отдельных казачьих и кавалерийских частей включительно¹⁸. На вновь учрежденную должность Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии был назначен атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов¹⁹.

А.Т. Антонович, оценивая деятельность Ставки летом — осенью 1919 г., писал: «Характерной чертой [...] было стремление к разбуханию учреждений и созданию лицами, появившимися у власти, для себя постов; нередко отделение, входившее в состав какого либо отдела управления, по инициативе его начальника постепенно разрассталось до целого самостоятельного управления, глава которого получал право непосредственного доклада чуть ли не у Верховного главнокомандующего. [...] Достаточно сказать, что за мое пребывание в Омске Ставка перестроивалась чуть ли не три раза; и это за какие-нибудь три — четыре месяца»²⁰.

При всей внешней стройности созданная генералом Лебедевым система управления имела ряд недостатков. Прежде всего, совмещение двух должностей — руководителя Ставки и военного министерства — объективно не позволяли Лебедеву осуществлять полноценное руководство каждым из этих органов в отдельности. Такой объем работы для одного человека был объективно неподъемным. Объединение в одних руках Ставки и военного министерства, состоявшееся в мае 1919 г., являлось в первую очередь результатом жесткого противостояния в высших военных кругах, и лишь затем — стремлением к оптимизации системы военного управления.

По мнению Г.К. Гинса, «надежды на то, что генерал Лебедев после того, как он совместил положение начальника штаба с должностью военного министра, инкорпорируется в Совет министров и таким образом сблизит военные дела с гражданскими совершенно не оправдались. Лебедев даже не появлялся в Совете министров. Его заменял генерал

---

¹⁸ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 14. Л. 388–389.

¹⁹ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. V. Л. 286.

²⁰ Папков С. В тупике: Последние дни Академии Генштаба и белой армии на востоке России в описании генерала Антоновича.

Будберг, который проявлял большую трезвость суждений, деловитость и подготовленность. Но он не был вершителем судеб, потому что блестящая Ставка оставляла военное министерство в тени»²¹.

Находясь вместе со Ставкой в отдаленном от фронта Омске и оказавшись втянутым во все хитросплетения внутривластной борьбы правящих кругов, Д.А. Лебедев не имел возможности оперативно принимать решения по руководству находившимися на фронте армиями и координировать их боевые действия. В результате в военных и политических кругах постепенно начало складываться, и в конце-концов сложилось мнение, что Ставка, занимаясь политикой, мало интересуется проблемами фронта.

26 мая 1919 г. командующий Сибирской армией генерал Гайда через своего адъютанта подпоручика М.Г. Молотковского передал председателю Совета министров П.В. Вологодскому личное письмо, в котором подверг жесткой критике действия штаба Лебедева. Гайда характеризовал «его распоряжения неправильными, а директивы его безумными, роняющими авторитет Верховного правителя». Следствием этих действий, якобы, стало «катастрофическое положение на фронте». Письмо заканчивалось требованием принять немедленные меры к удалению Лебедева от участия в командовании войсками и угрозой, что с 26 мая он не будет считаться с его распоряжениями.

Колчак был возмущен антидисциплинарным поступком Гайды, но в то же время, связавшись с ним по прямому проводу и услышав заверения в личной преданности, 27 мая принял решение не предавать этот инцидент гласности, а создать особую комиссию из опытных и заслуживающих доверия штаб-офицеров для расследования правильности и целесообразности распоряжений Лебедева²². Такая комиссия вскоре была создана. В ее состав вошли генералы М.К. Дитерихс (председатель), А.Ф. Матковский и М.А. Иностранцев.

По свидетельству Иностранцева, изученные членами комиссии оперативные распоряжения Лебедева привели к убеждению, что «управление армией из Ставки было в малоопытных в военном отношении руках». По его словам, «высшее командование, в сущности, не только не управляло войсками, а, наоборот, мешало им, связывая их невыполнимыми приказами и сковывая их инициативу. С этой точки зрения неоднократные жалобы Гайды на то, что Ставка мешает

---

²¹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 444.

²² Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. С. 169–172.

ему действовать, были совершенно основательны [...]»²³.

По завершению работы комиссии генерал Дитерихс изложил ее решения в личном докладе Верховному правителю. По мнению комиссии, и Гайда, и Лебедев должны были остаться на своих постах. «Нельзя, чтобы незаконное желание одного подчиненного выполнялось путем ухода другого». Но в то же время Дитерихс отметил, что «мнение комиссии по вопросу об управлении армией и действиях Ставки в оперативных и военно-административных вопросах [...] сошлись во взглядах с генералом Гайда, и совершенно не в пользу Ставки. Последнюю сделано столько и таких серьезных ошибок самого элементарного характера в деле управления войсками, что повторение их, в другой раз, может сулить катастрофу [...]»²⁴.

Предложение об оставлении в должности Лебедева Дитерихс аргументировал и своими личными соображениями, ибо, по словам Иностранцева, «еще до нашего расследования в Ставке ходили слухи, что в случае ухода Лебедева его заменит, будто бы, Дитерихс, и последний отнюдь не хотел, чтобы Лебедев был смещен немедленно, так как в таком случае получалось бы представление, что он ушел из-за интриги Дитерихса против него»²⁵.

Описывая перипетии взаимоотношений между Ставкой и военным министерством, полковник Г.И. Клерже сделал важное наблюдение, отметив, что две враждовавшие военные группировки «нанесли взаимное друг другу поражение. Их поражением воспользовалась [...] третья группа, и эта группа шла под флагом генерала М.К. Дитерихса»²⁶. По нашему предположению, в состав этой группы входили генералы М.А. Иностранцев, Н.А. Лохвицкий, А.И. Андогский, П.Ф. Рябиков, А.Т. Антонович, К.К. Акинтьевский и др.

Именно в это время Дитерихс начал стремительно подниматься по служебной лестнице. 20 июня 1919 г. Колчак в полном составе подчинил ему Сибирскую и Западную армии, предоставив права главнокомандующего фронтом²⁷, а 14 июля назначил на вновь учрежденную должность главнокомандующего Восточным фронтом²⁸. 10 августа Колчак возложил на Дитерихса временное исправление должностей

---

²³ *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Генерал Дитерихс. М.: Посев, 2004. С. 251, 252.

²⁴ Там же. С. 257.

²⁵ Там же.

²⁶ *Клерже Г.И.* Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 242.

²⁷ Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 26 июня.

²⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра²⁹.

Управляющий военным министерством Будберг по этому поводу писал: «[...] Сначала вздваивали должности, а теперь начинают их страивать, неужели же думают, что единство и стройность управления достигаются сваливанием в одну кучу трех совершенно несовместимых должностей — командной, штабно-оперативной и административно-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трех должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе»³⁰.

12 августа Дитерихс назначил А.И. Андогского первым помощником, П.Г. Бурлина — вторым помощником, а А.П. Будберга — третьим помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего с сохранением за последним поста управляющего военным министерством³¹. По свидетельству Будберга³², новая организация Ставки рассматривалась как временная. Окончательную же ее конструкцию должен был определить генерал Н.Н. Головин, находившийся в то время на пути в Омск и планировавший Колчаком на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего³³.

Н.Н. Головин прибыл в Омск 26 августа. Но ввиду того, что на днях намечалось спланированное Дитерихсом наступление войск Восточного фронта, он отложил свое вступление в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. А пока он намеревался «ориентироваться и проводить организацию своего нового управления»³⁴.

С созданием организационных структур управления Восточным фронтом Ставка утратила роль и значение главного органа по оперативному управлению антибольшевистскими войсками на востоке

---

²⁹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 18. Л. 261а.

³⁰ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 263.

³¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 138. Л. 36.

³² Сохраняя временное исполнение должности начальника штаба Верховного главнокомандующего за главнокомандующим Восточным фронтом генералом Дитерихсом, Колчак 27 августа 1919 г. возложил на управляющего военным министерством Будберга исправление должности военного министра с непосредственным подчинением его Верховному правителю (см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 138. Л. 38.)

³³ Будберг А.П. Дневник ... С. 264.

³⁴ Рябиков П.Ф. Из воспоминаний о Тобольской операции // Генерал Дитерихс. М.: Посев, 2004. С. 281.

России. По представлению Дитерихса 17 сентября Колчак повелел Ставку в настоящем ее составе расформировать, а главнокомандующему Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточным фронтом. Взамен упраздняемой Ставки решено было сформировать новый штаб Верховного главнокомандующего, разработка штатного расписания которого возлагалась на Головина. Впредь до формирования штаба Верховного главнокомандующего и штаба Главнокомандующего Восточным фронтом главнокомандующему фронтом генералу Дитерихсу предписывалось исполнять обязанности и начальника штаба Верховного главнокомандующего³⁵. С этого времени, возможно сам того не подозревая, Колчак лишился организационного аппарата, посредством которого он выполнял функции Верховного главнокомандующего. Эти функции отныне перешли к Дитерихсу.

Обратим внимание на то, что Головин, с начала августа 1919 г. рассматривавшийся Колчаком как главный кандидат на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, в предлагаемую ему должность так и не вступил. По словам П.Ф. Рябикова, он «заболел, видимо, страдая от последствий ран, полученных во время Первой мировой войны, и [...] эвакуировался еще до сдачи Омска»³⁶. Но отъезд Головина был связан не только, и не столько с его болезнью. По свидетельству личного адъютанта Верховного правителя ротмистра В.В. Князева³⁷, генерал Головин, «ознакомившись с положением фронта в штабе и объехав многие позиции», сказал Колчаку: «К величайшему сожалению мой приезд в Сибирь к Вам, Александр Васильевич, подобен вызову врача к больному, у которого остановился пульс». После чего Головин «в глубокой печали распрощался с адмиралом и уехал во Францию». На Князева его отъезд произвел впечат-

---

³⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 102.

³⁶ Рябиков П.Ф. Указ. соч.

³⁷ Князев Владимир Васильевич (1884 — не ранее 1971) — штабс-ротмистр старой армии. Служил в 3-м уланском Смоленском императора Александра III полках. В 1915 г. состоял в штабе 9-й армии. Был в дружеских отношениях с генерал-квартирмейстером штаба этой армии генералом Н.Н. Головиным; по его представлению награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость». В 1915–1917 гг. — старший адъютант командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта. С 3 сентября 1918 г. — старший адъютант управления Уфимской местной бригады. С ноября 1918 г. — старший адъютант Верховного правителя адмирала Колчака. Произведен в ротмистры. С ноября 1919 г. находился на службе в сырьевом отделе министерства снабжения — «готовил меха для Сан-Францисского аукциона». Эмигрировал в Канаду.

ление «отъезда с похорон»³⁸.

От себя добавим, что Головин ехал почти через весь Земной шар из Франции в Сибирь, чтобы в качестве ближайшего помощника Колчака возглавить руководство боевыми операциями против красных на востоке России. Однако ко времени его прибытия в Омск эти полномочия уже принял на себя Дитерихс, который оставил за Головиным роль почти ничего не решающего «статиста» при адмирале Колчаке. Возвращение Головина за границу в меньшей степени связано было с его болезнью и катастрофическим положением на фронте, а в большей степени — с невозможностью реализовать имеющийся у него потенциал.

27 сентября 1919 г. генерал Дитерихс утвердил вновь разработанный временный штат штаба Верховного главнокомандующего, в структуре которого имелись управление генерал-квартирмейстера, состоящее из оперативного и разведывательного отделов, и управление дежурного генерала, в состав которого входили отдел Генерального штаба и по общим вопросам, инспекторский отдел, общий отел, а также управление коменданта главной квартиры. Всего в штабе предполагалось иметь 50 офицеров и чиновников³⁹.

Генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем 5 октября 1919 г. был назначен генерал М.А. Иностранцев⁴⁰, которого вскоре заменил генерал М.И. Занкевич. В функции управления генерал-квартирмейстера, по характеристике П.Ф. Рябикова, входило «объединение в широко-стратегическом смысле операций на всех фронтах белой борьбы, поддержание с ними связи, сношение с иностранными государствами и глубокая (заграничная) разведка. Дежурным генералом при Верховном главнокомандующем был назначен генерал А.И. Калишевский. Однако управление дежурного генерала, в функции которого входило ведение дел по высшим назначениям в армии, так и не успело сформироваться⁴¹.

Из состава расформированного штаба Верховного главнокомандующего бывшее управление 3-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, будучи преобразованным в мобилизационно-организационный отдел, и управление инспектора ремонтов были переданы в состав военного министерства с непосредственным

---

³⁸ «Жизнь за всех и смерть за всех». Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева // Адмирал Александр Васильевич Колчак: Сб. М.: Патриот, 1991. С. 84–85.

³⁹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 2 ноября.

⁴¹ Рябиков П.Ф. Указ. соч. С. 281–282.

подчинением помощнику министра по мобилизационно-организационной части. Бывшее управление главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем переименовывалось в управление военных сообщений при военном министерстве с упразднением из его состава этапно-транспортного отдела. В состав военного министерства был также передан военно-топографический отдел бывшего управления 1-го генерал-квартирмейстера (за исключением полевой топографической части). Контрразведывательный отдел штаба Верховного главнокомандующего передавался в состав военно-административного управления Восточного фронта⁴².

В новом, усеченном, виде Ставка превратилась всего лишь в некий внешний символ военной власти Колчака, без какой-либо возможности влиять на военно-оперативную обстановку на востоке России. Фактически адмирал Колчак как Верховный главнокомандующий оказался изолированным от подчинявшихся ему вооруженных сил. А как Верховный правитель он лишился реальной опоры на армию. Данное положение, сложившееся в сентябре — октябре 1919 г. под влиянием генерала Дитерихса, явилось важнейшей предпосылкой поражения антибольшевистских вооруженных сил на востоке страны и краха политического режима адмирала Колчака.

---

⁴² Московская группа армий. 1919. 27 октября.

С.П. Звягин

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ПРАКТИКА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(середина 1918–1919 г.)**

Отечественная историография репрессивной политики антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы гражданской войны насчитывает сотни названий. В газетах тех лет, в мемуарной и научно-исследовательской литературе можно найти большое количество упоминаний об арестах как подлинных (подпольщики, повстанцы, партизаны), так и мнимых (обыкновенные обыватели) противников существовавших контрреволюционных режимов. В то же время в источниках и литературе крайне мало сведений о том, как происходило освобождение из мест заключения тех, кто отбыл положенный срок лишения свободы, был оправдан по суду или содержался под стражей временно, до выяснения обстоятельств.

Между тем, освобождение такого рода арестованных являлось одним из важных вопросов в деятельности администрации мест заключения. В решении этой задачи можно выделить два пути. Первый — это освобождение, основанное на соответствующих нормативно-правовых актах. Здесь прослеживается несколько разновидностей.

Во-первых, истечение срока заключения. В январе 1919 г. ведущий военной командой Иркутской военного городка доложил Иркутскому губернскому комиссару П.Д. Яковлеву о том, что им освобождено 10 человек. Эти люди вышли на свободу «как отбывшие срок». Они были арестованы по постановлению Иркутской следственной комиссии от 24 декабря 1918 г.¹ 17 июля 1919 г. минусинская газета сообщила, что из местной тюрьмы освобождено 73 человека, которые ранее были арестованы «в порядке охраны»².

Во-вторых, освобождение могло состояться по решению следственных комиссий. Их работа по разбору дел арестованных по обвине-

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-4687. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

² Минусинский край. 1919. 17 июля.

нию в поддержке советской власти входила в сферу деятельности губернских (областных) комиссаров. В июле — августе 1918 г. такие комиссии были образованы в Иркутске, Черемхово, Нижнеудинске, Киренске и других городах Иркутской губернии. Они имели право освобождать тех, против кого нельзя было предъявить какое-либо обвинение, а также могли передавать в распоряжение следственных властей преступников и в распоряжение военного штаба — участников боев против Сибирской армии или тех, кто был взят с оружием в руках.

В 1924 г., давая показания в Москве в ОГПУ, П.Д. Яковлев отмечал, что возглавляемая им следственная комиссия занималась делом о партизанском отряде анархиста Н.А. Каландаришвили³, сдавшегося в октябре 1918 г. военным властям. «Все подростки были освобождены, — сообщил он, — [а] часть командиров была оставлена до суда Учредительного собрания»⁴. По данным Н.А. Скориковой, это не совсем так. Г.П. Константинов, который долгое время был сотрудником Государственного архива Иркутской области, в личной беседе рассказал названной исследовательнице о том, что его отцу и дяде, принимавшим участие в партизанском движении в Иркутской губернии в годы гражданской войны, приходилось сталкиваться с П.Д. Яковлевым. Пимен и Николай Константиновы провели под арестом несколько дней, а затем по приказу П.Д. Яковлева были выпороты. Оскорбленные подростки поклялись отомстить своему обидчику.

В январе 1919 г. по приказу П.Д. Яковлева была ликвидирована Иркутская следственная комиссия. Все неоконченные и вновь начатые дела передавались для дальнейшего производства в комиссию, состоявшую при главе губернского управления. Оценить работу этих организаций, по мнению Н.А. Скориковой, трудно. Так, на одном из заседаний съезда управляющих уездами в феврале — марте 1919 г. П.Д. Яковлев заявил, что деятельность комиссий нельзя признать удовлетворительной, так как они не обладают тем аппаратом, при помощи которого можно было бы производить достаточно полные дознания и «устанавливать виновность всех действительно виновных». Из-за этого многим причастным к большевизму удалось, по его выражению, «улизнуть» от наказания⁵.

---

³ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2. (1918–1925). Омск, 1996. С. 38.

⁴ Показания Павла Дмитриевича Яковлева / Подготовка к печати Е.Б. Шободоева // Сибирский архив: научно-популярн. историко-краеведческ. сб. Вып. 1 / Ред. Н.К. Шестакова. Иркутск: Отгиск, 2000. С. 44.

⁵ ГАИО. Ф. Р-285. Оп. 1. Д. 5. Л. 224.

По его же заявлению, сделанному в 1924 г. в ОГПУ, эти комиссии действовали формально, давая лишь условные наказания и отпуская на поруки всех желающих пленных красноармейцев⁶. Сейчас невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения в полной мере. В фондах Государственного архива Иркутской области нами обнаружен ряд постановлений Иркутской губернской следственной комиссии, например, по делу помощника комиссара Забайкальской железной дороги В.И. Кондратьева и секретаря «Совдепа Новониколаевской области» И. Литвака. В обоих случаях виновные в «антигосударственных преступлениях» подлежали содержанию под арестом и передаче политическому суду⁷.

20 июля 1919 г. начальник Главного управления мест заключения (ГУМЗ) П.К. Гран в очередной раз обратился к деятельности следственных комиссий. В тот день он подписал циркуляр, в котором с целью «разгрузки» тюрем просил управляющих губерниями (областями) ускорить деятельность следственных комиссий по рассмотрению дел арестованных⁸.

В-третьих, даже в условиях гражданской войны власти Сибири допускали либерализацию исполнения наказания. Здесь были возможны два варианта. Первый предусматривал участие общественности. 28 июня 1918 г. газета «Воля Сибири» сообщила о том, что при Енисейском губернском комиссариате Временного Сибирского правительства создана специальная комиссия по освобождению заключенных. В ее состав предлагалось делегировать представителей от политических партий и общественных организаций⁹.

Второй вариант предполагал изменение вида санкции или сокращение срока наказания. Как вспоминала впоследствии большевичка Р. Валек, ей 1 апреля 1919 г. был вынесен смертный приговор. 16 апреля 1919 г. меру наказания заменили двадцатью годами каторги¹⁰.

21 февраля 1919 г. управляющий Енисейской губернией П.С. Троицкий сообщил в тюремное отделение министерства юстиции, что им приняты меры по возобновлению работы комиссии по досрочному освобождению¹¹.

---

⁶ Показания Павла Дмитриевича Яковлева ... С. 43.

⁷ Скорикова Н.А. К вопросу о состоянии иркутских тюрем в период гражданской войны // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 3 (15) / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Отгиск, 2006. С. 225.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 14. Л. 35.

⁹ Воля Сибири. 1918. 28 июня.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 68. Л. 11-12.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 4. Д. 40. Л. 1-2.

10 июня 1919 г. начальник ГУМЗ П.К. Гран подписал циркуляр на имя управляющих губерниями (областями). Дело в том, что еще 22 июня 1909 г. был принят закон об условно-досрочном освобождении. Его цель заключалась в том, чтобы «побудить и развить в лицах, отбывающих наказание, стремление к самоисправлению». Этого, по мнению начальника ГУМЗ, можно было добиться путем сокращения срока лишения свободы. Однако на практике эта мера применялась редко.

П.К. Гран просил напомнить начальникам тюрем о необходимости постоянного неослабленного наблюдения за заключенными. Следовало представлять к данной льготе только тех «лиц, поведение которых, характер и весь нравственный облик дают основание полагать, что применение благоприятно воздействует и укрепит волю быть хорошим».

Начальник ГУМЗ рекомендовал управляющим губерниями и областями предложить тюремным инспекторам наблюдать за «возбуждением» вопроса от начальников тюрем об условно-досрочном освобождении¹².

Вскоре было опубликовано сообщение министерство юстиции об условно-досрочном освобождении. В нем говорилось, что в министерстве готовится соответствующий закон. В прежнем нормативном акте заключенного могли освободить, когда он пробыл в заключение не менее шести месяцев. Теперь юристы министерства предлагали, чтобы осужденный пробыл в заключении не менее половины назначенного срока¹³.

1 августа 1919 г. было принято постановление Совета министров об изменении статьи первой постановления Временного правительства от 1 августа 1917 г. об условно-досрочном освобождении. Теперь она предлагалась в следующей редакции:

1. Приговоренные к заключению в тюрьме могут быть условно освобождены по отбытии не менее $\frac{1}{2}$ срока;

2. В исправительно-арестантском отделении или исправительном доме не за половину срока, но и не менее шести месяцев;

3. Бессрочно каторжные могли оставить каторжные работы через 12 лет. Мотив предложенных изменений заключался в воспитании заключенных и разгрузке мест заключения¹⁴.

Второй вариант освобождения был типичен для России. Он заключался в том, что усилия прилагали определенные должностные лица. В первую очередь это относится к руководителям губерний (об-

---

¹² ГАРФ. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 11. Д. 18. Л. 257.

ластей). Активным в этом отношении был тот же П.Д. Яковлев. На допросе в ОГПУ 1 октября 1924 г. он сообщил, что в декабре 1918 г. им в два приема была освобождена партия челябинских большевиков, многие из которых в Челябинске были приговорены к смертной казни. П.Д. Яковлев признался, что для этих людей он все-таки оставался тюремщиком. Однако, встречаясь со многими из них, он, по его словам, слышал признание их в том, что спас жизнь не одной сотни из них. П.Д. Яковлев считал, что он спас таких крупных большевиков, Я.Д. Янсон, Я.Б. Шумяцкий, Я. Минскер, Шашевский¹⁵.

27 ноября 1918 г. Иркутский губернский комиссар П.Д. Яковлев предписал начальнику Иркутской губернской тюрьмы освободить Ф.В. Шестопалова с передачей его на поруки чешскому коменданту железнодорожной станции Иннокентьевская¹⁶.

В последнее воскресенье апреля 1919 г., которое пришлось на Пасху, управляющий губернией П.Д. Яковлев направил в Александровский централ телефонограмму. Она содержала такой приказ: «Содержащихся под стражей граждан в административном порядке по постановлениям милиции, мной утвержденным, по случаю праздника Святого Христова Воскресенья из под стражи освободить». Текст телефонограммы был обнародован¹⁷.

Историк Н.А. Скорикова назвала эти действия «актом милосердия, особенно заметные на фоне гражданской войны». Они, по мнению названного автора, были «использованы П.Д. Яковлевым для укрепления своей позиций»¹⁸.

Здесь уместно указать на три обстоятельства. Во-первых, упрекая П.Д. Яковлева, следует вспомнить принцип «презумпции невиновности». Во-вторых, даже гуманный акт ставится в вину чиновнику, тем более колчаковскому. В-третьих, Н.А. Скорикова пишет это, не зная П.Д. Яковлева. Член Учредительного собрания М.А. Кроль знал его лично и считал порядочным человеком¹⁹.

7 октября 1919 г. управляющий Иркутской губернии П.Д. Яковлев

---

¹⁵ Показания Павла Дмитриевича Яковлева ... С. 48.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3352. Оп. 1. Д. 1363. Л. 265.

¹⁷ Иркутские губернские ведомости. 1919. 27 апреля.

¹⁸ Скорикова Н.А. Общественно-политическая жизнь в Иркутской губернии в годы гражданской войны // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг. / Отв. ред. и сост. В.Ж. Цветков. М.: Посев, 2005. С. 262.

¹⁹ Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.-Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С. 466–509.

направил в МВД повторную просьбу об освобождении под залог арестованного по политическим мотивам И. Мартынова. Однако 17 октября 1919 г. товарищ министра внутренних дел уведомил П.Д. Яковлева о том, что эта его просьба министром В.Н. Пепеляевым отклонена²⁰.

Из отчета в МВД от 5 марта 1919 г. управляющего Енисейской губернии П.С. Троицкого можно узнать, что по его распоряжению из местной тюрьмы был выпущен весь состав Канского совета рабочих и солдатских депутатов²¹.

В судьбе заключенного могли принять участие и другие должностные лица. 20 июня 1919 г. местная газета сообщила о том, что минусинский уполномоченный министерства снабжения возбудил ходатайство об отпуске одного из арестованных под свое поручительство или залог²².

В Енисейской губернии за своего арестованного коллегу вступилось чрезвычайное Ачинское уездное земское собрание. 11 марта 1919 г. земцы направили телеграмму Верховному правителю А.В. Колчаку, министру внутренних дел, министру юстиции, военному министру, в которой они просили под свое поручительство освободить содержащегося в Красноярской тюрьме члена Ачинской уездной земской управы А. Нестерова. Исполнявший обязанности директора департамента МВД В.Н. Агарев запросил соответствующих должностных лиц в Красноярске и Ачинске данные о А. Нестерове²³.

17 октября 1918 г. в одной из сибирских газет было опубликовано предложение Иркутского губернского комиссара труда, социалста-революционера С.М. Третьяка. Он предлагал правительству в честь начала работы Государственного совещания в Уфе объявить амнистию арестованным рабочим и политическим заключенным²⁴.

В таких случаях освобождение обычно происходило на определенных условиях. Во-первых, требовалось личное поручительство. В 1919 г. бывший министр снабжения Временного Сибирского правительства И.И. Серебренников для того, чтобы вызволить из Иркутской тюрьмы близкого родственника, обошел нескольких чиновников: управляющего губернией, прокурора Иркутского окружного суда, губернскую следственную комиссию, военную контрразведку, канцелярию начальника военного района. В конце концов этого человека осво-

---

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-4687. Оп. 1. Д. 25. Л. 43, 45.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 2. Л. 14.

²² Минусинский край. 1919. 20 июня.

²³ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 33. Л. 14–15.

²⁴ Думы Алтая. 1918. 17 октября.

бодили под личное поручительство бывшего члена правительства²⁵.

Зачастую арестованные сами составляли списки и передавали их на волю особой группе рабочих, которые находили людей, согласных взять на поруки одного или нескольких заключенных. Процедура эта проходила на законных основаниях через Иркутскую губернскую следственную комиссию.

В Государственного архива Иркутской области сохранились сделанные карандашом списки на 85 человек, подлежащих освобождению в конце декабря 1919 г. из прибывшего в город «эшелона смерти». Они не были никем и ничем заверены, однако их подлинность, как считает Н.А. Скорикова, несомненна²⁶. Также сохранилось семь удостоверений, выданных теперь уже бывшим арестантам. В них говорилось следующее: «Арестованный [...] действительно выдан на поруки [...] комендантом эш[елона] № 342 подпоручиком Новак, что подписью и приложением печати удостоверяется. Приказ губернского комиссара от 23 декабря 1918 г. № 31513».

Здесь же имеется и сам указанный приказ: «Станция Иркутск. Переселенческая платформа. Начальнику эшелона № 342. При сем препровождаю список на 28 заключенных, подлежащих освобождению ввиду ручательства за них. Все вопросы об освобождении прошу направлять мне на разрешение. В прошении должен быть указан точный и подробный адрес поручителя, а также и его ручательство за то, что освобожденный явится сразу к суду и следствию по первому зову»²⁷. Сколько всего было принято эшелонов и сколько пленных было освобождено, пока установить не удалось. П.Д. Яковлев называл цифру в пять тысяч человек. Однако он, по мнению Н.А. Скориковой, явно преувеличивал. У главы губернии при всем желании не хватило бы на это сил. Не позволяло это сделать и состояние губернских тюрем²⁸.

В декабре 1918 г. из Балаганской тюрьмы был освобожден М.П. Мельников, приговоренный к смертной казни. Его, как психически больного, взяло на поруки население Осинской и Тихоновской волостей²⁹. Остается только удивляться, как мог быть вынесен приговор недееспособному человеку.

В начале января 1919 г. после трех месяцев заключения был освобожден бывший товарищ председателя следственной комиссии при

---

²⁵ Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. Тяньцзин, 1937. С. 246.

²⁶ Скорикова Н.А. К вопросу... С. 226.

²⁷ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 341. Л. 167-169 об.

²⁸ Скорикова Н.А. К вопросу ... С. 228.

²⁹ Борисова В.Г. Судьба его трагична // Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 190.

советской власти Н.Н. Селянин³⁰. В июне 1919 г., судя по его воспоминаниям, вышел на свободу В.А. Орлов³¹.

Освобождение на поруки было распространенным явлением. Достаточно сказать, что переписка Иркутской следственной комиссии по этому вопросу с 28 декабря 1918 по 3 ноября 1919 г. составила целое архивное дело.

Отмечена практика, когда взятие на поруки было небескорыстным. 17 февраля 1919 г. товарищество «Ясинский и К^о» обратилось в Иркутскую губернскую следственную комиссию с просьбой освободить под ее поручительство пятерых крестьян для заготовки железнодорожных шпал³².

В Государственного архива Иркутской области сохранилось несколько прошений на имя Иркутского губернского комиссара П.Д. Яковлева о взятии на поруки содержащихся под стражей бывших красноармейцев. Случалось, поручившееся лицо набирало до 15 человек. Нередко их использовали как дешевую рабочую силу в частных мастерских³³.

Во-вторых, освобождение могло происходить на условиях установления надзора. Так, в августе 1918 г. из Иркутской тюрьмы под надзор милиции была отпущена Е. Федорова. Она ехала в Омск и была случайно арестована. Однако никаких улик против нее не оказалось и ее отпустили³⁴. В феврале 1919 г. были освобождены под надзор управляющих губерний (областей) и уездных следственных комиссий 30 человек³⁵.

В-третьих, практиковалось внесение залога. 16 октября 1918 г. в Красноярске под залог в 500 руб. освободили заведующего биржей труда большевикам А.С. Гендлина³⁶. 30 марта 1919 г. под залог получил свободу непричастный к хищению платины владелец торгово-промышленной конторы «Урвост» П.М. Медников³⁷.

---

³⁰ Уральская жизнь. 1919. 11 января.

³¹ Орлов В.А. Записки о прошлом // Люди большевистского подполья Урала и Сибири 1918–1919. М., 1988. С. 60.

³² ГАРФ. Ф. Р-4687. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–191.

³³ Скорикова Н.А. К вопросу ... С. 226.

³⁴ Федорова Катя. Как мы боролись за советскую власть // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. И.Н. Смирнова, И.П. Флеровского и Я.Я. Грунта; Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП (большевиков). М.: Гос. изд-во, 1926. С. 220.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4687. Оп. 1. Д. 25. Л. 40–41.

³⁶ Воля Сибири. 1918. 18 октября.

³⁷ Уральская жизнь. 1919. 1 апреля.

В-четвертых, своеобразный шанс «освободиться» дала сама власть. Чтобы не отвлекать войсковые части на карательные экспедиции, Российское правительство попыталось создать особые отряды. Постановлением правительства от 25 февраля 1919 г. были учреждены отряды милиции особого назначения. Совет министров рассматривал их как боевые части для охраны и восстановления государственного порядка и общественного спокойствия, как резерв для формирования милиции в местностях, освобожденных от советской власти и, наконец, как школу подготовки опытных чинов милиции³⁸.

Вот какие задачи ставил перед таким отрядом управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев: «поддерживать в нужную минуту авторитет и власть правительства, освободить регулярные войска от милицейской в сущности службы на внутренних фронтах, ликвидировать разбойничьи банды, мешающие деревне спокойно работать»³⁹.

В этой связи руководитель губернии принял креативное решение. По воспоминаниям участников гражданской войны 5 мая 1919 г. управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев и начальник создаваемого отряда особого назначения при управляющем губернией капитан Ф.С. Решетин посетили Александровский централ. Из каждой камеры они вызвали представителей и предложили им подобрать охотников служить в отряде особого назначения. Вступившим в отряд были обещаны обмундирование, жалование и хорошая пища.

Вопрос о вступлении в колчаковскую милицию заключенные, судя по воспоминаниям, передали на решение Иннокентьевского подпольного комитета партии большевиков. Согласие было получено, но комитет указал, что «выдаваемое оружие должно пойти против колчаковских войск и интервентов».

По этому вопросу среди заключенных не было единого мнения. Одни были за вступление в отряд, рассчитывая таким путем вырваться на свободу и вновь начать борьбу против контрреволюции. Другие расценивали вступление в белогвардейский отряд как переход в лагерь прямых врагов советской власти и предлагали попытаться в создавшейся обстановке выйти из тюрьмы путем восстания.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Иннокентьевский районный комитет партии большевиков обратился в вышестоящий орган — Иркутский губернский комитет. Тот также санкционировала вступление в отряд особого назначения пленных красноармейцев и политических заключенных⁴⁰.

---

³⁸ Правительственный вестник. 1919. 14 марта.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 2. Д. 8. Л. 13.

Вскоре 144 человека записались в отряд и были отправлены из Александровского централа в Иркутск на формирование. Многие из них попали во 2-ю роту отряда особого назначения.

Управляющий губернии П.Д. Яковлев понимал ненадежность подобного пополнения. Поэтому 26 июня 1919 г. он сообщил министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву о том, что по соглашению с начальником отряда особого назначения капитаном Ф.С. Решетиным в отряде учреждено «внутреннее освещение». Объектом слежки была жизнь отряда и поведение «выделяющихся одиночек». Предполагалось иметь в каждом взводе три — пять информаторов. Опасения властей были оправданы, ибо некоторые из заключенных, судя по воспоминаниям, вступили в отряд по согласию Иннокентьевского большевистского подпольного комитета⁴¹. Уже к концу мая 1919 г. иркутские большевики считали этот отряд на 75 % «своим»⁴².

В итоге отряд особого назначения насчитывал 46 офицеров, три чиновника военного времени, одного врача и 1086 нижних чинов, всего 1136 человек. В августе 1919 г., пройдя обучение и получив оружие, часть этого отряда перешла к партизанам⁴³.

Как и любое сложное дело, связанное с лишением человека свободы, освобождение было связано с настоящими или мнимыми ошибками. Что касается первого, то можно продолжить, что на волне демократизации, вызванной Февральской революцией 1917 г., было совершено немало непродуманных поступков. Так, Иркутский губернский комиссар того времени И.А. Лавров информировал Комитет общественных организаций о то, что к маю 1917 г. из Иркутской губернской тюрьмы и обеих Александровских тюрем было освобождено около семи тысяч уголовных преступников, тогда как в заключении осталось еще 795 человек⁴⁴.

15 августа 1919 г. Енисейский губернский тюремный инспектор известил ГУМЗ, что в Красноярской губернской тюрьме по очевидной ошибке освободили И.Я. Терского вместо И.Е. Терского⁴⁵.

---

⁴⁰ Красное знамя (Братск). 1957. 14 июля.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 2. Д. 8. Л. 14, Оп. 8. Д. 35. Л. 81; РГАСПИ. Ф. 6. Оп. 2. Папка 12. Д. 5. Л. 3.

⁴² Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть советов (1918–1920 годы). Красноярск, 1962. С. 108.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р. 147. Оп. 2. Д. 8. Л. 14, Оп. 8. Д. 35. Л. 81; РГАСПИ. Ф. 6. Оп. 2. папка 12. Д. 5. Л. 3.

⁴⁴ Иркутская жизнь. 1917. 24 мая.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 15. Л. 41.

Что касается второго, то 18 января 1919 г. председатель Челябинской следственной комиссии Зарубин обратился к министру юстиции С.С. Старынкевичу. Он сообщал о том, что из Иркутской губернской тюрьмы по распоряжению управляющего Иркутского губернией П.Д. Яковлева освобождаются (по объяснению самих заключенных. — С.З.) лица, которые Челябинской следственной комиссией лишены свободы до суда Учредительного собрания. Зарубин просил принять срочные меры по недопущению подобного.

Видимо, этот документ был передан в МВД. 20 февраля 1919 г. директор департамента милиции МВД В.Н. Пепеляев известил управляющего Иркутской губернией П.Д. Яковлева о том, что такая информация дошла до МВД. В связи с этим министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер приказал доложить ему обо всех случаях освобождения. Следовало сообщать о том, по чьему распоряжению это было сделано, организовать розыск и снова водворить в тюрьму⁴⁶.

Второй вариант освобождения был связан с выбором самих арестантов. Во-первых, существовал такой традиционный способ как побег⁴⁷. В описываемый период они были облегчены тем, что администрация мест заключения активно привлекала арестантов к работам вне стен мест заключения. 23 февраля 1919 г. Иркутский губернский тюремный инспектор доложил в тюремное отделение министерства юстиции о побеге с сельскохозяйственной фермы Иркутской губернской тюрьмы четырех заключенных⁴⁸.

Через день, 25 февраля 1919 г., тот же инспектор сообщил в Омск о том, что 30 января 1919 г. из Базановского воспитательного дома бежал заключенный Преображенский. Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, по словам инспектора, «энергично» требовал заключенных его для ремонта данного учреждения⁴⁹. Иногда беглецов ловили. 1 августа 1919 г. Енисейский губернский тюремный инспектор доложил в ГУМЗ о поимке Кузнецова⁵⁰.

Во-вторых, освобождение могло прийти извне. Речь идет о нападениях на тюрьмы. Утром 11 июля 1918 г. анархисты напали на Иркутскую губернскую тюрьму. Было освобождено около 500 уголовных

---

⁴⁶ Там же. Ф. Р-147. Оп. 9. Д. 5. Л. 3–4.

⁴⁷ См., например: *Шайдунова Г.А.* Побег как одна из форм борьбы политических арестантов с режимом содержания в Иркутской тюрьме (из истории нескольких побегов) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Вып. 4 (16) / Ред. кол.: В.М. Андреев и др. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 230–238.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 14. Л. 29.

⁴⁹ Там же. Л. 31.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 15. Л. 36.

заключенных. Вскоре поймали 20 беглецов, а четверо вернулись сами⁵¹. Остальные пополнили уголовный мир региона.

31 января 1919 г. Иркутский губернский тюремный инспектор сообщил в тюремное отделение министерство юстиции о захвате Бодайбинской тюрьмы. Тогда на свободе оказались почти 200 человек, причем 27 заключенных вернулись сами. В Омск был направлен список фамилий сбежавших⁵².

6 февраля 1919 г. произошло нападение на тюрьму в Енисейске. Было убито несколько офицеров и выпущены заключенные. По мнению Б.И. Копеева, это сделали рабочие и солдаты местного гарнизона⁵³. Енисейский губернский тюремный инспектор только 4 марта 1919 г. доложил в тюремное отделение министерства юстиции о том, что в ночь на 6 февраля произошел захват Енисейской тюрьмы. Было выпущено 144 заключенных, среди них 39 политических и 95 уголовных. Причем личные дела политических нападавшие забрали с собой⁵⁴.

Начальник ГУМЗ П.К. Гран был обеспокоен скорейшим восстановлением указанных документов. Об этом он дважды, 22 апреля и 11 июня 1919 г., просил управляющего Енисейской губернией П.С. Троицкого⁵⁵.

В-третьих, заключенные могли организовать восстание. Власти учитывали эту возможность. 11 июля 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор П.Г. Бурлин сообщил министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву, что по имеющимся сведениям на 4 июля намечено повсеместное освобождение из тюрем. Оно начнется вечером, когда надзиратели будут проверять наличие заключенных. Паролем будет просьба надзирателю: «Прибавь свету». Затем должно следовать нападение. Заключенные планировали переодеться в форму надзирателей и покинуть тюрьмы. Эта информация была расписана управляющему Акмолинской областью, начальнику ГУМЗ, товарищу министра юстиции⁵⁶. Однако тогда восстания не произошло.

Как писали советские историки, еще в начале августа 1919 г. Иркутский губернский комитет партии большевиков обязал Иннокентьевскую подпольную партийную организацию обеспечить освобождение

---

⁵¹ Свободный край. 1918. 18 июля.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 14. Л. 15.

⁵³ Копеев Б.И. Восстания рабочих и солдат против колчаковщины в городах Сибири 1918–1919 гг.: дипломная работа / Науч. рук. В.Т. Агалаков // ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 4. Д. 81. Л. 93.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 15. Л. 6–7.

⁵⁵ Там же. Л. 8–9.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 19. Л. 212.

Александровского централа. На совместном заседании иннокентьевских подпольщиков и штаба партизанского отряда Н.А. Каландарашвили был разработан соответствующий план, предполагавший следующие действия: 1) на время подготовки освобождения всем подпольщикам влиться в отряд Н.А. Каландарашвили; 2) одновременно с нападением отряда поднять восстание внутри самого Александровского централа; 3) усилить работу среди воинских частей, охранявших централ; 4) наладить регулярную связь с политическими заключенными; 5) военному отделу организации обеспечить участников операции оружием и боеприпасами; 6) паспортному отделу заготовить документы на случай необходимости перехода на нелегальное положение⁵⁷.

Восстание в центре также подготавливалось по указанию Иркутского губернского комитета большевиков. Это было связано с тем, что в каторжной и пересыльной тюрьмах среди трех тысяч политических заключенных находились видные партийные и советские работники. Они могли оказать большую помощь в подпольной работе и в развертывании партизанского движения в губернии. Иркутский губернский комитет действовал через посредство большевистской организации села Александровское⁵⁸.

Александровская партийная группа начала вести агитацию среди солдат охраны и надзирателей тюрьмы. Большую помощь в этом ей оказал один из офицеров — М.Р. Багаев⁵⁹. В начале августа 1919 г. политзаключенным стало известно, что нападение партизан назначено на 10 августа. В тот же день должно было произойти и восстание. В связи с этим во втором корпусе тюрьмы был образован штаб по руководству восстанием. В него вошли Г.М. Кувалдин, Н. Иванов, И. Газукин, И. Капустин, Щур. С большими предосторожностями они разработали план восстания. Через тюремный комитет штаб дал указание, соблюдая строгую конспирацию, сформировать группы в каждом корпусе и в каждой камере из проверенных людей. Они должны были руководить действиями заключенных в момент восстания.

Однако отряд Н.А. Каландарашвили не подошел к назначенному времени. Восстание отменили. Штаб решил предпринять попытку освобождения собственными силами заключенных. Выступление планировалось в середине сентября 1919 г. Но неожиданно для политических заключенных ночью 12 сентября на село напал партизанский

---

⁵⁷ Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1960. С. 60.

⁵⁸ Тимофеев И.А. Хроника борьбы за власть советов в Восточной Сибири 1917–1920 гг. Иркутск, 1937. С. 80–81.

⁵⁹ Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска ... С. 63.

отряд Н.А. Каландарашвили.

Этот налет был осуществлен по прямому указанию иркутской партийной организации, получившей сообщение о срыве восстания, намеченного еще на август 1919 г. Такое развитие событий, поведение Н.А. Каландарашвили наводит на мысль о невысокой степени согласованности участников событий. Однако, услышав выстрелы, заключенные пересыльной тюрьмы тотчас подняли восстание, так как были к нему в основном уже готовы.

Однако восстание было жестоко подавлено. Только в первые дни было арестовано около 150 человек. По мнению советских авторов, побег 420 заключенных, среди которых большинство составляли пленные красноармейцы и революционные рабочие, а также партийные работники, имел большое значение. По сведениям М.Н. Ербанова, бежало 580 заключенных и 109 солдат местной охранной команды⁶⁰.

Действительно, министр внутренних дел В.Н. Пепеляев 16 сентября 1919 г. сообщил помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу-майору А.И. Андогскому: «Из охранявшегося Александровскую тюрьму воинского отряда значительная часть перешла к красным при нападении на тюрьму банды Каландарашвили в ночь на 12 сентября»⁶¹.

Неудача восстания советские историки объясняли тем, что на помощь гарнизону немедленно прибыли сильные карательные отряды, с которыми самостоятельно заключенные справиться не могли. Партизанские части, которые должны были напасть на централ, не подошли в намеченный срок. Они в это время вели упорные бои с колчаковцами и белочехами, отправленными им навстречу из Иркутска, Черемхова и Балаганска⁶².

17 сентября 1919 г. о нападении на Александровский централ сообщил правительственный печатный орган. Причем, в отличие от данных М.Н. Ербанова, в нем было указано, что 580 заключенных отказалось выйти на свободу⁶³. Можно предположить, что для них последствия поимки были хуже режима содержания. Так же поступила часть заключенных Омской областной тюрьмы 22–23 декабря 1918 г.

---

⁶⁰ Ербанов М.Н. В рядах Иркутской подпольной большевистской организации // Бойцы революции: Сб. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1980. С. 188.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 2. Д. 149. Л. 44.

⁶² Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска ... С. 63.

⁶³ Правительственный вестник. 1919. 17 сентября.

⁶⁴ Звягин С.П. Эсеры и репрессивная политика режима А.В. Колчака // История партий эсеров, анархистов и меньшевиков в России: Материалы 4-й междунар. науч. конф. Владимир, 1995. Ч. 2. С. 76–81.

Они в ходе восстания отказались выйти из тюрьмы или в течение суток вернулись обратно, опасаясь сурового наказания⁶⁴.

В конце 1919 г. слухи о том, что в Иркутске произошел государственный переворот, стали причиной еще одного крупного восстания в Александровском центре. Оно началось 8 декабря 1919 г. Восстание было подавлено с невероятной жестокостью. Разъяренные белогвардейцы и белочехи согнали уцелевших — в большинстве раненых — во двор тюрьмы и в упор их расстреляли. Погибли 274 заключенных. Остальные были преданы военно-полевому суду⁶⁵. Очевидно, что эффективность восстания была невысокой. Свобода немногих была добыта гибелью нескольких сотен человек. Столько жертв не было даже в случаях расстрелов в тюрьмах.

Изучение функционирования пенитенциарной системы в Восточной Сибири дает основание утверждать, что арест и лишение свободы не являлись фатальной трагедией, не имевшей шансов на благополучный исход. Существовало немало способов, чтобы вновь обрести свободу, в том числе такие радикальные, как побеги, нападение на тюрьмы и восстания.

Наконец, даже в условиях гражданской войны при господстве контрреволюционных режимов сохранялись разнообразные легальные способы выйти на свободу, не противоречившие действовавшему законодательству: отбытие срока наказания, освобождение под надзор, под залог или под поручительство. Были установлены основания и применялось условно-досрочное освобождение. Тем самым, пребывание в тюрьме отнюдь не означало для заключенных окончания жизни.

---

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 36. Л. 4.

В.А. Шулдяков

«АННЕНКОВЩИНА» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

«Атаманщина» («атаманство», «атамановщина») — понятие, достаточно широко используемое в мемуарной и исследовательской литературе по истории гражданской войны на востоке России. При этом авторы вкладывают в него разный смысл. Чаще всего под «атаманщиной» понимают произвол и злоупотребления военных властей («белый большевизм») или разновидность белого добровольческого движения с участием казачества. Реже в ней видят правое военнополитическое течение, стремившееся к установлению на подконтрольной территории жесточайшей диктатуры и даже собственных политических режимов¹. «Анненковщина», сибирско-туркестанский вариант «атаманщины», остается неизученной разновидностью этого яркого и противоречивого явления гражданской войны.

В последнее время возникли возможности для того, чтобы подступиться к данной теме². В.А. Гольцев широко использовал в своем исследовании протоколы судебного процесса 1927 г. над Б.В. Анненковым и его последним начальником штаба Н.А. Денисовым, а также ряд документов из архивов Комитета национальной безопасности Республики Казахстан. В.В. Марковчин опубликовал документы из следственного дела Б.В. Анненкова³, находящегося на хранении в Центральном архиве ФСБ России. Им опубликованы показания самого атамана и Н.А. Денисова, подборка приказов по Пар-

---

¹ См.: Шулдяков В.А. Атаманщина как феномен гражданской войны на востоке России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. История. С. 37–41; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 146.

² Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1. С. 53–69, 78–81, 106–122, 201–202; Кн. 2. С. 13–138; *Он же*. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 — феврале 1918 года // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2008. С. 158–188; Гольцев В.А. Атаман Анненков. Алматы, 2006. 404 с.; *Он же*. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009. 480 с.

³ Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. 352 с.

тизанской дивизии и фрагментов из них, ряд свидетельских показаний. Книга В.В. Марковчина, к сожалению, выполнена в научно-популярном ключе. В ней отсутствуют научно-справочный аппарат и даже поисковые данные документов. Тем не менее, если учесть, что следственное дело не реабилитированного атамана остается недоступным для исследователей (за исключением приказов по Партизанской дивизии, составляющих 3-й том), материалы, введенные в оборот В.В. Марковчиным, наряду и в сопоставлении с другими выявленными документами, представляются вполне репрезентативной базой для исследования.

Напомним, что Анненков родился 9 марта 1889 г. в семье потомственного дворянина Новгородской губернии, отставного полковника. В 1906 г. он окончил Одесский кадетский корпус, в 1908 г. — Александровское военное училище в Москве и, 15 июня 1908 г. произведенный в чин хорунжего со старшинством с 14 июня 1907 г.⁴, отправился служить в Семиречье в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк. П.Н. Краснов, командовавший этим полком в 1911–1913 гг., в мемуарах охарактеризовал Анненкова как «во всех отношениях выдающегося офицера», вместе с тем требовавшего «тяжелой руки»⁵. Служба шла своим чередом: 5 октября 1911 г. Анненков получил чин сотника со старшинством с 14 июня 1911 г. и в 1912 г. — орден Св. Станислава 3-й степени⁶.

С 30 октября 1914 г. сотник Анненков был командующим 5-й сотней 4-го Сибирского казачьего полка⁷. Попав с полком на Северо-Западный фронт, в условиях маневренной войны он сразу же продемонстрировал свои выдающиеся боевые качества. «За бой под сел. Бакаларжево и разведки на фронте Даркемена» был награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Затем последовали награждения орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. С 12 по 28 января 1915 г. сотня Анненкова успешно обеспечивала фланг 110-го пехотного Камского полка, а 29–31 января героически прикрывала отход из Восточной Пруссии к г. Сувалки 28-й пехотной дивизии⁸. В феврале 1915 г. Анненков с остатками своей сотни вышел из окружения в Августовских лесах к г. Гродно⁹. За прикрытие левого фланга 28-й пехотной дивизии он был на-

---

⁴ ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63. Л. 24 об.

⁵ Краснов П.Н. На рубеже Китая: Воспоминания. Париж, 1939. С. 97, 99, 107–108.

⁶ ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63. Л. 24 об.

⁷ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3513. Л. 5 об.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26976. Л. 1040–1041.

⁹ Сибирский казак. Харбин, 1941. Вып. 2. С. 29–30; Заика Л.М., Бобренев В.А.

гражден Георгиевским оружием¹⁰. Последней наградой Анненкова в 1915 г. стал орден Св. Анны 2-й ст. с мечами¹¹.

Двенадцатого декабря 1915 г. по рекомендации совещания полковых командиров дивизии сотник Б.В. Анненков был назначен начальником Партизанского отряда (Отряда особого назначения) Сибирской казачьей дивизии¹². Командование Партизанским отрядом принесло Анненкову новые награды. В апреле 1916 г. он получил мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. и 16 апреля 1916 г. за боевые отличия — чин подъесаула (со старшинством с 6 апреля 1915 г.)¹³.

Четвертого марта 1917 г. Партизанский отряд Сибирской казачьей дивизии срочно был снят с позиции и брошен на станцию Осиповичи Бобруйского уезда Минской губернии с задачей восстановить порядок и предотвратить проникновение на фронт из тыла «революционных разнузданных шаек»¹⁴. 2 августа 1917 г. отрядный комитет анненковцев принял постановление, в котором говорилось: «Отряд совместно со своими офицерами и впредь всегда с полной готовностью беспрекословно рад служить где угодно и нести какую угодно службу на пользу родине»¹⁵. В 1917 г. Анненков был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и произведен (летом, не позднее июля) в есаулы¹⁶.

К Февральской революции Анненков отнесся спокойно, так как почва была подготовлена ходившими до нее разговорами о причинах военных неудач. Он вспоминал о том времени: «[...] У меня сложилось определенное убеждение в необходимости поддержки Временного правительства. Мне казалось, что Временное правительство создаст такую власть, которая нужна народу, а Учредительное собрание выберет нового царя, опирающегося на думу и земства»¹⁷.

В июле 1917 г. отряд Анненкова решил записаться в «части смер-

---

Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. М., 1991. № 3. С. 69.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26976. Л. 1039, 1040–1041; РГВИА. Библиотека, инв. № 14847. Высочайшие приказы. Л. 238.

¹¹ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3513. Л. 5 об.

¹² ГИАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3. Л. 94 об.; *Заика Л.М., Бобренов В.А.* Атаман Анненков... С. 69.

¹³ ГИАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 3. Л. 94 об., 95.

¹⁴ РГВИА. Ф. 5266. Оп. 1 доп. Д. 236. Л. 215, 183, 189, 190, 197.

¹⁵ Там же. Л. 215.

¹⁶ *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биограф. справочник. М., 2007. С. 93.

¹⁷ *Заика Л.М., Бобренов В.А.* Атаман Анненков... С. 69.

ти»¹⁸. В связи с этим в конце августа — начале сентября он был брошен на фронт в Пинские болота и пробыл на позициях в район г. Несвижа около месяца¹⁹. Вероятно, именно за бои под Несвижем Анненков был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. с серебряной лавровой ветвью²⁰.

После Октябрьского переворота есаул Анненков с большой группой офицеров стремился увести отряд на Дон к генералу Каледину. Однако это намерение было сорвано отрядным комитетом. Казаки предпочли уходить с фронта не на Дон, а домой в Сибирь²¹. С другой стороны, сдавать свое оружие большевикам они не стали. Несмотря на попытки разоружения, предпринятые в Слуцке, Пензе, Самаре, Челябинске, Анненкову — где силой, где хитростью — удалось 24 декабря 1917 г. привести свой отряд в Омск с полным вооружением²².

В Омске Анненков получил письменное распоряжение помощника войскового атамана и начальника Сибирской казачьей дивизии генерал-майора И.С. Ефтина путем набора казаков-добровольцев сформировать для защиты войска партизанский отряд. Однако против сохранения и развертывания Отряда особого назначения выступили войсковой Совет казачьих депутатов строевых частей и созданная им конференция комитетов всех строевых частей Сибирского войска. Большинство партизан, согласно постановлению конференции, разошлись по домам. С Анненковым осталось 24 казака и пять казачьих офицеров, с которыми он обосновался в станице Захламинской под Омском. 26 января 1918 г. Совказдеп сверг войсковое правительство. После этого в пригородной станице Атаманской прошло полулегальное районное совещание депутатов 12 ближайших к Омску станиц. Анненков представлял на нем свой отряд. Совещание постановило не признавать советскую власть, а Анненкова просило ни в коем случае не разоружаться.

Когда в Омске началось народное возмущение декретом Совнаркома «О свободе совести» и прошел слух, что большевики собираются грабить церкви, делегация прихожан войскового Свято-Николаевского собора явилась к Анненкову в отряд и просила спасти хранившиеся

---

¹⁸ РГВИА. Ф. 5266. Оп. 1 доп. Д. 236. Л. 212.

¹⁹ Анненков Б.В. Колчаковщина [фрагмент] // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Науч. и документ. материалы. Барнаул, 2005. С. 247; Марковчин В.В. Указ. соч. С. 13, 152–153; Заика Л.М., Бобринев В.А. Атаман Анненков ... С. 69.

²⁰ Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 93.

²¹ Военный комиссариат г. Бийска и Бийского района Алтайского края. Архив 3-го отделения. Д. 201 (Гноевых Иван Георгиевич). Автобиография.

²² Марковчин В.В. Указ. соч. С. 14.

в нем войсковые реликвии от уничтожения. Около 11 часов ночи 18 февраля 1918 г. Анненков с пятью вооруженными партизанами совершил «налет» на центр Омска и «похитил» из Никольского собора войсковое Георгиевское знамя, знамя Ермака с орденом Св. Георгия 3-й ст., принадлежавшим когда-то генералу Г.А. Колпаковскому, знамя времен царствования Иоанна и Петра Алексеевичей, а также свою отрядную икону-складень, подаренную собору после возвращения Партизанского отряда с Германского фронта. Анненковцы уходили из Омска под «сильным ружейным огнем» красногвардейцев, ранения получили двое из них. Опасаясь репрессий за налет на собор, Анненков 19 февраля оставил Захламинскую. На следующий день красные не нашли в станице отряда²³.

Видимо, с помощью знамени Ермака Анненков пытался поднять колебавшихся казаков на борьбу против советской власти²⁴. Кроме того, он искал союзников против большевиков в лице полонизированных и украинизированных частей Омского гарнизона, которые тоже не хотели разоружаться. В феврале 1918 г. Анненков предлагал польскому легиону и украинцам совместное выступление, которое, однако, «за отсутствием средств не удалось»²⁵. После провала всех попыток начать вооруженную борьбу на одном из немецких хуторов он распустил по домам большую часть отряда, а сам с девятью партизанами киргизскими зимовьями ушел в Кокчетавский уезд. Спрятав пулеметы в станице Щучинская, а знамена — в г. Кокчетав, партизаны отправились дальше в киргизскую степь. Затем Анненков отпустил по домам еще четырех сподвижников, а с пятью оставшимися вернулся в марте 1918 г. к Омску²⁶.

С возвращением к Омску начинается нелегальный период деятельности Анненкова. Сам он поселился в летней землянке на пашне под станицей Мельничной, стоявшей в 21 версте от города, в которой жили верные ему казаки, а своих людей с разными заданиями послал в Омск. Он искал единомышленников, источники финансирования и связи с тайными военными группами, лично разъезжал по населен-

---

²³ Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 127; Вольный казак (Омск). 1918. 23 февраля; 7 марта; Казачья речь (Троицк). 1918. 27 августа; Западная Сибирь. Омск, 1918. № 1. С. 29; *Виле П.П.* К вопросу о похищении Анненковым знамени дружины Ермака // Известия Омского гос. историко-краевед. музея. Омск, 2008. № 14. С. 286–288; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 15.

²⁴ Дело Сибири (Омск). 1918. 24 февраля.

²⁵ Казачья речь (Троицк). 1918. 27 августа.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 150; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 15.

ным пунктам и вел в зажиточных кругах сельских жителей усиленную антисоветскую агитацию, в переодетом виде бывал в Омске на встречах с нужными лицами и на совещаниях с казаками. Его люди в то время находились в городе на подпольном положении, каждый имел псевдоним²⁷. Анненкову удалось договориться и начать получать небольшое финансирование от омских капиталистов²⁸. Важную роль сыграла материальная поддержка зажиточных казаков и разночинцев-хуторян, главным образом, немецких колонистов, района станицы Мельничной.

Большое значение имело установление контактов с одной из нелегальных военных групп Омска, которую Анненков в 1926 г. назвал как организацию «Тринадцать». По его словам, ею руководил старший урядник М.Ф. Карбышев, старик, бывший станичный атаман станицы Атаманской²⁹. Судя по всему, организацией «Тринадцать» Анненков называл «Особую секретную комиссию по выработке мер для борьбы с большевиками», которая была создана по приговору Атаманского станичного общества и в которую затем вошли представители ближайших станиц Омского уезда. «Комиссия» управлялась коллегиально, но «особой энергией» в ней выделялся именно М.Ф. Карбышев³⁰. Тринадцать — это, видимо, количество казачьих станиц, вошедших в данное тайное объединение. М.Ф. Карбышев стал особо доверенным лицом Анненкова, которому атаман поручил руководить всеми анненковцами, находившимися на нелегальном положении в Омске и его пригородах³¹. Союз с Карбышевым дал Анненкову связи с подпольными группами и дружинами в станицах всего Омского уезда³².

Серьезной проблемой была нехватка вооружения. Выручила та же организация «Тринадцать», сумевшая провести успешный «налет» на склад 2-го отдела Сибирского казачьего войска и похитить из него 113 винтовок и шесть тысяч боевых патронов³³.

В мае 1918 г., воспользовавшись поддержкой местных казаков, Анненков со своими партизанами явился в станицу Мельничную, где занялся формированием отряда открыто. Этот переход от чисто под-

---

²⁷ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 147, 149.

²⁸ Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 251; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. С. 377.

²⁹ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 15–16.

³⁰ ГИАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

³¹ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 147.

³² ГИАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.

³³ Омский вестник. 1918. 1 июня; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 15–16.

польных к партизанско-повстанческим методам борьбы случился, вероятно, в конце мая после известия о первом Марьяновском бое с восставшими чехами.

На станции Исилькуль 29 мая состоялась «радушная, братская встреча» анненковцев с чехами капитана Чануша³⁴. 3 июня анненковская конница в ходе глубокой разведки обнаружила укрепленную позицию красных у станции Марьяновка и выявила силы противника. 6 июня с 6-м Ганацким полком Партизанский отряд участвовал в большом бою и взятии Марьяновки³⁵. Свою роль в бою Анненков определял более чем скромно: «Наши конные прикрывали фланги чешской пехоты»³⁶.

После второго Марьяновского боя Анненков не пошел вместе с чехами в Омск, а вернулся со своим отрядом в поселок при станции Исилькуль. Это свое решение в 1926 г. он объяснял тем, что ему не были известны состав и цели образовавшейся в Омске после бегства большевиков власти³⁷. Вероятно, ему не хотелось идти в подчинение к социалистам; в другом месте своих показаний он назвал переворот в Омске 7 июня 1918 г. «восстанием эсеров»³⁸. В Исилькуле Анненков организовал портняжную и сапожную мастерские и в несколько дней одел отряд, в котором тогда было немногим более ста бойцов, в однообразную форму³⁹.

Узнав, что в Омске восстановлена войсковая управа, Анненков начал позиционировать свой отряд как «отряд 2-го отдела» Сибирского казачьего войска⁴⁰. Причем атаман предлагал, чтобы станичные общества выставляли ему молодых казаков сроков действительной службы, т. е. была предпринята попытка заменить чистое добровольчество общественным призывом. Судя по всему, проанненковская Мельничная станица на это согласилась, дав молодых казаков, которым одностаничники говорили: «[...] Вам все равно служить, что в полку и что в отряде»⁴¹.

Судя по выявленным документам, Анненков начал подписывать-

---

³⁴ Казачья речь. 1918. 27 августа; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 16.

³⁵ *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 358; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 83.

³⁶ *Заика Л.М., Бобринев В.А.* Атаман Анненков... С. 70.

³⁷ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 16.

³⁸ *Заика Л.М., Бобринев В.А.* Атаман Анненков... С. 70.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 146.

⁴⁰ ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 2. Д. 9. Л., 65, 74, 76.

⁴¹ АУФСБОО. Д. П-13415. Л. 3 об.

ся как «атаман отряда» с июня 1918 г.⁴² То есть атаманом он стал себя ощущать на казачье-партизанском этапе его борьбы с большевиками. Однако уже тогда амбициозные планы атамана выходили далеко за рамки его отряда. Во время пребывания Анненкова в Исилькуле (не позднее 10 июня 1918 г.) была предпринята попытка организации на Горькой линии приговорного движения в пользу избрания его войсковым атаманом Сибирского казачьего войска! Войсковым атаманом Анненкова признали Мельничное и Николаевское станичные общества, причем первое из них проинформировало об этом заседавшую в Омске конференцию представителей восставших станиц. Но конференция отказалась рассматривать этот вопрос, а лишь приняла его к сведению⁴³. Проигнорировал кандидатуру Анненкова и 4-й Чрезвычайный войсковой круг, избравший войсковым атаманом командира 2-го Степного корпуса полковника П.П. Иванова-Ринова⁴⁴.

Уже в исилькульский период анненковцы отличились террором. Часть отряда под командованием штабс-капитана К. Шаркунова, будучи в Ишиме, расстреляла человек семь — десять арестованных деятелей местного совдепа. Штабу 2-го Степного корпуса пришлось оправдываться перед общественностью⁴⁵. Шаркунов был арестован. Анненков, уже выступивший к тому времени из Омска на фронт, принялся бомбардировать штаб 2-го Степного корпуса телеграммами с требованием вернуть штабс-капитана в отряд. Комкор П.П. Иванов 1 июля 1918 г. ответил ему телеграммой в Троицк: «Все Ваши три телеграммы об освобождении Шаркунова составлены в тоне, недопустимом дисциплиной. Но вследствие донесения о лихом деле славных партизан предаю эти недопустимые телеграммы забвению и приказываю Вам как начальнику впредь подавать пример внутренней дисциплинированности, а не нарушать дисциплины. О Шаркунове телеграфирую особо»⁴⁶. В конце концов Шаркунов был освобожден и вернулся в отряд.

Вечером 19 июня 1918 г. отряд Анненкова прибыл из Исилькуля

---

⁴² ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 2. Д. 9. Л. 74, 65; РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 2, 18, 19; Иртыш. 1918. 16 июня.

⁴³ ГИАОО. Ф. 1706. Оп. 2. Д. 9. Л. 2 об.

⁴⁴ Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. Г. Омск 4–18 июля (21 июня — 5 июля) 1918 г. Омск, 1918. С. 30–31.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 1, 9; Омский вестник. 1918. 23 июня; *Шишкин В.И.* Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // *Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.)*. Новосибирск, 2009. С. 152.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 23.

в Омск и разместился в здании Сибирского кадетского корпуса. В городе атаман приступил к набору добровольцев и, вероятно, надеялся, что ему дадут какое-то время для доукомплектования и доснаряжения отряда за счет местных ресурсов. Однако уже 22 июня 1918 г. ему было передано приказание командарма полковника А.Н. Гришина-Алмазова о выступлении на следующий день в Челябинск в распоряжение командира Чехословацкого корпуса⁴⁷. Это вызвало определенное недовольство среди партизан. Тем не менее, Анненков Гришину-Алмазову подчинился, и 23 июня отряд двумя эшелонами выехал из Омска в Челябинск⁴⁸.

Партизанский отряд есаула Анненкова в это время состоял из следующих частей: 1-я и 2-я Сибирские казачьи сотни, гусарский эскадрон, 1-я Сибирская стрелковая рота, сербская рота и пулеметная команда (четыре пулемета). Всего отряд насчитывал около 400 человек. В Омске был оставлен «отдел формирования» под началом штаб-капитана Кандаурова⁴⁹.

С 24 июня по 18 августа 1918 г. Анненков находился в распоряжении командира Чехословацкого корпуса и действовал совместно с частями Уральского корпуса Сибирской армии⁵⁰. Операции на Верхнеуральском фронте — это героическая страница в истории анненковцев.

18 июля 4-й чрезвычайный войсковой круг Сибирского казачьего войска без прений единогласно выразил Анненкову благодарность за его работу на фронте и постановил ходатайствовать о его поощрении⁵¹. 28 июля 1918 г. приказом по войскам Сибирской армии «за отличие в боях против неприятеля» есаул Б.В. Анненков был произведен в чин войскового старшины (со старшинством с 10 июля 1918 г.)⁵². 23 августа 1918 г. постановлением войскового правительства Оренбургского казачьего войска «за храбрость, твердость и мужество, проявленные атаманом Б.В. Анненковым в боях под г. Верхнеуральском, и за личное участие в атаках на этот город и завод Белорецкий» он был награжден «Лентой Отличия»⁵³.

---

⁴⁷ Там же. Л. 13.

⁴⁸ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 14, 18; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 16.

⁴⁹ АУФСБОО. Д. П-13429. Л. 10 об. — 11; ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 134 об., 144, 151; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 254.

⁵⁰ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 209.

⁵¹ Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. Б. м., б. г. С. 35.

⁵² ГИАОО. Приказы Сибирскому казачьему войску. 1918. Приказ № 397, § 2, 02.10.1918 г.; Иртыш. 1918. 8 августа.

⁵³ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 376; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 187.

На Урале Анненков приобрел первый опыт мобилизации населения и формирования национальных частей. Видя антисоветский настрой башкир и договорившись с рядом их руководителей, Анненков провел мобилизацию и к 24 июля 1918 г. сформировал два башкирских полка: конный и пехотный. Почти на все командные должности в них были назначены офицеры-анненковцы⁵⁴. Видимо, Анненков попытался увести с собой в Троицк и далее 1-й Башкирский конный полк. Это не устроило Башкирское автономное правительство, да и самих всадников, не желавших удаляться от родных мест. При следовании из Верхнеуральска в Троицк командир 1-го эскадрона М.Л. Муртазин произвел переворот и увел полк в Тунгутаровскую волость Башкирии⁵⁵.

В Оренбуржье в условиях ожесточенной маневренной войны анненковцы еще шире стали применять террор в отношении военнопленных и арестованных активистов советской власти. Анненков снижал популярность среди достаточно широких масс оренбуржцев не только своей лихостью и фронтовыми победами, но и жестокостью в отношении обидчиков и насильников казачества. По этому поводу И.Г. Акулинин вспоминал: «Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевиками главарями „атаман“ Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц — сибирских и оренбургских»⁵⁶.

Ввиду больших потерь Партизанский отряд войскового старшины Анненкова к 4 августа 1918 г. сократился до одной сотни конницы, одной полной роты пехоты, команды пулеметчиков в четыре пулемета и трехорудийной батареи⁵⁷. В отряде осталась лишь половина того состава, с которым в июне он выступил на Верхнеуральский фронт. Поэтому командир 3-го Уральского корпуса М.В. Ханжин разрешил Анненкову произвести в Троицке формирование отряда⁵⁸. Правовая основа для этого имелась. Еще 30 июля 1918 г. приказом по 2-му Степному корпусу П.П. Иванов-Ринов разрешил Анненкову иметь в

---

⁵⁴ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 26.

⁵⁵ *Матвиенко Д.Ю.* Партизанская дивизия атамана Анненкова: краткая история и структура 1918–1922 гг. // Форум Ново-Николаевского военно-исторического клуба. <http://www.novonikolaevsk.com/forum/viewtopic.php?f=19&t=45> (дата обращения: 20.09.2013).

⁵⁶ *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937. С. 81.

⁵⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 27.

⁵⁸ Там же. Л. 32.

составе отряда не более двух роты пехоты, двух сотен кавалерии и двух батарей артиллерии, а также штаб отряда из пяти человек⁵⁹.

В августе 1918 г. у Анненкова появились перспективы в отношении укомплектований отряда иностранцами. В Челябинске анненковцы нашли новый иностранный источник, причем чисто наемнического плана: афганцев, находившихся там на положении рабочих. Их вербовка дала отряду к началу 1919 г. две афганские части: Азиатский батальон (300–330 человек пехотинцев с чисто русским комсоставом) и караульную команду (52 человека)⁶⁰. В Троицк к Анненкову приехали поручик русской службы кореец Ван-лин-жен и главарь крупной хунхузской шайки китаец Яо-тай-джу (Лю-Лян-Ко). Последний предложил сформировать для атамана китайскую пехотную бригаду⁶¹. Согласие было получено, и Яо-тай-джу привез из Маньчжурии двести хунхузов, которые в сентябре 1918 г. составили в Партизанском отряде Анненкова роту пехоты⁶². Эта рота путем дальнейшей вербовки китайцев была развернута в Маньчжурский егерский полк⁶³.

В августе 1918 г. имя Анненкова прогремело не только на Южном Урале, но и в Среднем Поволжье. В результате к Анненкову потек ручеек добровольцев из Поволжья. 3 октября 1918 г. он сообщал в штаб 2-го Степного корпуса, что к нему ежедневно прибывает до десятка офицеров «с Самарского, Казанского и Поволжского фронтов», что позволяет иметь в ротах по пять и более офицеров⁶⁴.

После взятия Белорецкого завода и отвода в тыл Анненков посчитал свою задачу в Оренбургском войске выполненной. 7 августа 1918 г. телеграммой из Верхнеуральска он просил командира 2-го Степного корпуса направить его отряд в Семиречье «для ведения партизанской войны с большевиками и поднятия семиреченских казаков»⁶⁵. В штабе Сибирской армии были свои виды на партизан. «Отряд сибирских правительственных войск» генерал-майора Г.А. Вержбицкого начал борьбу за Урал, и Анненков получил из Омска несколько приказаний о переброске в Камышлов, в состав отряда Вержбицкого. Однако, ссылаясь на сильную убыль личного состава и изнуренность людей и лошадей, он проигнорировал их. Видимо, атаман боялся, и не без оснований, что его отряд, еще толком не пополнившийся, вновь

---

⁵⁹ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 209–210.

⁶⁰ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 58, 271; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 46–47.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 151.

⁶² РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 79.

⁶³ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 292; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 46.

⁶⁴ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 114–115.

⁶⁵ Там же. Л. 32 об.

втянут в боевую страду, да еще под началом военачальника регулярного типа. В результате он постепенно растает и потеряет какое-либо самостоятельное значение вплоть до разделения и полной ликвидации его как отдельной части. Для разрешения «недоразумения» штабу армии пришлось посылать к Анненкову специального офицера для переговоров⁶⁶.

Первое сентября 1918 г. штаб 2-го Степного корпуса получил от Анненкова телеграмму: «Отряд в составе шести эшелонов прибыл на станцию Исилькуль. Ввиду заболеваний холерой с двумя случаями смерти отряд находится в карантине»⁶⁷. Этот карантин и задержка почти на неделю в Исилькуле вызывают вопросы. С одной стороны, Анненков как заботливый начальник мог дать отряду отдых в районе его первоначального формирования, чтобы старые партизаны встретились с родными, а холера была использована как повод или вообще придумана. Пауза и концентрация в «своем районе», кроме того, были важны, если атаман все-таки опасался разоружения отряда за отказ идти в Камышлов к Вержбицкому. В таком случае надо было прозондировать почву в Омске, т. к. Временному Сибирскому правительству проще всего было разделить и разоружить эшелоны анненковцев как раз в районе своей столицы. С другой стороны, переброска в Алтайскую губернию и Семипалатинскую область первоначально могла быть лишь маскировкой тайно готовившейся военно-политической операции. Высказывалось предположение, что перебазирование анненковцев в Исилькуль является косвенным подтверждением того, что командующий Сибирской армией и управляющий военным министерством генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов готовит военный переворот. Партизаны нужны были ему как ударный кулак, готовый для ввода в Омск⁶⁸.

Готовился переворот или нет, но дальнейшее усиление Гришина-Алмазова было предотвращено чехами, эсерами и «левым крылом» Временного Сибирского правительства путем неожиданного, без соблюдения формальностей смещения его с постов. Причем несколько дней Гришин-Алмазов колебался, оказывать вооруженное сопротивление или нет. Есть упоминание, что он якобы «делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряжение было перехвачено»⁶⁹. В 1926 г. Анненков вспоминал, что его части получали приказа-

---

⁶⁶ Там же. Л. 30, 36, 39, 41, 42, 50.

⁶⁷ Там же. Л. 57.

⁶⁸ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 112.

⁶⁹ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 1. С. 200.

ние «спешно прибыть в Омск» для поддержки Гришина-Алмазова. В другом месте показаний он говорил: « [...] В момент падения правительства Гришина-Алмазова последний вызвал меня по телеграфу и просил поддержки, так как он находился в опасности, причем, получив мое согласие, он должен был выехать ко мне [...]»⁷⁰.

Становится более понятным, почему в новые командармы и управляющие военным министерством «левые» продвинули именно командира 2-го Степного корпуса генерал-майора П.П. Иванова-Ринова, человека по своим политическим взглядам и служебной карьере гораздо более правого, нежели А.Н. Гришин-Алмазов. Омск находился в его корпусном районе и являлся центром сосредоточения войск Степного корпуса. Для командиров частей Омского гарнизона Иванов-Ринов являлся их непосредственным начальником. Для Анненкова, кстати, тоже. Если волею Гришина-Алмазова рука Анненкова действительно была занесена над Омском, то остановить ее мог лишь Иванов-Ринов. Для монархиста Анненкова Иванов-Ринов был более приемлем.

Иванов-Ринов сразу же увлек Анненкова ответственным делом. В 22 часа 5 сентября начальник штаба 2-го Степного корпуса подполковник Л.Д. Василенко отправил в Исилькуль секретную боевую телеграмму, в которой, ссылаясь на распоряжения Главнокомандующего всеми фронтами чешского генерала Я. Сырового, поставил Анненкову задачу: немедленно выступить в район Славгорода, «принять под свою команду действующие там части и очистить Славгородский район» от «банд красных»⁷¹. Атаман принял телеграмму к исполнению. Его отряд выступил из Исилькуля на Славгород, имея в своем боевом составе 497 штыков, 200 сабель, пять орудий и восемь пулеметов.

Анненков прибыл в Славгородский уезд с большим опозданием, в том смысле, что в боевых действиях уже произошел решительный перелом. Присоединившись к двум «офицерским полкам», анненковцы 10 сентября участвовали во занятии с. Архангельского (Черного Дола), с которого началось восстание, и Славгорода.

Еще 16 августа в приказе № 46 войскам Сибирской армии А.Н. Гришин-Алмазов потребовал при наборе новобранцев 1898 и 1899 гг. рождения, объявленном указом Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г., применять против открыто неповинующихся, агитаторов и подстрекателей «самые решительные меры до уничто-

---

⁷⁰ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 18, 57.

⁷¹ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 77.

жения на месте преступления»⁷². Анненков, направляясь в Славгородский уезд, столкнулся с тем, что рабочие отказывались исправлять дорогу. Выступая со станции Татарской, он объявил железнодорожную линию до Славгорода на осадном положении, а виновных приказал предавать «военно-полевому суду отряда»⁷³.

Когда Анненков еще был на станции Татарской, новый командарм П.П. Иванов-Ринов вызвал его к прямому проводу и поставил более широкие задачи: подавив восстание, примерно наказать жителей за попытки противодействия призыву, отобрать у населения все оружие, наконец, провести мобилизацию⁷⁴. 17 сентября 1918 г. в разговоре по прямому проводу с обер-квартирмейстером штаба 2-го Степного корпуса подполковником Г.А. Зезиным Анненков заявил: «Я думаю, что выполню свою задачу так, что после нас не будут нужны отряды для Славгородского уезда, по крайней мере, на полстолетия»⁷⁵.

В Славгороде Анненков как «командующий войсками Славгородского района» восстановил городскую управу, дал следственной комиссии, прибывшей из Омска, директиву, проводя дознание о восстании, выявить не только его главарей, но и тех представителей местной власти, которые виноваты в возникновении недовольства. Заработал «военно-полевой суд, выносивший много приговоров». Приговоренных к смерти анненковцы, по признанию самого атамана, «растреливали, рубили»⁷⁶. На месте Анненков пришел к убеждению, что «беспорядки произошли благодаря неорганизованности гарнизона и несоответствию назначению начальника его»⁷⁷.

Охрану железной дороги от Татарской до Славгорода атаман возложил на крестьян ближайших к линии селений. К 17 сентября 1918 г. в радиусе 70 верст от Славгорода был восстановлен порядок: оружие отобрано (в том числе около 150 трехлинейных винтовок), списки призывников представлены, главари выданы самими крестьянскими обществами. Туда, где замечалось хоть малейшее волнение, сразу посылались отряды, в наиболее опасные места — на автомобилях⁷⁸.

---

⁷² РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 53–55.

⁷³ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 63.

⁷⁴ Павловский П.И. Анненковщина... С. 39.

⁷⁵ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 124 об.

⁷⁶ Гольцев В.А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова... С. 95; Заика Л.М., Бобренов В.А. Атаман Анненков... С. 71; Марковчин В.В. Указ. соч. С. 54.

⁷⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 111.

⁷⁸ Там же. Л. 122–124; Марковчин В.В. Указ. соч. С. 54.

Восстававшие крестьянские общества Анненков обложили контрибуцией, взимаемой деньгами или зерном. Например, с Архангельского (Черного Дола) было взято около ста тысяч рублей⁷⁹. Приказом командующего войсками Славгородского района № 8 от 18 сентября 1918 г. атаман ввиду военного положения в уезде предоставил председателям волостных земских управ и сельских комитетов права волостного старшины и сельского старосты, указанные в статьях 79-й и 104-й дореволюционного «Общего положения о крестьянах». Этим же приказом сельским обществам было предписано немедленно произвести раскладку и в двухнедельный срок сдать по назначению все недоимки казенных, уездных, волостных и сельских сборов. За неисполнение приказа № 8, а также за нарушение порядка, за оскорбление должностных лиц и неисполнение их законных требований атаман пообещал карать по законам военного времени⁸⁰.

28 сентября 1918 г. командир Степного корпуса, с разрешения командарма, приказал развернуть отряд Анненкова в Партизанский полк трехбатальонного состава с артиллерией и конницей в прежнем составе (то есть две батареи и две сотни)⁸¹. На самом деле приказание о таком развертывании Анненков получил не позднее 14 сентября. В тот день в разговоре по прямому проводу начальник штаба Степного корпуса подполковник Л.Д. Василенко просил атамана срочно прислать штаты, по которым желательно формироваться. Причем Анненкову удалось добиться исключительного положения: права самому набрать людей для укомплектования полка, минуя кадровые части, и без разрядок штаба корпуса. Он обещал взять новобранцев из «большевистских деревень» и создать из них «хорошую часть»⁸². В действительности, он, скорее всего, просто отобрал себе самых лучших людей. Все новобранцы у него оказались ростом от двух аршин восьми вершков и выше, на 87 % грамотные. Из них были сформированы два батальона, сразу же приступившие к интенсивному обучению. У атамана образовался полк в 12 стрелковых рот. «Я думаю, — говорил Анненков, — что через два месяца буду иметь действительно полки, не уступающие по своему духу и виду моим партизанам»⁸³.

Третье октября Партизанский полк войскового старшины Анненкова согласно приказу начал сосредоточение в Славгороде. К 13 октября 1918 г. в боевом составе анненковского отряда было 780

---

⁷⁹ Павловский П.И. Анненковщина... С. 49.

⁸⁰ Гольцев В.А. Сибирская Вандея... С. 94–95.

⁸¹ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 210.

⁸² РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 69–71,

⁸³ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 159–160; Д. 61. Л. 84 об.

штыков, 1225 сабель, восемь орудий и 25 пулеметов⁸⁴.

После передислокации в Семипалатинск туда прибыл командир 2-го Степного корпуса генерал-майор А.Ф. Матковский и 19 октября произвел частям войскового старшины Анненкова смотр. Комкор остался доволен увиденным, о чем красноречиво говорит его приказ корпусу № 178 от 23 октября 1918 г.⁸⁵ В день семипалатинского смотра Анненков был произведен в полковники со старшинством с 10 сентября 1918 г.⁸⁶ Однако в приказе по корпусу № 178 нашли отражение не только успехи партизан, но и эксцессы, допущенные ими во время подавления Славгородского восстания. В нем говорилось: «Продолжают поступать жалобы на незаконные действия некоторых начальников частей Партизанской дивизии. Приказываю атаману дивизии решительными мерами предотвратить возможность повторения недавно бывших случаев, с виновных строго взыскать и об исполнении донести»⁸⁷.

В том же приказе комкор приказал развернуть отряд Анненкова в Партизанскую дивизию следующего состава: неотдельная бригада пехоты из двух полков трехбатальонного состава, конная бригада из двух четырехсотенных полков, дивизион артиллерии из двух батарей, вооруженных трехдюймовыми легкими пушками, и третьей батареей, вооруженной 42-линейными скорострельными пушками, а также инженерная рота. Командующему дивизией комкор разрешил именоваться «атаманом Партизанской дивизии»⁸⁸.

Занявшись развертыванием своего отряда в дивизию, атаман не очень-то считался со спущенным свыше составом дивизии, смело выходя за его рамки. К концу 1918 г. им были развернуты или заново созданы следующие части: «1-я пехотная бригада» в составе 1-го атамана Анненкова и 2-го Верхнеуральского атамана Анненкова партизанских стрелковых полков⁸⁹; Казацкая бригада в составе 1-го Сибирского атамана Анненкова и 1-го Оренбургского атамана Дутова казацких партизанских полков⁹⁰; 1-й партизанский артдивизион в составе трех батарей (двух легких и одной тяжелой); инженерная рота; а также Маньчжурский егерский полк и Азиатский батальон (эти полк и батальон 12 января 1919 г. подчинены командиру 1-й

⁸⁴ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 328.

⁸⁵ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 123; Иртыш. 1918. № 40. С. 2.

⁸⁶ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 402.

⁸⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 123 об.

⁸⁸ Там же. Л. 123; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 210.

⁸⁹ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 259 об., 271.

⁹⁰ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

пехотной бригады); 1-й партизанский конно-киргизский полк, кадровый батальон с резервом чинов при нем; 1-й казачий кадровый дивизион с конским запасом дивизии при нем; 2-й Устькаменогорский партизанский казачий полк; отдельные дивизионы черных гусар и голубых улан⁹¹.

Развертывание отряда в дивизию потребовало поднятия на более высокий уровень организации по привлечению новых добровольцев и поиску дополнительных материальных средств. Летом 1918 г. этой работой занимались сам Анненков, командиры его частей, омский «отдел формирования» и лица, специально уполномоченные атаманом. Однако экстенсивно-эпизодический вариант имел пределы: территориальные и административные. Ни одна укрепляющаяся государственная власть не потерпела бы на своей подконтрольной территории такой кипучей и бессистемной самостоятельности партизан. И Анненков нашел более устойчивую и долговременную форму взаимосвязи с местами, начав создавать в ключевых пунктах так называемые штабы пополнения Партизанской дивизии. Сеть таких штабов была сформирована зимой 1918–1919 гг.

Из всех штабов пополнения Партизанской дивизии наибольшую роль сыграли Омский, Семипалатинский, Устькаменогорский, Павлодарский и Оренбургский (в Троицке). Функции этих штабов оказались широкими и многообразными. Они зависели не только от установок Анненкова, но и от инициативы начальника того или иного штаба пополнения, а также от специфики социально-политической обстановки в разных местах. Прежде всего в соответствии со своим названием штабы занимались вербовкой добровольцев, формированием из них команд пополнения и отправкой их, в зависимости от указаний, в штаб, в строевые или кадровые части Партизанской дивизии. При благоприятных обстоятельствах — наличие достаточных на месте людских и материальных ресурсов — начальники старались создавать при своих штабах и строевые части. Это давало им реальную силу, а значит и вес в отношениях с местными властями и населением. Больше других в этом направлении преуспел Устькаменогорский штаб во главе с войсковым старшиной П.И. Виноградским, сформировавший для Анненкова целый казачий полк (2-й Устькаменогорский) и ряд подразделений 3-го Сводного партизанского пехотного полка⁹².

Наряду с вербовкой людей атаман возложил на штабы попол-

⁹¹ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 251, 265, 276, 279, 283, 284, 288, 289, 291, 292, 319.

⁹² ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63. Л. 65 об.; Ф. 1706. Оп. 1. Д. 411а. Л. 70; РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 111; Устькаменогорская жизнь. 1919. 5 марта.

нения добывание для дивизии денежных и материальных средств: сбор добровольных пожертвований и реквизицию у населения военного имущества (обмундирования, снаряжения и пр.)⁹³. Устькаменогорский штаб для усиления средств формируемого им казачьего полка организовывал благотворительные вечера. Другой функцией этих штабов была организация взаимосвязи между партизанами, с одной стороны, и их семьями и в целом теми слоями населения, которые поддерживали дивизию. Если требовалось, штабы пополнения вставали и на защиту «своих» групп населения. Дальше всех в этом направлении пошел Павлодарский штаб пополнения во главе с поручиком М.С. Черновым, который в материальных спорах всегда вставал на сторону казаков и сельских предпринимателей против киргизов. Штабы пополнения также должны были помогать местным властям в деле «понуждения населения» к платежу податей и выполнению повинностей и в «принятии энергичных мер в борьбе с большевизмом»⁹⁴. Наибольшую помощь государственной власти в деле поддержания порядка оказал Омский штаб пополнения, а точнее — состоявшая при нем казачья сотня прапорщика Бородихина. Она приняла деятельное участие в подавлении омского восстания 22 декабря 1918 г.⁹⁵

В Омске (вероятно, при штабе пополнения), как минимум, до марта 1919 г. функционировала контрразведка Анненкова⁹⁶. Контрразведчики атамана имели связи в официальных спецслужбах Омска и действовали достаточно профессионально⁹⁷. Не исключено, что нештатные должности контрразведчиков были во всех частях и штабах пополнения Партизанской дивизии. Кроме того, атаман и комсостав требовали от офицеров и партизан бдительности. Благодаря аресту дежурным по караулам офицером подозрительного неизвестного в офицерской форме, в Семипалатинске 1 января 1919 г. был раскрыт «заговор на жизнь атамана Анненкова»⁹⁸. В ночь на 22 апреля 1919 г. группа черных гусаров накрыла в Семипалатинском затоне тайное собрание, в результате чего была раскрыта подпольная организация и

---

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 30. Л. 9 об., 10.

⁹⁴ Там же. Л. 9.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 153.

⁹⁶ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского гос. историко-краевед. музея. Омск, 1997. № 5. С. 212; Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. С. 240.

⁹⁷ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 99.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 2г. Л. 8.

предотвращено большевистское восстание в Семипалатинске. По этому делу было арестовано до 65 человек, изъято около 80 винтовок, другое оружие, боеприпасы⁹⁹. Интересно, что «протокол об арестованных черными гусарами лицах», согласно сообщению полкового командира гусаров, был направлен из полка в Омский штаб пополнения Партизанской дивизии¹⁰⁰. Этот штаб и контрразведка при нем в силу близости к органам центральной власти, возможно, играли роль координирующего центра для всей анненковской контрразведывательной системы. Контрразведка Партизанской дивизии настолько разгромила большевистское подполье в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре, что после прихода Красной армии коммунисты, по их собственному признанию, просто не могли найти местных деятелей для назначения в ревкомы¹⁰¹.

Развертывание Партизанского отряда в полк, затем в дивизию требовало соответствующего снабжения и финансирования, а они были совершенно недостаточны. Уже в сентябре — начале октября 1918 г. Анненков настойчиво требовал от начальства скорейшего предоставления обмундирования, оружия, патронов, снарядов, денежных авансов на формирование¹⁰². 17 сентября он сообщил в штаб Степного корпуса, что ему отпущена лишь одна четвертая часть необходимых денег¹⁰³. Если жалование офицерами и партизанами, а также пособия их семьями, судя по всему, выдавались более-менее регулярно, то денег на текущие расходы частей не хватало катастрофически. В мае 1919 г. есаул Е.В. Слюнин, принимая Отдельную Казацкую бригаду, проверил денежную отчетность 1-го Сибирского казацкого атамана Анненкова полка. В рапорте атаману он писал: «Все виды довольствия сотни получают от полка натурой. Авансов на руках не имеют [...]. Отпуска денег из интендантства до настоящего времени не было, и все деньги, поступавшие на приход, взяты заимообразно у частных лиц, из учреждений и случайные поступления [...]. Денег в наличности нет совершенно»¹⁰⁴. При таком положении реквизиции и контрибуции были неизбежны.

---

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 35. Л. 3–4; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1. Май 1918 г. — сентябрь 1919 г. С. 628–629; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 160.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 15. Д. 35. Л. 6.

¹⁰¹ *Лазарев К.И.* Восточный поход // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 144.

¹⁰² РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 64, 84; Д. 45. Л. 159–160.

¹⁰³ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 45. Л. 123 об.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 396.

Долго находясь на самофинансировании, не получая от центрального правительства должного снабжения, видя скудость ресурсов власти, общую дезорганизацию жизни и «отсутствие организованной заботливости» тыловых органов и тыла в целом, Анненков был вынужден встать на путь широких реквизиций государственной, общественной и частной собственности. О последствиях и правовой стороне дела атаман не думал, рассуждая как чисто строевой начальник: «Я реквизирую, а кто будет платить — не мое дело»¹⁰⁵.

Осенью 1918 г. в Западной и Степной Сибири анненковцы смело применили практику реквизиций, отработанную на Верхнеуральском фронте и при подавлении Славгородского восстания. В принципе предметы, в которых нуждались партизаны, они могли забрать у кого угодно. Но обычно объектами реквизиционной деятельности анненковцев становились как провинившиеся в чем-либо крестьянские общества, так и частные компании и кооперативы, располагавшие запасами товаров¹⁰⁶.

В 1917–1918 гг. Россия пережила масштабный передел собственности, и у населения была много имущественных споров. Лица, пострадавшие при первой советской власти, обращались к командирам анненковских отрядов как к реальной силе, с просьбами о покрытии их материальных убытков и о наказании обидчиков. Для анненковцев открылся дополнительный источник средств. Дальше всех в этом направлении продвинулись Павлодарский штаб пополнения и карательные отряды из состава частей Партизанской дивизии, посылавшиеся в октябре — декабре 1918 г. из Семипалатинской области в Змеиногорский уезд Алтайской губернии. Начальник Павлодарского штаба поручик М.С. Чернов и командиры отрядов фактически брали на себя функции судебной власти. Они разрешали гражданские споры между жителями, заставляя признанных виновными лиц возмещать убытки пострадавшей стороне. Причем часто на виновных налагались денежные контрибуции, часть которых шла на возмещение убытков, а часть — своего рода судебная пошлина — поступала в распоряжение того или иного анненковского отряда. При приеме контрибуций офицеры-анненковцы выдавали квитанции за своей подписью. Поскольку население подчиняться не желало, послушников обычно пороли нагайками, а в исключительных случаях казнили. Так, адъютант Павлодарского штаба хорунжий Пашин

---

¹⁰⁵ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIV. С. 227.

¹⁰⁶ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 171.

в середине ноября 1918 г. застрелил председателя Бишкарагайского волостного киргизского комитета Семипалатинского уезда Байтена Алина, а прибывшие с Пашиным партизаны-китайцы разграбили его дом, увезя все ценное имущество и уведя восемь лошадей¹⁰⁷. Случалось, реквизиции при бессистемности и бесконтрольности их проведения выливались в грабежи в личных целях.

Сказали анненковцы свое веское слово и в деле «Монголэкса» — «Экспедиции по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии». Помощником уполномоченного Алтайского подрайона «Монголэкса» являлся А.Л. Горбунов, при первой советской власти сотрудничавший с большевиками и широко реквизировавший помещения для своих нужд. В Семипалатинске, Павлодаре и Бийске к Горбунову было «очень враждебное отношение», «казачество видело в экспедиции активную большевистскую организацию, которая с оружием охраняла достояние экспедиции». В результате после свержения советской власти «за большевизм» и должностные преступления А.Л. Горбунова арестовывали трижды: сразу после переворота, в августе 1918 г. по постановлению Семипалатинской следственной комиссии и, наконец, анненковцы, которые его и расстреляли¹⁰⁸. Алтайский подрайон «Монголэкса» и его контора в Семипалатинске располагали значительными денежными средствами и имуществом. А.Л. Горбунов и еще один сотрудник «Монголэкса», новониколаевский купец Илья Розенфельд, были арестованы 25 октября 1918 г. в «Коммерческих номерах» Семипалатинска «начальником контрразведки отряда Анненкова сотником Новацким». Первым делом анненковцы стали вымогать у них деньги, в том числе за сданный в казну скот. С Розенфельда в течение 26 октября им удалось вытянуть около 115 тыс. руб. Посылкой телеграммы в Новониколаевск анненковские контрразведчики заманили к себе брата Ильи Розенфельда Исаю и еще двух их племянников — Михаила и Наума. 28 октября 1918 г. все трое Розенфельдов были арестованы анненковцами при проверке документов на станции Семипалатинск. В те же дни в Семипалатинске исчез еще один работник «Монголэкса» по фамилии Зицерман. В списки арестованных Горбунова, Розенфельдов, Зицермана не вносили, и на все вопросы Анненков отвечал, что приказа об их аресте не отдавал и у него они не числятся. А запросы делали не только родственники, но и официаль-

---

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 2г. Л. 17, 26–27, 30; Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 87. Л. 64; Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 30. Л. 12; ЦХАФАК. Ф. П-1061. Оп. 1. Д. 19. Л. 10–11.

¹⁰⁸ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. С. 150–151, 346–347.

ные лица: от чехословацкого коменданта Семипалатинска Л. Кальвода до председателя Совета министров П.В. Вологодского¹⁰⁹.

У Анненкова мог быть и политический мотив для ликвидации арестованных. В составе «Монголэкса» действительно встречались люди, искренне сочувствовавшие большевикам¹¹⁰. А.Л. Горбунов к такому вроде не относился, но он был человеком достаточно «левых» взглядов: известным эсером и «другом Павла Яковлевича Михайлова»¹¹¹. Что касается Розенфельдов, судьбу их предстоит выяснить. По некоторым данным, Михаил (Михель) Розенфельд и два его брата были расстреляны в 1919 г. по приговору анненковского военно-полевого суда «за торговлю оружием во время гражданской войны». У них якобы имелись «огромные склады оружия» на русской и китайской территориях¹¹².

Дело Горбунова показало степень автономности Анненкова. Он даже не удосуживался отвечать на телеграммы министров и предсовмина¹¹³. Непросто складывались у атамана и отношения с гражданскими властями на местах. С прокурором Семипалатинского окружного суда у Анненкова фактически дошло до разрыва. Атаман послал в Омск телеграмму с требованием уволить его от должности и с угрозой, что если это не будет сделано, то примет против него свои меры¹¹⁴.

Волна жалоб на Анненкова покатила из Семипалатинска в Омск тогда, когда атаман решил обложить торгово-промышленный класс области единовременным сбором. Вопрос предварительно рассматривался на общих собраниях предпринимателей, с их представителями заранее обговаривалась общая сумма и ее раскладка между лицами и предприятиями¹¹⁵.

В Павлодаре сбор с торгово-промышленников сохранил характер «добровольного пожертвования со стороны местного населения»¹¹⁶. В Усть-Каменогорске, по-видимому, и сбора как такового не потребовалось. Когда войсковой старшина П.И. Виноградский приступил к фор-

---

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 6. Л. 56; Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2а об.

¹¹⁰ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 159.

¹¹¹ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории... С. 240–241.

¹¹² Курганов Г.С., Куреннов П.М. Тайны Русской революции и будущее России (тайны мировой политики). Б. м., 1959. С. 50.

¹¹³ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории... С. 241.

¹¹⁴ Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов / Сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 326.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 67.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 30. Л. 9 об.

мированию 2-го Устькаменогорского партизанского казачьего полка, «на помощь к нему явились представители торгово-промышленного класса, поддерживавшие его до тех пор, пока полк не получил правительственного содержания»¹¹⁷.

В Семипалатинске из-за действий помощника атамана Партизанской дивизии полковника А.М. Рожнева (сам Анненков был в поездке в Усть-Каменогорск) сбор приобрел принудительный характер. 26 октября 1918 г. на экстренном собрании торгово-промышленного класса Семипалатинска уполномоченный по охране государственного порядка в области полковник Л.Н. Караев сообщил общую сумму сбора (2,0 млн. руб.) и конкретные ставки (от 150 руб. до 44 тыс. руб.). По предложению Рожнева из общей суммы сбора было постановлено 1,5 млн. руб. обратить в ссуду Партизанской дивизии и 500 тыс. руб. — в ссуду войсковому атаману Семиреченского казачьего войска полковнику А.М. Ионову для помощи этому войску. Особенностью было то, что Рожнев, «вследствие безотлагательной необходимости в денежных средствах выступающих на Семиреченский фронт отрядов атамана Анненкова», обязал внести причитающуюся с каждого лица или предприятия сумму на счет биржевого комитета в Семипалатинском отделении Госбанка не позднее 12 часов дня 30 октября 1918 г. Категорическое требование внести деньги к определенному сроку и придало всему сбору «характер принуждения»¹¹⁸.

Саботировать распоряжения Караева и Рожнева было сложно. Приватно анненковцы угрожали лицам, не желавшим платить «огромный налог», расстрелом. Но из Семипалатинска в Омск правительству пошли «тревожные телеграммы с жалобами на произвол» партизан. Первым «достучалось» до правительства Семипалатинское отделение фирмы «Братья Нобель», которому согласно раскладке требовалось внести 32 тыс. руб. 11 ноября 1918 г. эта «контрибуция», а также телеграмма Анненкова с требованием заменить прокурора Семипалатинского окружного суда рассматривались Советом министров Временного Всероссийского правительства. В итоге немедленное принятие конкретных мер против Анненкова было отложено¹¹⁹.

Совет министров вернулся к анненковскому вопросу всего через пять дней, 16 ноября, когда выяснилось, что атаман обложил налогом всю семипалатинскую буржуазию, и когда П.В. Вологодский сделал на

---

¹¹⁷ Устькаменогорская жизнь. 1919. 20 марта; Новое слово (Семипалатинск). 1919. 27 марта.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 67.

¹¹⁹ Временное Всероссийское правительство... С. 326.

заседании словесное сообщение «о произведенном по инициативе полковника Караева денежном обложении лиц и предприятий г. Семипалатинска». Установив, что правительство Л.Н. Караева на это мероприятие не уполномочивало и что сбор оказался принудительным, Совет министров заявил, что «подобные действия военных властей подрывают доверие к правительству со стороны населения, создавая анархию в стране». Совет постановил через председателя Совета министров обратиться к Верховному главнокомандующему и немедленно устранить с постов полковников Караева и Рожнева, министру внутренних дел отстранить от исполнения обязанностей Семипалатинского областного комиссара Г.Г. Крота, министру юстиции произвести через прокурорский надзор расследование, а также «опубликовать от имени Совета министров обращение к населению с уведомлением, что на денежный сбор в г. Семипалатинске Советом министров никому уполномочий не давалось»¹²⁰.

К 12 часам 30 октября или с задержкой, но Рожнев и Караев высквали для Партизанской дивизии и Семиреченского казачьего войска намеченные 2,0 млн. руб. Сверх того семипалатинская буржуазия, по данным местного биржевого комитета, собрала еще 350 тыс. руб. в помощь 5-му кадровому полку. 2,35 млн. руб. — это все, что к середине августа 1919 г., за 14 месяцев, дал «белым» торгово-промышленный класс Семипалатинска. Большевики за три — четыре месяца «вытрясли» с него около 2,0 млн. руб.¹²¹ Фактически буржуазия Семипалатинска профинансировала красных эффективнее, чем белых. Из-за политики Российского правительства Анненков с ноября 1918 г. лишился возможности облагать торгово-промышленные круги Семипалатинской области «материальными повинностями» и мог теперь лишь уговаривать и просить пожертвования. Анненковцам удалось «расшевелить» семипалатинцев лишь во второй половине августа 1919 г., когда Красная армия вторглась в Западную Сибирь. Тогда в пользу Партизанской дивизии в Семипалатинске было собрано 150 835 руб., а также 285 комплектов готового белья и 1 276,5 аршин бельевого материала. Причем интендант дивизии Анненкова штабс-капитан В.А. Вотяков лично подал горожанам пример, первым внеся 3,0 тыс. рублей¹²².

По свидетельству капитана А.В. Шемякина, в 1919 г. служившего начальником штаба бригады атамана И.Н. Красильникова, «вопрос о борьбе с нарождающейся атаманщиной впервые начал подниматься в

---

¹²⁰ Там же. С. 336.

¹²¹ За Родину. 1919. 17 августа.

¹²² За Родину. 1919. 26 августа.

связи с действиями Анненкова в Славгородском уезде и Семипалатинске [и] особенно остро выпал в связи с последствиями Монгольской экспедиции». Вопрос этот обсуждали в министерских, военных и общественно-политических кругах, на журфиксах, устраиваемых «левыми» членами Директории и социалистическим «крылом» омского блока. Глава Директории Н.Д. Авксентьев, резко осуждая атаманов, признавал, что она бессильна бороться с ними, не только с большими, но и маленькими¹²³. Подход к проблеме члена Директории и Верховного главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева, судя по его воспоминаниям, был более взвешенным. Он считал Анненкова «человеком исключительной энергии и воли», а в деятельности этого атамана и его партизанских частей, несмотря на все недостатки, видел «своеобразное идейное служение стране»¹²⁴.

В мае 1920 г. в Омске на процессе над колчаковскими министрами генерал А.Ф. Матковский, командовавший в сентябре — декабре 1918 г. 2-м Степным корпусом, говорил, что Анненков был ему подчинен, но реально не подчинялся. Тогда обвинитель спросил его, почему он не применил в отношении партизанского атамана репрессии. Матковский объяснял так: «Я был командующим, когда в войсках был полный хаос. Армия была разрушена, и ничего не создано. Были отряды в несколько тысяч [человек], которыми руководили такие энергичные люди, как Анненков. Они имели в руках физическую силу, которой ни у кого не было [...]. У меня в корпусе было около 60 000 новобранцев, и все мое внимание было сосредоточено на создании из них войск. Если бы удалось их создать, конечно, я имел бы возможность справиться со всеми подчиненными, которые мне не подчинялись»¹²⁵.

По утверждению А.В. Шемякина, в правительственных и общественных кругах в ноябре 1918 г. рассматривалось три способа борьбы с «атаманщиной»: разоружение и полная ликвидация отрядов атаманов; превращение партизанских отрядов в регулярные путем смены командного состава; превращение партизанских отрядов в регулярные путем «взрыва изнутри», т. е. внедрения своих людей, создания в отряде здорового ядра и раскола с его помощью партизан в пользу власти. Первый способ сразу отмели, т. к. у правительства не было свободной военной силы, достаточной для разоружения. Второй также считался сомнительным, ведь «атаманы не признавали ничьих распоряжений и делали все по своему усмотрению». Третий способ

---

¹²³ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории... С. 244.

¹²⁴ Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты... С. 81.

¹²⁵ Процесс над колчаковскими министрами... С. 122.

был успешно применен, уже после ареста Директории, в отношении Партизанского отряда полковника И.Н. Красильникова, стоявшего в Омске, то есть реально достигаемого для власти. Но к анненковцам этот способ оказался неприменим. Не нашлось людей, которые бы рискнули и пошли на такой «взрыв». Наверное, они не видели внутри Партизанской дивизии никаких опорных точек для себя. Тогда был придуман и применен к Анненкову четвертый способ, а именно: поставить рядом регулярные дисциплинированные части и постепенно подчинить им партизанские. Согласно А.В. Шемякину, и этот способ потерпел фиаско: «В результате получилось, что Степной корпус, посланный в Семипалатинск, сам рассосался и укрепил Анненкова за свой счет»¹²⁶.

В действительности Степной корпус «рассосался» только в декабре 1919 г., после свержения в Семипалатинске власти «белых». Поставленную перед ним задачу по «выдавливанию» Анненкова из Семипалатинской области в Семиречье, ограничению его влияния и подчинению правительству оставшихся в ней партизанских частей он отчасти выполнил. В итоге в июне 1919 г. удалось отправить «тыловую группу» Партизанской дивизии на «Екатеринбургский фронт».

Самым действенным способом резко сократить произвол анненковцев в Семипалатинской области оказалось как можно быстрее передислоцировать Партизанскую дивизию на Семиреченский фронт.

Выступление авангарда анненковцев из Семипалатинска на Семиреченский фронт было назначено на 25 октября¹²⁷. К 5 ноября 1918 г. их конные части прошли за пикет Аркат, а передовой эшелон подходил уже к Сергиополю¹²⁸. Однако в начале ноября его, видимо, стали торопить, подгонять. Атаман же считал, что нельзя идти на фронт неподготовленным: без патронов, снарядов, транспортных средств и пр. Если деньги на поход анненковцы смогли «вытрясти» с буржуазии, если повозки, продовольствие, фураж можно было взять силой у населения (отсюда новая, вызванная переброской дивизии в Семиречье, волна беспорядочных, часто самовольных реквизиций, а также чрезмерное переобременение жителей подводной повинностью), то боеприпасов и оружия в Семипалатинской области просто не было.

Пятого ноября 1918 г. Анненков отправил в штаб Степного корпуса телеграмму: «Иртыш не разрешает переправу отряду в Семиречье. Холод не разрешает жить на улице. Город ввиду перегрузки не

---

¹²⁶ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории... С. 244–245.

¹²⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹²⁸ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 137.

разрешает жить в домах. Главковерх не разрешает жить в вагонах. Прошу указать, какой выход из этого положения»¹²⁹.

Двенадцатого ноября 1918 г. атаман прислал в Омск комкору очередную телеграмму, в которой уже видно явное раздражение: «[...] Чьим попечением должна оборудоваться этапная линия от Семипалатинска до Сергиополя [?]. В настоящее время через Иртыш отрядом наведен мост, и я продолжаю эшелонирование моего отряда, но считаю долгом доложить, что этапная линия совершенно не оборудована. Склады, кроме Аркатского, где имеется только сено, не имеется. Ни одного перевязочного [пункта]. Воды недостаточно. Жилых помещений на остановках эшелонов совершенно незначительное число. Топлива нет. Ввиду того, что наступила довольно суровая снежная погода, поход, который по создавшимся обстоятельствам должен быть спешным, будет очень тяжелым, и это усугубляется отсутствием оборудованности. Я лично, не получив на это указаний и видя отрицательное отношение к самостоятельным починам, не принимал и не принимаю никаких мер, полагаю, что это все будет устроено тем, кому это поручено. Это первый вопрос особой важности. Второй вопрос. Генерал Ефремов определенно заявил, что он ведает только оперативной частью фронта, а поэтому о патронах и снарядах он ничего не знает. Прошу указать, к кому надлежит обратиться за получением сего. Третий вопрос. Как скоро можно надеяться получить винтовки?»¹³⁰.

В этот момент, когда между атаманом и штабом Степного корпуса возникло напряжение, в Омске произошел колчаковский переворот. Анненков после подавления Славгородского восстания по вызову командарма П.П. Иванова-Ринова ездил в Омск и встречался с ним¹³¹. По мнению капитана А.В. Шемякина, Иванов-Ринов «нашел себе опору в лице отряда Анненкова», именно он дал отряду возможность развернуться в дивизию¹³². Если Анненков действительно с сентября 1918 г. был человеком Иванова-Ринова, то колчаковский переворот, очевидно, застал его врасплох. Поэтому после свержения Директории Анненков некоторое время колебался, признавать адмирала или нет¹³³. Тем более, в это время к атаману в Семипалатинск приезжал дежурный генерал Главковерха Директории В.Г. Болдырева полковник З.Ф. Церетели «с просьбой послать один полк в Омск, чтобы поддержать правительство Болдырева». Анненков посылать полк не

¹²⁹ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.

¹³⁰ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 147.

¹³¹ *Заика Л.М., Бобринев В.А.* Атаман Анненков... С. 72.

¹³² *Дроков С.В.* Адмирал Колчак и суд истории... С. 241.

¹³³ *Гинс Г.К.* Указ соч. Т. 2. С. 377; *Серебрянников И.И.* Указ. соч. С. 436.

стал¹³⁴. Зато он благоразумно отправил «гонцов в Омск для выяснения обстановки»¹³⁵.

В те дни, выполняя решение Совета министров от 16 ноября 1918 г., управляющий МВД А.Н. Гаттенбергер отстранил «за бездеятельность» от исполнения должности Семипалатинского областного комиссара Г.Г. Крота. Анненков с этим не согласился, и 20 ноября отдал Кроту словесное распоряжение вновь вступить в отправление обязанностей областного комиссара. 27 ноября Совет министров заслушал управляющего МВД о ситуации в Семипалатинске и постановил предать Крота суду за неподчинение распоряжению высших органов власти. В дальнейшем в результате прокурорского расследования Крот был оправдан¹³⁶.

После колчаковского переворота штаб 2-го Степного корпуса упорно стремился подчинить Анненкова войсковому атаману Семиреченского казачьего войска и уполномоченному комкора по Семиреченской области генерал-майору А.М. Ионову, который в это время поочередно действовал под псевдонимом Ефремов и часто фигурировал в документах в прежнем чине полковника. Речь шла о «полном подчинении» «полковнику Ефремову» не только в оперативном отношении, но и в артиллерийском, интендантском снабжении. Анненкову предписывали обращаться в высшие инстанции только «через атамана Ефремова»¹³⁷.

После этого Анненков, вернувшийся 22 ноября в Семипалатинск из поездки на пикет Аркатский, дал волю своему раздражению. 23 ноября 1918 г. наштакор Степного полковник Л.Д. Василенко получил от него телеграмму следующего содержания: «Сформировав отряд добровольцев без всякой посторонней помощи, я, несмотря на ряд нежеланий корпуса, несмотря на ряд задержек, иду в Семиречье с единственной целью помочь семиреченским казакам, подчиняясь исключительно духу патриотизма. Вся работа моя и моих подчиненных будет сводиться к освобождению Семиречья от большевиков, и я думаю, что с полковником Ефремовым у меня никогда не будет никаких прений как с человеком, преследующим ту же цель, а не карьеристом, мечтающим чужими руками составить себе карьеру. Обращался я в высшие инстанции только потому, что было бы нелепо просить [у] полковника Ефремова, находящегося в Сергиополе, боевые припасы,

---

¹³⁴ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 57.

¹³⁵ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 15.

¹³⁶ Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.)... С. 347.

¹³⁷ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 145, 159.

обмундирование, т. е. то, чего у него нет. Из телеграммы определенно видна тенденция сложить с себя всякие заботы об отряде. Я и раньше не особенно беспокоил корпус с своими просьбами и обращался лишь постольку, поскольку этого требовал долг службы, теперь же я считаю себя освобожденным от этих обязанностей, что весьма меня устраивает»¹³⁸.

Эту телеграмму правильнее трактовать лишь как угрозу разрыва с Омском, но не сам разрыв. При Директории атаман начал чувствовать давление центральной власти. Колчаковский переворот позволил ему еще некоторое время держаться независимо от Омска и продолжать гнуть свою линию (например, в деле реквизиции для нужд дивизии торговых и банковских помещений в Семипалатинске¹³⁹). Это состояние выжидательного нейтралитета точнее всех определил Г.К. Гинс: Анненков «временно воздержался признавать новую власть, заставляя, однако, своим поведением думать, что он не считает себя зависимым от этой власти»¹⁴⁰.

Тем временем представители атамана прояснили обстановку в Омске. Оказалось, что самые значимые общественно-политические силы: кадеты, военно-промышленные комитеты, торгово-промышленники, — все поддержали Колчака. На стороне Иванова-Ринова и Анненкова осталась только маловлиятельная монархическая группа во главе с князем А.А. Кропоткиным¹⁴¹. Омские деятели торгово-промышленного класса, которые поддерживали Анненкова «в период его подпольной работы и отчасти после свержения большевиков», категорически заявили «гонцам», что «дальнейшей поддержки отдельных отрядам больше оказываться не будет». Анненков увидел за адмиралом силу, и в итоге, если сравнивать с поведением Г.М. Семёнова и И.П. Калмыкова, «сдался очень легко»¹⁴². Помимо внешних причин были, вероятно, и внутренние: настроения и поведение личного состава самой Партизанской дивизии¹⁴³.

Анненков в первой половине декабря 1918 г. также прислал адмиралу приветственную телеграмму: «Омск. Верховному правителю адмиралу Колчаку. Ваше Высокопревосходительство! Ваше назначе-

---

¹³⁸ Там же. Л. 158.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 15.

¹⁴⁰ Гинс Г.К. Указ соч. Т. 2. С. 8.

¹⁴¹ Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории... С. 242.

¹⁴² Гинс Г.К. Указ соч. Т. 2. С. 15, 377.

¹⁴³ Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г.: Сб. документов / Сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб., 2012. С. 52.

ние Верховным правителем, в руках которого сосредоточивается вся полнота государственной власти, дало мне с первого же момента глубокую уверенность в том, что, наконец, настал тот час, когда наша измученная Родина, истерзанная внутренними и внешними врагами, снова подымется, пойдет по пути возрождения и станет такой же великой, какой была когда-то. Я как атаман партизан, добровольно собравшихся отдать жизнь свою в любой час за нашу Родину, приветствую Ваше назначение и заверяю своим словом, что все мои силы и помыслы будут направлены к тому, чтобы Вы уверенно и твердо могли бы опереться на нас, и [мы] готовы в каждую минуту, по первому Вашему приказу, исполнить наш святой долг перед Отчизной. С нами Бог! Атаман Анненков»¹⁴⁴.

Вряд ли можно согласиться с Г.К. Гинсом, что Анненков признал Колчака «только на словах»¹⁴⁵. Когда во время конфликта между Омском и Читой атаман Г.М. Семенов прислал в Партизанскую дивизию своих агитаторов, анненковцы их выгнали¹⁴⁶.

Необходимость срочной переброски Анненкова на Семиреченский фронт обуславливалась не только желанием центральной власти вытеснить «атаманщину» на периферию государственного строительства, но и боевой обстановкой в Семиречье. Осенью 1918 г. белые там элементарно выдохлись, виной чему было подавляющее превосходство противника в живой силе и вооружении, а также локализованная в их тылу сильная группировка советских войск. Красные смогли опереться на несколько крупных переселенческих сел к северу от Лепсинска, и образовавшаяся из них «Черкасская оборона» (четыре — пять тысяч бойцов) стала постоянно угрожать коммуникациям белых. Не вытащив эту «занозу», колчаковские войска не могли наступать на Верный. Партизанской дивизии приказано было нанести удар по Черкасской обороне. Беда белых заключалась, однако, в том, что с прибытием анненковцев они, хоть и серьезно усиливались, но решающего численного перевеса над противником все равно не получили¹⁴⁷.

Советская историография и публицистика сформировали представление, что после Верхнеуральского фронта Анненков воевал только против почти безоружных и необученных крестьян-повстанцев. На самом деле весь район Черкасской обороны был «прекрасно

---

¹⁴⁴ Там же. С. 92–93.

¹⁴⁵ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 377.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.3-10.

¹⁴⁷ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 328–329.

оборудован вырытыми окопами». Его защищали «правильно сформированные» и «очень стойкие части красных» из солдат-фронтовиков Мировой войны, имевшие на вооружении артиллерию и пулеметы. «Словом, это оказался самый настоящий фронт», — вспоминал атаман¹⁴⁸. Сплошной линии фронта в Семиречье не было, поэтому и окружение красных в районе с. Черкасского долго было условным. Ночами между «окруженными» и основными силами осуществлялась как конно-вьючная связь (красные отряды и обозы проскакивали между частями противника или пробивались), так и световая (костры в горах)¹⁴⁹. Время от времени оборона получала подкрепления. Красные привезли из Верного баллоны с хлором и 4 сентября 1919 г. устроили газовую атаку, выпустив на окопы анненковцев две волны хлора¹⁵⁰. Бои на «Лепсинском фронте» шли жестокие, кровопролитные и до октября 1919 г. с переменным успехом.

Когда Анненков с основными силами дивизии прибыл в станицу Урджарскую, он «застал там весьма напряженную обстановку»: «отношения между казаками и местным населением были страшно обострены» из-за политики насильственного оказывания, которую стал проводить войсковой атаман Семиреченского войска генерал-майор А.М. Ионов¹⁵¹. Анненков нашел в Семиречье казачье засилье: казаки совершали в отношении крестьян-новоселов и других граждан самосуды и другие «законнарушения»¹⁵². Он заявил, что прибыл в область «для водворения правопорядка, тишины и спокойствия и что в отношении населения отряд будет держаться совершенно одинаково беспристрастно, будь то казак, крестьянин или киргиз». И действительно, по мнению управляющего Семиреченской областью Балабанова, поведение прибывших анненковцев «укрепило веру встревоженного населения в установление порядка»¹⁵³. Чтобы прекратить рознь между казаками, крестьянами, киргизами, относившимися враждебно друг к другу, атаман начал проводить крестьянские и киргизские съезды. И на крестьянских первым вопросом всегда было оказывание области Ионовым¹⁵⁴. Важное значение и самый благоприятный эффект имел первый такой съезд — крестьянства Урджарского

---

¹⁴⁸ Заика Л.М., Бобренов В.А. Атаман Анненков... С. 74.

¹⁴⁹ Назаренко В.В. Воспоминания о гражданской войне на Семиреченском фронте в период 1918–1920 гг. Рукопись (копия) // Архив автора. Л. 33.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 198.

¹⁵¹ Заика Л.М., Бобренов В.А. Атаман Анненков... С. 74.

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 22. Л. 8; РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 459.

¹⁵³ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 459.

¹⁵⁴ Заика Л.М., Бобренов В.А. Атаман Анненков ...С. 73.

района, созданный Анненковым в селении Андреевском 7 января 1919 г. Съезд «прошел оживленно» и «внес большое успокоение в население». Он не только обещал помогать правительственным войскам, но и согласился на призыв в части Партизанской дивизии молодых солдат 19, 20 лет и 21 года. Проведенная в январе в Урджарском районе мобилизация дала атаману до двух рот солдат (по другим данным, около 600 чел. пополнения). Со своей стороны Анненков поддерживал крестьянство в вопросе о насильственном оказачивании, заявив о его неприемлемости¹⁵⁵.

В конце ноября — декабре 1918 г. генерал Ионов задействовал анненковцев в ликвидации «банд в районе Урджара»¹⁵⁶. Понимая, насколько сложны и чреваты потерями операции в горах, Анненков пытался решить проблему мирным путем, воздействуя на родственников красных партизан, а также через переговоры непосредственно с партизанами. По его поручению капитан Безкровный ездил из Урджара на переговоры с красными, скрывавшимися в Кирилловском ущелье, которыми командовал Е.С. Алексеев. Он предлагал им прекратить борьбу, сдать оружие, обещая сохранить жизни и имущество. С Алексеевым встречался и лично Анненков, знавший его по Германскому фронту. Алексеев заявил Анненкову, что они не признают ни белых, ни красных, а «стоят за власть крестьянства и борются против оказачивания». Переговоры окончились безрезультатно. Впрочем, как и боевые операции. Благодаря труднодоступной горной местности партизанам удалось избежать разгрома¹⁵⁷.

Затем Анненков стал готовить разведку боем Черкасской обороны и 17 января 1919 г. произвел ее, совершив набег на с. Андреевку. Однако «жестокий бой», длившийся в течение полусуток, не принес белым успеха. «Позиция оказалась с сильными укреплениями, и овладеть ею не удалось. Мы понесли большие потери», — вспоминал Анненков¹⁵⁸.

Неожиданное упорство противника и размышления о его причинах, видимо, так подействовали на начальника Партизанской дивизии, не привыкшего терпеть поражения, что он счел возможным обратиться напрямую в Омск со своим видением политической обста-

---

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 22. Л. 12; РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 459–460; Сибирская жизнь. 1919. 23 января; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 55–56, 58–59.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 61. Л. 157.

¹⁵⁷ *Елагин А.С.* Красные горные орлы Тарбагатая. Алма-Ата, 1961. С. 17; *Заика Л.М., Бобренов В.А.* Атаман Анненков... С. 74.

¹⁵⁸ Иртыш. 1919. 9 февраля; *Елагин А.С.* Из истории героической борьбы партизан Семиречья... С. 29–30; *Заика Л.М., Бобренов В.А.* Атаман Анненков... С. 75.

новки в Семиречье. 18 января 1919 г. Анненков направил военному министру следующую телеграмму: «Войсковой атаман Семиреченского казачьего войска генерал Ионов задался целью оказачить Семиреченскую область переводом в казачество крестьян старожильческих сел и выселением разночинцев из станиц. Новосельческие села игнорируются. Теперь уже генералом Ионовым приступлено к исполнению утопического плана, который не только приведет к полной разрухе области, но и вызовет новое море кровавых восстаний. Находясь на фронте, я ясно представляю борьбу так: все новосельческие селения, находясь в безвыходном положении, отчасти от того, что их грабят и жгут после занятия поселков семиреченские казаки, сводя свои личные счета, а отчасти потому, что они чувствуют, что при оказачивании области должны будут рано или поздно покинуть свои насиженные места и кочевать куда-либо в угоду генералу Ионову и семиреченскому казачеству. Борьба принимает в области характер не с большевиками, а с крестьянами, восставшими в силу необходимости за свое имущество и за свои жизни. Считаю политику совершенно не допустимой. Семиреченское казачество во времена большевизма было заражено им больше чем [на] семьдесят пять процентов, и, следовательно, оздоровить край не сможет; таким образом, цель оказачивания непонятна, и тем более не желательна, что эта политика проводится в то время, когда части 5 дивизии и части моего отряда сражаются на фронте против большевиков, в тылу снова можно ожидать всевозможных выступлений на почве безвыходности. Население относится крайне недоверчиво и отрицательно к этой политике, и я ходатайствую о скорейшем прекращении насилий, творимых казачьими станицами с ведома и согласия войскового атамана над разночинцами, живущими на казачьей территории»¹⁵⁹.

20 января 1919 г. при реформировании военного управления района 2-го Степного корпуса уполномоченный комкора по Семиреченской области генерал А.М. Ионов был освобожден от обязанностей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, а его функции по этому охранению были переданы начальникам 5-й и Партизанской дивизий в районах их дислокации¹⁶⁰. Вероятно, именно после этого Анненков издал приказ, отменявший оказачивание. Он вспоминал: «Все селения немедленно взяли свои приговоры обратно. Это дало Ионову повод заявить в Ставке, что я иду против

---

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 513.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 40153. Оп. 1. Д. 10. Л. 3 об.; ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 313.

казачества, разрушают планы государственной важности и т. д.»¹⁶¹.

Быть может, Анненков действительно хотел стать войсковым атаманом семиреков. Однако в основе конфликта между ним и генералом Ионовым лежали совершенно объективные причины. Анненков считал политику оказывания губительной и сорвал ее проведение. Дальнейшее развитие конфликта между партизанским и войсковым атаманами, эволюция взаимоотношений Партизанской дивизии и органов самоуправления Семиреченского казачьего войска требуют отдельного изучения. В конце концов с помощью ареста Ионова Анненкову удалось спровадить его в Омск, навсегда из Семиречья¹⁶².

Сильные бураны и морозы привели к «зимнему затишью» на Семиреченском фронте. Анненков пытался начать переговоры с крестьянами, участвовавшими в Черкасской обороне, с целью прекращения вооруженной борьбы¹⁶³. Но было поздно, кровь уже пролилась. Крестьяне были уверены, что если сдадутся, то безоружных их казаки и киргизы вырежут. Белым ничего не оставалось как драться. С противником отчаянным и самоотверженным, «драться за каждый шаг, за каждый дом»¹⁶⁴.

Семнадцатого марта 1919 г. Анненков предпринял второе наступление на с. Андреевка и сначала смог его взять. Но, подтянув подкрепления с других участков Черкасской обороны, красные в упорном бою отбросили противника на исходные позиции¹⁶⁵. Тогда атаман понял, что без длительной подготовки и сосредоточения мощного ударного кулака с артиллерией и пехотой красную оборону не ликвидировать.

В апреле — начале июня 1919 г. деятельность Анненкова по формированию и укомплектованию частей, поиску для них материальных ресурсов достигает, наверное, апогея. Численность Партизанской дивизии в это время достигает примерно 10 тыс. человек. К 10 мая 1919 г. Партизанская дивизия атамана Анненкова состояла из следующих боевых частей: Отдельной стрелковой бригады подполковника А.В. Сергеева в составе 1-го и 2-го (бывшего Верхнеуральского) Партизанских, 3-го Сводного партизанского стрелковых полков и Маньчжурско-егерского батальона; Отдельной кавалерийской бригады ротмистра Б.П. Белавенца в составе Полка черных гусар и Барнаульского полка голубых улан; Отдельной казацкой бригады есаула

---

¹⁶¹ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 58–59.

¹⁶² Гольцев В.А. Сибирская Вандея... С. 213–214.

¹⁶³ Елагин А.С. Из истории героической борьбы партизан Семиречья... С. 30–31.

¹⁶⁴ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 331.

¹⁶⁵ Черкасская оборона (июнь 1918 — октябрь 1919): Документы и материалы. Алма-Ата, 1968. С. 82, 83, 275.

Е.В. Слюнина в составе 1-й Оренбургского, 1-го Партизанского (бывшего 1-го Сибирского), 2-го Устькаменогорского казачьих, 1-го Коннокиргизского партизанского полков; Партизанского артдивизиона в составе 1-й казачьей, 1-й конной и тяжелой батарей; Партизанского инженерного дивизиона штабс-капитана В.В. Пищикова; сербской конной команды и конвойной сотни при штабе дивизии¹⁶⁶.

Ставка Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака считала Семиреченский фронт второстепенным, поэтому на все просьбы о помощи людскими и материальными ресурсами Омск отвечал отказом или совершенно незначительными поставками. Зона дислокации Партизанской дивизии, в плане продовольствия и фуража, была предыдущими боевыми действиями истощена. Тыл же в лице Семипалатинска, по словам Анненкова, «не давал ничего»¹⁶⁷. Верховный главнокомандующий А.В. Колчак приказом № 93 от 28 декабря 1918 г. запретил закупку и доставку товаров в адрес отдельных частей. Эти функции были переданы интендантству и стали осуществляться централизованно. Лиц, пытавшихся продолжать прежнюю деятельность в пользу тех или иных частей, начали преследовать. Так, в марте 1919 г. в Омске «был предан прифронтовому суду как за спекуляцию» старший врач Партизанской дивизии надворный советник Немсадзе, по личному приказанию атамана привезший с востока для дивизии 180 пудов медикаментов и товаров. Анненков и его штаб в 1918 г. выдали удостоверения на право закупки и переправки предметов в отряд (дивизию) целому ряду лиц. Некоторые из них, воспользовавшись удостоверениями, действительно стали заниматься спекуляцией. 2 мая 1919 г. Анненков объявил все выданные дивизией удостоверения недействительными, приказал лицам, производившим по удостоверениям закупки, сдать документы и все закупленное дивизионному интенданту, слушников пригрозил предавать военно-полевому суду¹⁶⁸. Атаман был вынужден подчиниться воле центральной власти, контролировавшей железную дорогу, однако эта мера лишала его возможности самостоятельных закупок в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале и при минимальном снабжении от интендантства ставила Партизанскую дивизию в критическое положение. Пришлось ему создавать вторую, альтернативную, базу дивизии в пограничных пунктах Китая¹⁶⁹.

---

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 148, 150.

¹⁶⁷ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 131–132, 279.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 7. Л. 45; Новое слово (Семипалатинск). 1919. 10 мая.

¹⁶⁹ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 123.

Анненков вступил в тесные контакты с бывшими царскими консулами, которые продолжали активно действовать в Синьцзяне. Консулы располагали еще «весьма крупными денежными средствами», хорошо знали живших и ведущих торговые дела в Синьцзяне российских подданных, а также экономические возможности этой китайской провинции. С помощью консулов удалось организовать сбор пожертвований с торговых фирм, принадлежавших подданным России. Так, «торговый класс из русскоподданных» г. Урумчи, по некоторым данным, сделал пожертвования в Чугучаке в количестве 10 млн. рублей¹⁷⁰. Кроме того, «по взаимному согласию с консулом» Анненков провел среди русскоподданных Чугучака мобилизацию интеллигентной молодежи в возрасте от 18 до 30 лет¹⁷¹. Благодаря консулу в Кульдже В.Ф. Любе удалось начать формирование из бежавших в Китай таранчей (уйгуров-земледельцев) 1-го Илийского конного полка полковника П.И. Сидорова¹⁷².

Весна 1919 г. стала временем ликвидации центральной властью сети штабов пополнения Партизанской дивизии. В конце марта Омский отряд (штаб) пополнения пошел на формирование Егерского батальона 11-й Сибирской стрелковой дивизии¹⁷³. Запись добровольцев в Партизанскую дивизию стала проводиться на общих основаниях в виде кампаний, организовывавшихся в тех или иных местах уполномоченными лицами¹⁷⁴. С ликвидацией штабов пополнения Партизанская дивизия стала испытывать трудности с пополнением добровольцами из Сибири и с Урала. Анненкову пришлось сосредоточиться на использовании местных ресурсов Семиречья и приграничных районов Синьцзяна.

Сложные отношения были у Анненкова со штабом 2-го Степного корпуса. Партизанская дивизия получала от корпусного штаба денежное довольствие и снабжение, но в недостаточных количествах. Создание нештатных частей, а значит — и вольное перераспределение поступавших казенных денег, самоуправство в проведении реквизи-

---

¹⁷⁰ Бармин В.А. О поддержке российскими подданными в Синьцзяне белогвардейских войск адмирала А.В. Колчака в 1919–1920 гг. // Российская диаспора в странах Востока: история и современность: Сб. ст. М., 2013. С. 36, 38.

¹⁷¹ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327.

¹⁷² Там же. Л. 318, 136, 326–328; ГАРФ. Ф. Р-6121. Оп. 1. Д. 73. Л. 110; Ф. 6219. Оп. 1. Д. 19. Л. 282, 284; Марковчин В.В. Указ. соч. С. 223–224, 124.

¹⁷³ Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 70.

¹⁷⁴ Сибирская речь. 1919. 16 августа.

зиций и контрибуций, наконец, самовольство, резкость и заносчивость атамана в отношении вышестоящего начальства, — все это, конечно, не могло нравиться командиру корпуса генерал-майору В.В. Бржезовскому и его штабу. Со своей стороны Анненков был недоволен скудным снабжением и отсутствием заботы о его партизанах со стороны корпусного штаба. Поэтому у атамана с этим штабом «были нелады»: он не давал ему «никаких сведений, как о численном составе, так и о боевых действиях» своей дивизии. По определению Н.А. Денисова, Партизанская дивизия входила в состав 2-го Степного корпуса «почти фиктивно»¹⁷⁵. Дело усугублялось глубокой личной неприязнью. Анненков чинов штаба корпуса презирал и характеризовал так: «Большая часть спекулянтов, остальная — алкоголики»¹⁷⁶. Те в свою очередь считали атамана «сугубым разбойником»¹⁷⁷.

Критика со стороны штаба 2-го Степного корпуса, а также войскового атамана Семиреченского казачьего войска генерала А.М. Ионнова, конечно, накладывала отпечаток на отношение к Анненкову со стороны верховной власти. Тем более, что в Омске «вообще шла борьба с атаманами». Поэтому взаимоотношения партизанского атамана и Омска «были неважные»¹⁷⁸. Считалось, что Анненков действует в Семиречье, «как захочет сам»¹⁷⁹. Сам атаман признавал, что до июня 1919 г. Российское правительство считало его дивизию «недисциплинированной, распущенной бандой, которую необходимо расформировать»¹⁸⁰.

К концу мая 1919 г. Анненков в основном создал условия для решительного удара по Черкасской обороне. Партизанская дивизия была по сути дела переформирована. Был создан запас оружия и боеприпасов. В частности, в с. Уч-Арала, в котором находился штаб дивизии, Анненков сосредоточил 30 тыс. снарядов. В Семипалатинске и Усть-Каменогорске энергично формировались резервы, часть которых уже можно было направить на фронт для развития операции. И в это время, когда Анненков уже предвкушал успех, он вдруг «получил предписание начать переброску на Западный фронт не позднее начала июня». Естественно, атаман был против передислокации его дивизии из Семиречья¹⁸¹.

---

¹⁷⁵ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 116, 130–131.

¹⁷⁶ Павловский П.И. Анненковщина... С. 33.

¹⁷⁷ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 318.

¹⁷⁸ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 130–131.

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.

¹⁸⁰ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁸¹ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327.

Слух о предстоящем отравке Партизанской дивизии в Сибирь быстро распространился по Семиречью и синьцзянскому приграничью. Первыми забили тревогу наиболее информированные консулы (В.Ф. Люба в Кульдже и В.В. Долбежев в Чугучаке), а также Чугучакский торгово-промышленный комитет¹⁸². Затем среди крестьян и киргиз было организовано приговорное движение за оставление анненковцев в Семиречье¹⁸³. Заместитель управляющего Семиреченской областью Шперлинг 6 июня 1919 г. телеграфировал в Омск министру внутренних дел, что в связи со слухами об отозвании дивизии Анненкова на другой фронт «среди населения, преданного правительству, создается паника, некоторые уже бегут [в] Китай». По данным Шперлинга, большинство жителей Бахтов, Алакульской, Эмельской, Барлыкской, Хатынсуйской и части Урджарской волостей стягивались к государственной границе, ожидая решения вопроса о выводе дивизии и готовясь к бегству в Китай¹⁸⁴.

Свою позицию по вопросу Анненков предельно четко и в свойственной ему резкой манере изложил в докладе командиру 2-го Степного корпуса:

«Приказание о смене моей дивизии и переброске на Западный фронт может быть выполнено при том условии, если я буду заменен другим начальником дивизии, так как я лично как патриот, любящий свою Родину, считаю преступлением не использовать силы, сосредоточенные здесь, не оправдав все те затраты жизней лучших бойцов-партизан, которые погибли в подготовительных боях, не оправдав те надежды, которые возлагает на нас население, как в районе, очищенном от большевиков, так и в районе, занятом большевиками. О моей смене я уже просил телеграммой. Не могу не донести, что с моим уходом из дивизии такая останется существовать лишь фиктивно на бумаге, так как 57 % добровольцев из всего числа партизан уже окончили срок своей службы и могут оставить отряд, что они и сделают, ибо все они проникнуты одной со мной мыслью борьбы против большевиков на Семиреченском фронте.

Считаю долгом донести, что я не получил за весь год существования дивизии [...] ни одной пушки, ни одного пулемета. Многое, положенное от казны, дивизия не получала, а все это ложилось бременем на население, которое терпеливо все переносило в надеждах на нашу помощь, на наше продвижение. Сформированные новые части,

---

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 233; ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 205.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 230–232 об.; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 59.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 22. Л. 40.

не утвержденные правительством, все содержатся на средства дивизии, и перебрасывать их на другой фронт, безусловно, никто не может. Китайский полк, добровольческий, в составе около 700 штыков, имеющий тяготение к своей границе, также не может быть переброшен на другой фронт. Таким образом, переброска частей дивизии не даст тех результатов, кои, быть может, ожидаются правительством, часть же распадется, и я в этом не беру на себя ответственность перед Родиной. Части, сформированные мною, представлялись Вам, господин генерал, и Вы можете сами судить, в каком они состоянии, Вы сами можете вывести заключение, сколько положено труда, энергии и силы воли всего командного состава, чтобы создать такие части. Все это делалось с единственной целью помочь нашей Родине и, если потребуется, то и отдать все наши жизни за благо ее. Становиться же игрушкой по воле интриганов вроде Ионова (чин не имею нравственного права указывать, так как больно, что такие люди, губящие ради личных выгод край, губящие дело, уже погубившие раз его, тоже стоят у власти и именуются офицерскими чинами), забывать свой долг перед страной в угоду единых лиц, я не в состоянии, не хочу и не могу. Изменником я не был и не буду, я буду продолжать борьбу с большевиками в Семиречье, хотя бы с кучкой людей, я готов отдать свою жизнь и доказал это на деле, а тем не менее, должен в угоду героям тыла, вроде Ионова, не знающим свиста пуль, околачивающим все пороги у „власть имущих“, бросить край, целый край на верную почти гибель. Повторяю свой доклад, я не имею нравственного права это сделать, я этого не сделаю, будучи готов ответить за это»¹⁸⁵.

Однако, несмотря на всю свою категоричность, атаман в действительности не был уверен в исходе дела и внутренне колебался, подчиниться или нет¹⁸⁶. Однозначно он оттягивал начало сосредоточения частей для переброски в Сибирь, чему благоприятствовали объективные обстоятельства, а именно: медленный, по условиям транспорта, подход частей Отдельной Степной стрелковой бригады генерал-майора Ф.Г. Ярушина, которые должны были сменить анненковцев, и подъем в мае — июне 1919 г. краснопартизанского движения на самом севере Семиреченской области, как раз на коммуникациях Партизанской дивизии.

10 апреля 1919 г. партизаны объединились в отряд «Красных горных орлов Тарбагатай» под командованием Е.С. Алексева, первоначальной численностью не менее 300 чел. и с базой в Кельдемурат-

---

¹⁸⁵ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

¹⁸⁶ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327.

ском ущелье близ с. Пятигорское¹⁸⁷. Начиная с 1 мая, из района селений Пятигорское, Подгорное и Петровское Лепсинского уезда «горные орлы» начали проникать в соседний Зайсанский уезд, где отнимали у киргиз лошадей, продовольствие и убивали противившихся. 4 мая из Урджара для ликвидации сформировавшегося краснопартизанского района выступил отряд Партизанской дивизии в 350 чел. под командованием есаула Русинского. Вероятно, Русинский имел приказание Анненкова действовать беспощадно, не останавливаясь перед выявлением и уничтожением семей партизан. Тем временем 5 мая 1919 г., напав на с. Пятигорское, красные зверски уничтожили целый взвод (не менее 25 чел.) конно-киргизского полка под командованием прапорщика Нигматуллина и застрелили пятигорского волостного старшину, а в с. Подгорное совершили насилия над мирными киргизами: одних зарубили, других увели с собой в горы. Выйдя в заданный район, Русинский столкнулся с серьезным сопротивлением красных партизан и с массовой поддержкой их населением.

Размах операции потребовал присутствия самого атамана Анненкова, который приехал в Анненково (Маканчи) и оттуда стал руководить «усмирением». 28 мая в письме Сидорову Анненков упомянул: «Три села признали «Советскую власть», ну и пришлось их уничтожить поголовно, сжечь все дома и так далее». Расправа над населением Подгорного, Пятигорского и Петровского за «единение с красными» была, наверное, самой свирепой карательной операцией анненковцев. Это было не только «примерное наказание» «единомышленников красных» как кровавый урок крестьянам-новоселам, но и уничтожение названных сел как базы «горных орлов». Особенно в этом плане было важно Подгорное, стоявшее у границы, через которое партизаны имели возможность получать из Китая необходимые им товары (медикаменты, ткани и т. д.). Оно подверглось наибольшему разгрому. По официальным белым данным, в Подгорном было «уничтожено до 150 человек мужского пола и часть селения сожжена». По свидетельствам красной стороны, массовые казни в селе были проведены в два приема, с интервалом в один день: в первый раз ликвидировали 115 человек, во второй — 150; причем среди казненных было много женщин, стариков и детей. К 3 июня 1919 г. есаул Русинский подавил восстание, предотвратил превращение района сел Подгорное, Пятигорское и Петровское в повстанческий район, загнал партизан глубоко в горы, однако ликвидировать их «логово» в Кельдему-

---

¹⁸⁷ Елагин А.С. Красные горные орлы Тарбагатай. Алма-Ата, 1961. С. 20–21.

ратском ущелье из-за его труднодоступности не смог¹⁸⁸.

Нанеся поражение противнику в приграничье, белые с конца мая 1919 г. столкнулись с нарастанием партизанского движения в Урджарском районе. Учитывая пространства и характер местности, сил Партизанской дивизии было недостаточно для одновременной борьбы с Черкасской обороной и «горными орлами».

Между тем, ходатайство киргизского и русского населения Семиреченской области об оставлении дивизии атамана Анненкова на Семиреченском фронте, доведенное до верховной власти, было А.В. Колчаком отклонено «за невозможностью удовлетворения»¹⁸⁹. Переброска Степной бригады генерала Ф.Г. Ярушина из Семипалатинска в Семиречье на смену анненковцам и фронтовой группы Партизанской дивизии, наоборот, из Семиречья в Семипалатинск, к железной дороге, представляла собой сложную транспортную проблему. Всего подлежало переброске девять тысяч человек и 73 500 пудов грузов на расстояние до пятисот верст, на оплату которой требовалось почти 11 млн. рублей. 21 июня военное министерство открыло 2-му Степному корпусу кредит в 10 млн. рублей на эти перевозки¹⁹⁰. Таким образом, по состоянию на 21 июня 1919 г. Ставка Верховного главнокомандующего еще не отказалась от идеи вывести Партизанскую дивизию из Семиречья. В 20-х числах июня Анненков ждал приказа из Омска о начале сосредоточения и переброски фронтовой группы своей дивизии из Семиречья в Семипалатинск и далее¹⁹¹.

Главной причиной, почему Анненкова и его дивизию оставили в Семиречье, стали не красные партизаны, не Черкасская оборона. Оказалось, ее просто нечем заменить, поскольку надежды на Степную бригаду Ярушина не оправдались. Во-первых, на 26 июня ее 1-й полк только продвигался к Уч-Аралу, часть его находилась еще в районе Урджара, а 2-й полк прибыл в Семиречье лишь в июле 1919 г. (24 июня был еще в Семипалатинске). Во-вторых, первый же серьезный бой показал, что бригада небоеспособна и политически ненадежна. Когда 16 июля Анненков двинул 1-й Сергиопольский полк в наступление на с. Андреевка, тот, попав под меткий огонь артиллерии противника и столкнувшись с

---

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 2г. Л. 79, 97, 109 об.; Д. 22. Л. 40; ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 327; *Елагин А.С.* Красные горные орлы Тарбагатая... С. 26–27, 29; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. *Алма-Ата*, 1963. Т. 1. Май 1918 г. — сентябрь 1919 г. С. 640, 641; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 149, 242, 346;

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62. Л. 228–229 об.

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-150. Оп. 3. Д. 40. Л. 213, 218.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

красными эскадронами, начал сдаваться. Это был полный разгром. «В непродолжительном бою» красные взяли свыше 700 человек пленных (около половины личного состава полка) и большие трофеи. Именно после этого, по свидетельству Н.А. Денисова, идея смены дивизии Анненкова была окончательно отставлена. Разбитый 1-й Сергиопольский полк и подошедший после 16 июля свежий 2-й Зайсанский полк были оставлены в резерве для доформирования¹⁹².

И все же в отличие от дальневосточных атаманов, пусть вопреки своей воле, Анненков своими новыми формированиями оказал существенную поддержку основному фронту. В июне — начале июля 1919 г. из Семипалатинской области в район Екатеринбурга в резерв главнокомандующего войсками Восточной группы армий генерала М.К. Дитерихса была переброшена «тыловая группа» Партизанской дивизии. Сам Анненков был против увода его резервов, еще не готовых, за исключением инженерного дивизиона к боям, а главное — необходимых ему самому для развития будущей решительной операции против Черкасской обороны. Тем более, переброску начали без его согласия, даже не предупредив¹⁹³. В ответ атаман заявил, что «не желает брать на себя ответственность за направление небоеспособных частей на другой фронт»¹⁹⁴.

На «Екатеринбургский фронт» были переброшены следующие части Партизанской дивизии: 3-й Сводный партизанский пехотный полк в составе трех батальонов, команд разведчиков, связи и учебной; инженерный дивизион в составе саперной роты, инженерного парка, отдельной автоколонны с автомастерской и прожекторного отделения; Отдельная кавалерийская бригада ротмистра Б.П. Белавенца в составе Полка черных гусар и Барнаульского полка голубых улан (оба по три эскадрона); 2-й Устькаменогорский партизанский казачий полк в составе трех сотен и команд пулеметной, связи и учебной; 2-й дивизионный лазарет и военно-санитарный транспорт. Всего — примерно 5300 анненковцев¹⁹⁵.

Штабс-капитан А.А. Добкевич, назначенный после окончания младшего курса Академии Генерального штаба начальником штаба 1-й Отдельной партизанской кавалерийской бригады дивизии атамана Анненкова, в письме матери в Харбин (май — июнь 1919 г.) писал:

---

¹⁹² Елагин А.С. Красные горные орлы Тарбагатай... С. 37, 36; Марковчин В.В. Указ. соч. С. 109–110, 116, 117, 131.

¹⁹³ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 58.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 24. Л. 49–50, 66–71, 74, 77–79, 81, 83 об. — 85 об.; Д. 45. Л. 176. Подсчет автора.

«Рихтер пошел служить к Семенову, говоря, что солдаты только у Семенова, пусть же он проедет сюда в Сибирь и посмотрит, только тут и есть армия самая настоящая, а не семеновские банды. [...] У Анненкова только экзотические названия частей; так, в моей бригаде состоят черные гусары и голубые уланы, и носят они черепа, где только можно их нацепить, но смешное этим и кончается, т. к. полки эти очень хорошие»¹⁹⁶.

Все офицеры, инспектировавшие прибывшие на Урал анненковские части (генерал Редько, штабс-капитаны Переведенцев, Герасимов и др.), отмечали их высокий боевой дух, надежность, крепкую основу из добровольцев¹⁹⁷. Однако почти все части Сводной партизанской дивизии прибыли на фронт, во-первых, не в полном составе (особенно в коннице: только девять эскадронов и сотен из 12); во-вторых, далеко не закончив формирование, на разных его стадиях; в-третьих, без самых насущных предметов вооружения, снаряжения и обмундирования. Особенно удивляет отправка на фронт кавалерии без оружия, лошадей, седел и обоза. Такое неутешительное положение с вооружением и снаряжением было непосредственным следствием политики Ставки в мае 1919 г. Непредоставление снабжения стало тем рычагом, с помощью которого высшее командование и заставило тыловую группу Партизанской дивизии выступить из Семипалатинской области на Урал. Был специальный приказ помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора П.Г. Бурлина: «Вооружение частям полковника Анненкова не давать до особого распоряжения Ставки, имея в виду, что они будут снабжены и вооружены после перехода их на западный театр военных действий»¹⁹⁸.

Интересной представляется гипотеза, согласно которой анненковцы перебрасывались в Екатеринбург не столько против красных, поскольку к боевым действиям на фронте они еще не были готовы, сколько против командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды, чтобы последний во время его конфликта со Ставкой, подталкиваемый эсеровским окружением, не решился бы на авантюру против Омска и своим выступлением не развалил бы весь белый фронт.

В конце июня 1919 г. для контроля за действиями Партизанской

---

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.3-10.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 24. Л. 82.

¹⁹⁸ Бармин В. О морально-психологическом состоянии войск атаманов Б.В. Анненкова и А.И. Дутова накануне их разгрома (сентябрь 1919 — январь 1920 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 234.

дивизии и вообще положения в Семиречье адмирал А.В. Колчак направил туда комиссию во главе с начальником общего отдела штаба Верховного главнокомандующего генерал-майором Н.П. Щербаковым¹⁹⁹. Комиссия, по свидетельству Н.А. Денисова, нашла Партизанскую дивизию «в блестящем состоянии» и пришла к мнению, что все новые формирования Анненкова следует узаконить²⁰⁰. В сентябре 1919 г. доклад вернувшегося в Омск из инспекционной поездки Н.П. Щербакова оказался «совершенно неожиданным» для самых принципиальных противников «атаманщины». Его основное содержание известно из дневниковой записи управляющего военным министерством генерал-лейтенанта А.П. Будберга. Человек аналитического ума с огромным служебным опытом, к тому же злой на язык пессимист, Будберг вообще мало кому давал положительные оценки, мало кому верил на слово. После доклада Щербакова военный министр отбросил свое предубеждение и дал атаману высокую оценку. Анненков стал единственным из вождей сибирской и дальневосточной «атаманщины», о ком барон сказал хорошо²⁰¹. После доклада Н.П. Щербакова отношение Омска к Анненкову изменилось в лучшую сторону²⁰².

Осенью 1919 г. обозначилась эволюция Партизанской дивизии в регулярное войсковое соединение колчаковской армии. Были централизованы и упорядочены реквизиции. Теперь все требования на требуемые предметы воинские части представляли помощнику атамана дивизии, а тот уже действовал через специальную реквизиционную комиссию. Помимо нее какие-либо реквизиции были запрещены²⁰³. 18 октября 1919 г. новый командир 2-го Степного корпуса генерал-майор И.С. Ефтин приказал зачислить еще не утвержденные Верховным правителем части Партизанской дивизии, а таковых было большинство, на все виды довольствия при корпусе²⁰⁴.

Три месяца, с 16 июля по 14 октября 1919 г., были периодом жестоких и почти непрерывных боев по ликвидации Черкасской обороны. Видя необыкновенное упорство красных и не желая губить своих партизан, а в то же время зная, что осажденные страдают от артиллерийского огня, недоедания и болезней, Анненков неоднократно предлагал им начать переговоры о прекращении вооруженной борьбы²⁰⁵.

---

¹⁹⁹ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 59.

²⁰⁰ Там же. С. 123.

²⁰¹ Будберг А.П. Дневник ... С. 318.

²⁰² Марковчин В.В. Указ. соч. С. 60.

²⁰³ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 121.

²⁰⁴ Там же. Л. 335.

²⁰⁵ Елагин А.С. Из истории героической борьбы партизан Семиречья... С. 44, 47.

В конце концов, чтобы оттянуть время, руководство окруженных пошло на переговоры. Значительная часть красных, потеряв надежду на помощь из Верного, стала склоняться к капитуляции. Внутри осажденных произошел раскол. 13 октября после окончания срока перемирия белые открыли ураганный огонь, после чего сдались полным составом, со своими командирами, три роты. Красные еще предприняли неудачную попытку прорыва, после которой началась их массовая сдача. 14 октября 1919 г. Черкасская оборона пала²⁰⁶.

Ключевая роль Анненкова в трехмесячной осаде и разложении противника путем агитации и переговоров несомненна. Белым достались большие трофеи: пять или шесть орудий, 20 пулеметов, масса винтовок, лошадей, телефонное, шанцевое и другое имущество²⁰⁷. 15 октября 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака атаман Б.В. Анненков «за боевые отличия, исключительную храбрость, проявленную в боях 12–14 октября 1919 г.», был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и «за особо важные заслуги, оказанные Российскому государству», произведен в чин генерал-майора (со старшинством с 14 октября 1919 г.)²⁰⁸. Только ликвидировав Черкасскую оборону, Анненков смог уделить должное внимание «красным горным орлам Тарбагатая».

После оставления Омска Колчаком Анненков преобразовал дивизию в Партизанский отряд, а когда генерал Ефтин попросил у него прислать два полка для защиты Семипалатинска, потребовал от него передать ему должность комкора. 26 ноября 1919 г. Ефтин подписал приказ о передаче всей полноты власти атаману²⁰⁹. Анненков стал издавать приказы всем войскам Семиреченской и Семипалатинской областей²¹⁰. Два партизанских полка не успели к Семипалатинску (в ночь на 1 декабря 1919 г. он был захвачен восставшим егерским батальоном), но они к 10 декабря приостановили продвижение красных, образовав фронт в районе пикета Аркат. Падение Семипалатинска заставило повернуть в Семиречье Оренбургскую армию атамана А.И. Дутова. К 20-м числам декабря 1919 г. она вышла в район Сергиополя²¹¹. Эта армия была на 80 % больна тифом, обморожена, а также обременена «колоссальным обозом» с семьями. О полной небоеспособ-

---

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 6219. Оп. 1. Д. 19. Л. 289 об., 296; *Гольцев В.А.* Сибирская Вандея... С. 187–209.

²⁰⁷ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 331; За Родину. 1919. 18 октября.

²⁰⁸ *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году... С. 402.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 2.

²¹⁰ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 65.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 3.

ности дутовцев говорит тот факт, что их гнала, забирая пленных и трофеи, красная конница в 450 шашек²¹². В конце декабря 1919 г. на совещании Дутова и Анненкова в станице Урджарской было принято решение о слиянии всех белых войск, оказавшихся в Семиречье, в Отдельную Семиреченскую армию под командованием Анненкова. При этом Оренбургская армия сводилась в «Отряд атамана Дутова» под началом генерала А.С. Бакича, а сам Дутов удалился от своих казаков, заняв номинальную должность главного начальника Семиреченского края с резиденцией в Лепсинске²¹³. Так Анненков стал командующим небольшой армией.

Генерал Н.П. Щербаков, вернувшись в Омск из поездки в Семиречье, предлагал восстановить в этой области военно-народное управление, бывшее там при царе, т. е. подчинить все гражданские власти военному министерству. Однако Российское правительство не пошло на такой шаг²¹⁴. Щербаков говорил, что «Анненков — разумный и законопослушный человек, но что он не может признавать авторитета гражданских властей, потому что они беспомощны, а его, Анненкова, население слушается»²¹⁵. Атаман со свойственной ему смелостью быстро подчинил себе гражданские власти. Например, сам назначал начальников милиции и руководил ими²¹⁶. Когда же Анненков стал командующим корпусом, а потом и армией, когда можно уже было не оглядываться на Семипалатинск и Омск, опираясь на свои «стойкие, дисциплинированные части», он действительно «стал полновластным диктатором Семиречья»²¹⁷. На территории Отдельной Семиреченской армии «была объявлена военная диктатура, все гражданские учреждения ликвидированы»²¹⁸.

Быть может, Анненков продержался бы в Семиречье и дольше, но приход Оренбургской армии поставил его в безвыходное положение. Оренбуржцы занесли в область тиф. Началась страшная эпидемия. В результате в начале марта 1920 г. в партизанских частях атамана Анненкова в строю осталось не более четверти бойцов. Край был жестоко разорен войной. Наплыв большого количества новых едоков быстрее исчерпал все запасы продовольствия и фуража. Реквизиции уже не помогали, брать было почти нечего, местное население само голо-

---

²¹² Марковчин В.В. Указ. соч. С. 279.

²¹³ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 449, 453.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 89. Л. 2.

²¹⁵ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 378.

²¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 2г. Л. 93.

²¹⁷ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 250.

²¹⁸ ЦГА РК. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 12а. Л. 128.

дало. Начался падеж конского состава²¹⁹. «Развал снабжения достиг апогея», и, испробовав все меры, Анненков поручил начальнику агрономического отдела Семиреченской армии Замятину посеять весной мак, чтобы полученный опиум обменять в Китае на хлеб²²⁰. Но опиум долго было ждать. Назревал кризис. В начале марта 1920 г., когда красные ринулись в наступление, лошади белой конницы получали один лишь камыш²²¹. В середине марта последовал крах Семиреченской армии.

Анненков отступил из Семиречья последним из белых военачальников. Со своими партизанами он еще держался в горах на границе, и лишь в мае 1920 г. ушел в Китай, где его отряд был интернирован. За незаконное хранение оружия и попытку самовольно уйти с отрядом в Западную Монголию Анненков почти три года провел в тюрьме Урумчи. После освобождения он занимался коневодством в провинции Ганьсу. В 1926 г. атаман оказался в Москве: по одной версии, был захвачен и вывезен чекистами, по другой — переосмыслил свою прежнюю жизнь и вернулся добровольно. 12 августа 1927 г. выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР в Семипалатинске приговорила его к высшей мере наказания. Через 12 дней Анненков был расстрелян.

При сравнении «анненковщины» с дальневосточными разновидностями «атаманщины» бросается в глаза то, что у Анненкова не было внешнеполитической ориентации, собственных источников финансирования и вооружения от иностранных организаций и государств. Его ориентация была чисто русская.

В отличие от Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова он так и не смог легитимироваться в качестве войскового атамана Сибирского или Семиреченского казачьего войска, так до конца и оставшись, по определению капитана А.В. Шемякина, «экстерриториальным атаманом»²²². Пожалуй, он и рвался не столько к государственно-политической власти, сколько к военному творчеству и боевой славе. Еще С.П. Мельгунов обратил внимание на одну особенность частей атаманов Б.В. Анненкова и И.Н. Красильникова: «При всей своей распушенности эти атаманские отряды не проявляли стремления захватить власть, чем отличались дальневосточные атаманы»²²³. По этому поводу штабс-капитан А.А. Добкевич писал: «Анненков — это не Семенов. Семе-

²¹⁹ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 118, 280.

²²⁰ ЦГА РК. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 12а. Л. 128.

²²¹ *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 281.

²²² *Дроков С.В.* Адмирал Колчак и суд истории... С. 239.

²²³ *Мельгунов С.П.* Трагедия Адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. III. Т. 1. С. 236.

нов — просто жулик, а Анненков делает свое дело и без всяких семановских претензий»²²⁴.

Самозарождение атаманских отрядов, ключевую роль в котором играли волевые качества и харизма их вождей, было типично для всех очагов «атаманщины». Однако и в этом отношении «анненковщина» весьма своеобразна. «Особые отряды» Семенова и Калмыкова образовались в безопасности на станциях КВЖД при поддержке Правления дороги, русского консула в Харбине и иностранцев. Семеновцы и калмыковцы легко получали дополнительные средства путем конфискации в поездах, реквизиций и контрибуций в полосе отчуждения КВЖД. Анненков действовал нелегально или по-партизански на советской территории под самым носом у омских большевиков, спланировав вокруг себя бойцов, обрастая связями с населением, живя за его счет, вооружаясь трофеями. Казачьи земли от станиц Атаманская, Захламинская, Мельничная на востоке и до района станции Исылкуль на западе, с их казачьим и разночинским населением можно считать очагом зарождения «анненковщины», откуда партизаны получали помощь вплоть до ноября 1919 г. Именно там в июне 1918 г. казаки выдвигали Анненкова в войсковые атаманы Сибирского войска. У другого партизанского атамана, также начавшего действовать в районе Омска, И.Н. Красильникова такие прочные связи с сельскими жителями не сложились; «красильниковщина» — это порождение города. Именно подпольно-партизанская борьба первой половины 1918 г. и тесное общение в этот период с сибирскими казаками, крестьянами, немцами-колонистами, предпринимателями-аграриями создали Анненкову ореол непримиримого, храброго и удачливого военного лидера. Во время жестоких боев и беспощадных расправ с врагами на Верхнеуральском фронте имя его прогремело не только в Сибири, но и на Урале, в Поволжье. Следствием популярности стал приток добровольцев. К нему потянулись люди, жаждавшие борьбы, подвигов, славы, особенно «зеленая молодежь»²²⁵.

«Анненковщина» выросла из фронтового братства партизан периода Германской войны. Казаки бывшего Отряда особого назначения Сибирской казачьей дивизии послужили костяком для возрождения отряда в мае — июне 1918 г. и оставались с атаманом до конца или помогали ему в станицах. Такого ядра у других представителей «атаманщины» не было. Они в 1918 г. создавали свои отряды с нуля, зачастую из случайных элементов. Поэтому Калмыкову в

²²⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.3-9об. — 1.3-10.

²²⁵ Руднев С.П. При вечерних огнях. Харбин, 1928. С. 253.

начале 1918 г. приходилось эсерствовать и подстраиваться под развращенных демагогией казаков-уссурийцев, а Семенову — искать союзников в лице эсеров-областников. Поэтому у красильниковцев так быстро пошло нравственное разложение в виде пьянства, хулиганства, грабежей, пыток. Дальневосточные атаманы с сентября 1918 г. уже не участвовали в боях. Калмыков и особенно Семенов стали высоким начальством, отделились от рядовой массы добровольцев. Анненков же занимался реальной боевой работой, водил своих партизан в пекло до самого окончания гражданской войны, неоднократно рискуя жизнью. Поэтому анненковцы говорили про своего атамана: «[...] Он за нас пойдет, а мы за ним хоть куда»²²⁶. Обращение «брат-атаман», лозунг «С нами Бог и атаман!» представляются признаками уважения и любви бойцов к своему командиру. Несмотря на некоторую эволюцию в сторону «регулярности», части Анненкова до конца сохраняли свой добровольческий костяк и партизанско-предприимчивый характер. Причем свое боевое братство анненковцы демонстрировали и в эмиграции.

Каждый атаманский отряд — это локальное явление со своей социальной базой. Уникальность анненковского формирования в том, что оно сменило четыре «среды обитания» и к каждой приспособлялось, в каждой «пускало корни» и находило «питательные соки». Анненков удивительно быстро обживался на каждом новом месте, находя источники снабжения и пополнения добровольцами. При этом связи с прежней средой сохранялись. Атаман даже попытался через создание штабов пополнения придать им системный характер. Партизанский отряд можно рассматривать как форму самоорганизации тех или иных социальных групп, как средство превращения ими хаоса в относительный порядок. Приобщение к этому порядку шло через соучастие в самозащите. Проще говоря, хочешь защиты — сам иди в партизаны. Видимо, на этой почве анненковцам удавалось находить общий язык с разными группами населения, превращать их в своих союзников и даже опору. Просто поразительна способность атамана, едва нащупав, едва почувствовав «свою» социальную группу, тут же формировать из нее новую добровольческую часть. Сибирские казаки, офицерская и учащаяся молодежь, сербы, оренбургские казаки, башкиры, китайцы, крестьяне-старожилы Туркестана, киргизы (казахи) Семипалатинской и Семиреченской областей, казаки-семиреки, таранчи, калмыки, чины Оренбургской армии (офицеры, солдаты, казаки), — все они последовательно втягивались Анненковым в его борь-

---

²²⁶ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 24. Л. 74 об.

бу. Из всех них только башкир он не смог увлечь за собой и превратить в своих партизан.

Пример 2-го Устькаменогорского партизанского казачьего полка показывает, что социальная база «анненковщины» была достаточно широкой. Количество добровольцев (в том числе оказавших киргизов) и масштаб пожертвований в пользу полка свидетельствуют, что анненковцы пользовались реальной поддержкой значительной части городского, казачьего и киргизского населения Устькаменогорского уезда. Причем нельзя сказать, что атамана поддерживали исключительно зажиточные слои населения. Среди его партизан-добровольцев были, например, представители казачьей бедноты²²⁷. Умел Анненков воздействовать и на противника. Его воззвания к красноармейцам и населению Черкасской обороны, призывавшие перестать защищать «шпану и голодранцев», привели к переходу у с. Петропавловское 22 сентября 1919 г. с оружием на сторону Партизанской дивизии трех эскадронов 1-го Пржевальского полка²²⁸.

Каждый из вождей «атаманщины» чувствовал себя более-менее самостоятельной политической силой. Взять хотя бы самоинициативное создание Анненковым собственной структуры разведки и контрразведки, альтернативной правительственным, и выходявшей в своей деятельности далеко за пределы территории, контролируемой Партизанской дивизией. Стремление атаманов устанавливать свои порядки — не просто самовластие «военщины», характерное для «белого большевизма», а целая система представлений и практических действий в вопросах о целях, средствах и формах борьбы.

Ввести революционную стихию в государственное русло можно было только с помощью насилия, что понимали далеко не все белые. Их либерально-демократическое крыло уповало на разум, право, закон. И в этом корень противоречия между военной и гражданской ветвями власти белых режимов. В зоне дислокации своей дивизии Анненков, исходя из реалий, старался приобрести преобладающее влияние и подчинить себе де-факто гражданские власти. Самым масштабным и политизированным вариантом «атаманщины» была «семеновщина». Г.М. Семенов пытался отстроить самостоятельный политический режим. Намерения Анненкова не простирались столь далеко. Но силою обстоятельств, вследствие краха колчаковского режима, он сосредоточил в своих руках всю власть на подконтрольной территории. Белое Семиречье в декабре 1919 — первой половине марта

²²⁷ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 64.

²²⁸ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

1920 г. — это, пожалуй, единственное во всей России периода гражданской войны место, где действительно была установлена чисто военная диктатура. Гражданские органы власти там были вообще ликвидированы или интегрированы в военную структуру. Этот специфический военно-политический режим, существовавший в течение трех с половиной месяцев в экстремальных условиях кризиса снабжения и военного крушения, требует дальнейшего изучения. В частности, до конца не понятно, по каким принципам осуществлялись реквизиции продовольствия и фуража у населения, как организовывался осенью 1919 г. сбор урожая с полей сел, оставленных «черкасцами».

В отличие от красного белый террор в целом не носил тотального характера, не имел идеологического обоснования, не являлся одним из важнейших направлений государственной политики. У белых крайние жестокости и дикие расправы являлись эксцессами на почве личной мести и развинченной потрясениями психики. Террор такого типа осуществляли и анненковцы. Так, И.И. Сукин считал, что в Сибири наибольшую жестокость при подавлении восстаний проявили в районе Барнаула голубые уланы Анненкова. Он объяснял их поведение тем, что пока уланы были на фронте «восставшие разбойничьи банды перерезали» их семьи. Будучи возвращены на Алтай и посланы на подавление, найдя свои семьи убитыми, а дома разрушенными, они стали мстить, проявив «нечеловеческую жестокость»²²⁹. Однако уже в июне 1918 г. анненковцы отметились столь несвойственными для «демократической контрреволюции» расстрелами советских деятелей. Похоже, что белые партизаны типа штабс-капитана К. Шаркунова уже тогда действовали по принципу «лучший большевик — мертвый большевик», исключавшему презумпцию невиновности, делавшему излишними реальные следственные действия, автоматически превращавшему подозреваемого в виновного. Уничтожение в Семиречье сел Подгорное, Пятигорское и Петровское как базы «красных горных орлов» также резко выделяется на общем фоне карательной политики белых режимов. Такого массового уничтожения населения, включая семьи красных партизан, не было даже в Канском военном районе Енисейской губернии. То есть в крайних случаях Анненков использовал тотальный террор.

Сложными, неоднозначными были отношения Анненкова с буржуазией. Если с патриотической ее частью, особенно мелкой и средней, которые весной 1918 г. в основном и питали его возрож-

---

²²⁹ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы. М., 2005. С. 468–469.

давшийся отряд, взаимопонимание, судя по всему, было полным, то в отношении торгово-промышленных кругов он «не стеснялся» применять контрибуции и реквизиции. Пока Омск не запретил, Анненков проводил частичную экспроприацию крупной и средней буржуазии. Антибуржуазная струя в «анненковщине» несомненна. Так, в стихотворении анонимного анненковца критиковались «набивавшие мошну» рвачи с народа, «золота рабы», и сам Колчак был назван «избранником богачей»²³⁰.

Идейная часть анненковцев воспринимала борьбу атамана как мессианскую. Анонимный автор в «Хвале и благодарности» Анненкову в марте 1919 г. писал: «Ты для спасения страдающей отчизны нам Богом дан. Благословит тебя Христос! И он тебе поможет и на твою главу премудрую венец хвалы возложит, да победим врагов своих [...]»²³¹.

Сам Анненков на следствии и суде прямо говорил о своем монархизме. Но в гражданскую войну атаман об этом не распространялся, и Н.А. Денисов в 1927 г. удивился: «Я впервые услышал на процессе, что он — монархист!»²³² Тем не менее, связь Анненкова с лидером монархистов востока России князем А.А. Кропоткиным наводит на размышления и требует изучения. Каждый день во всех частях Партизанской дивизии начинался и заканчивался молитвой. В 1920 г. атаман перешел в документах на старый стиль²³³ и заменил звездочки на офицерских погонах углами²³⁴. Передислокация тыловой группы Партизанской дивизии на Урал в июне 1919 г. походила на политическую демонстрацию. Ее эшелоны были увешаны плакатами «Да здравствует Великий князь Михаил Александрович», а из вагонов раздавались «старо-патриотические песни»: «Боже, Царя храни!» и т.п. В Екатеринбург в Общественном собрании офицеры-анненковцы провозгласили здравицу в честь Михаила Александровича и заставили присутствовавших снять головные уборы²³⁵. «Боже, Царя храни!» в исполнении атаманского оркестра при причаливании парохода с Анненковым к пристани Усть-Каменогорска можно объяснить желанием атамана произвести впечатление на патриархальных устькаменогорцев²³⁶.

---

²³⁰ ГАРФ. Ф. 6121. Оп. 1. Д. 73. Л. 83.

²³¹ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

²³² Гольцев В.А. Сибирская Вандея... С. 21.

²³³ ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 293.

²³⁴ Камский. Сибирское действо. Пг., 1922. С. 36.

²³⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 773. Л. 339; Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 182–183.

²³⁶ Марковчин В.В. Указ. соч. С. 245.

Пение казаками того же «народного гимна» в обыденной обстановке (под Семипалатинском в 1918 г.)²³⁷ позволяет предположить, что в недрах сибирской «атаманщины» подспудно шел некий военно-партизанский, народно-монархический эксперимент.

Боевой потенциал анненковцев не был в должной мере использован колчаковским режимом. Тыловая группа Партизанской дивизии не получала просимого месяцами. В то время как хорошо снабжались оружием, обмундированием и прочим части типа 1-го Украинского пешего им. Т.Г. Шевченко куреня или 13-й Сибирской стрелковой дивизии, которые при вводе в бой в значительной своей части переходили на сторону противника. Причина — в недоверии власти к «атаманщине». Полковник П.И. Виноградский в рапорте Анненкову от 23 августа 1919 г. указывал: «К партизанам относятся враждебно, стараясь ничего не давать и всюду урезать, в боевой обстановке — заискивают. Кроме того, распускают нелепые слухи, которые я всегда прекращаю документальными данными»²³⁸. Отношение центральной власти к Анненкову изменилось только осенью 1919 г., после комиссии генерала Н.П. Щербакова, когда время уже было упущено.

Главными причинами недоверия к анненковцам, видимо, были местный характер партизанских формирований и их политическая окраска. Сила «атаманщины» заключалась в привязке к населению определенной местности, в защите интересов конкретных социальных групп. Костяк партизан воевал вполне сознательно, исходя из своих материальных и иных интересов, имея их идейное обоснование. Таких бойцов в отличие от «регулярных» солдат, якобы стоявших «вне политики», нельзя было гонять с фронта на фронт, ничего им не объясняя. Их своенравность и демонстративный монархизм не могли не напрягать военно-политический режим бонапартистского типа, декларировавший свою надклассовость, надпартийность и имевший либеральную «вывеску», предназначенную как для внутренних союзников (правые социалисты), так и внешних (западные демократии).

---

²³⁷ Расследование цареубийства. Секретные документы. М, 1993. С. 351–352.

²³⁸ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 240–241.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутенин Николай Аркадьевич — Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики; кандидат исторических наук, доцент (Уссурийск);

Бутенина Наталья Дмитриевна — Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики; кандидат исторических наук, доцент (Уссурийск);

Журавлев Вадим Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск);

Звягин Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета (Кемерово);

Пивоваров Никита Юрьевич — стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск);

Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск);

Симонов Дмитрий Геннадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск);

Шереметьева Дарья Леонидовна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск);

Шулдяков Владимир Александрович — кандидат исторических наук, профессор Омского экономического института (Омск).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
АУФСБОО — Архив Управления ФСБ по Омской области
ВАП — Временное Амурское правительство
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОПУ — Временное областное правительство Урала
ВПАС — Временное правительство автономной Сибири
ВСП — Временного Сибирского правительства
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
ГУМЗ — Главное управление мест заключения
ДВГГУ — Дальневосточный государственный гуманитарный университет
ДВГУПС — Дальневосточный государственный университет путей сообщения
ИАОО — Исторический архив Омской области
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
Комуч — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КПСС — Коммунистическая партия Советского союза

МВД — Министерство внутренних дел
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РККА — Рабоче-крестьянская красная армия
САСШ — Северо-американские соединенные штаты
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СССР — Союз советских социалистических республик
СУР ВОПУ — Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918.
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ХГПУ — Хабаровский государственный педагогический университет
ЦАФСБ — Центральный архив ФСБ
ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦДОО СО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦК — Центральный комитет
ЦХАФ АК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края

СОДРЖАНИЕ

<i>Д.Л. Шереметьева.</i> Самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания: партийно-политическая характеристика	3
<i>В.М. Рынков.</i> Временное областное правительство Урала: Опыт строительства региональной автономии в условиях гражданской войны (август — ноябрь 1918 г.).....	27
<i>Н.А. Бутенин, Н.Д. Бутенина.</i> Политические режимы «демократической контрреволюции» на Дальнем Востоке России летом — осенью 1918 г.....	49
<i>Н.Ю. Пивоваров.</i> Совет всесибирских кооперативных съездов в политическом контексте гражданской войны (сентябрь 1918 — январь 1920 г.).....	82
<i>В.В. Журавлев.</i> Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: Опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку	108
<i>Д.Г. Симонов.</i> Ставка Верховного главнокомандующего в системе органов государственной власти российской контрреволюции (сентябрь 1918 — январь 1920 г.).....	128
<i>С.П. Звягин.</i> Освобождение из мест заключения во время гражданской войны: Практика антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири (середина 1918–1919 г.).....	146
<i>В.А. Шулдяков.</i> «Анненковщина» как политический фактор гражданской войны на востоке России.....	161
Сведения об авторах	214
Список сокращений	215

Научное издание

**Политические системы и режимы
на востоке России
в период революции и гражданской войны**

Сборник научных статей

Компьютерная верстка:
В.В. Журавлев

Подписано в печать: 22.?? 2013.
Формат: 60x84¹/₁₆.
Гарнитура: Times New Roman.
Уч.-изд. л. 10,5 Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1,
тел. (383) 330-26-98